

Министерство образования Российской Федерации

Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса

Н.В. ШИНКОВСКАЯ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Учебное пособие

Владивосток
Издательство ВГУЭС
2003

ББК 66.017

Ш 62

Шинковская Н.В.

Ш 62 ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: Учебное пособие. –
Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2003. – 164 с.

Учебное пособие посвящено одной из обязательных важнейших политологических проблем и одному из самых противоположных понятий общественной жизни и науки – политической идеологии.

В представленном издании на основе современных научных подходов анализируются теоретические аспекты проблемы: природа и сущность идеологии, эволюция понятия и явления, а также исторический социально-политический контекст возникновения и развития идейно-политических течений, включая спектр современных идеологий. Книга содержит большой фактический и концептуальный материал по формированию и развитию идеологических феноменов, акцентирует внимание на дискуссионных аспектах проблемы.

Предназначено для студентов, специалистов политологов, а также широкого круга участников российского политического процесса, политических партий и общественных движений.

ББК 66.017

© Издательство Владивостокского
государственного университета
экономики и сервиса, 2003

ВВЕДЕНИЕ

Идеология – одно из самых противоречивых понятий в общественных науках, социально-политический феномен, по поводу происхождения и сущности которого уже не одно столетие ведутся дискуссии в науке и публицистике.

С тех пор, как это понятие появилось в общественной жизни и науке, оно с повторяющейся регулярностью объявляется «искусственным», «иллюзорным», «ложным» и вредным для общества духовным образованием, искажающим действительность, от которого человечество, в ходе своего социального и интеллектуального совершенствования неизбежно в конце концов избавится.

Критикуя антинаучность идеологии, представители различных социологических школ XX века возлагали надежды на человеческий интеллект в лице его лучших представителей, способных подняться над «массовыми заблуждениями», преодолеть научно-познавательную несостоятельность идеологий и создать исключительно рациональную социологическую науку об обществе.

В 50-е гг. нынешнего столетия Р. Арон, Д. Белл, З. Бжезинский, Дж. Гелбрейт, Р. Дарендорф, Д. Крозье, Г. Бюрдаль и многие другие авторитетные ученые Запада, развивая идеи позитивизма, прагматизма и технократизма, возвестили «конец века идеологий». В основе провозглашенной ими теории «*деидеологизации*» – убеждение в том, что *наука, технический прогресс* освобождают человеческий разум от ложных, ненаучных элементов. Идеология заменяется чистой, свободной от ценностных суждений социальной наукой.

Другой аргумент состоял в том, что научно-техническая революция в корне меняет человеческое общество, снимает проблему классовых различий и антагонистических противоречий и ставит на место интереса классового, группового интерес личный, профессиональный. Собственность перестает быть критерием социальной стратификации, классового деления общества, которое замещается профессиональным, и человечество, тем самым, освобождается от «мистификации» классовых интересов и политических иллюзий. Однако эта теория вскоре была опровергнута самим ходом общественного развития и вытеснена теорией «*реидеологизации*», т.е. восстановления идеологии в ее исконных правах. Практика показала, что прогнозы относительно собственности и возможности существования общества без идеологии поспешны и что общество без идеологии – не меньшая иллюзия, чем идеологизированное мышление.

Новая волна критики идеологии пришла к концу 80-х–90-х гг. Особую роль в ее подъеме сыграли: глубочайший кризис догматизированной идеологии марксизма-ленинизма; распад мировой системы со-

циализма; переход бывших социалистических стран к рыночной системе хозяйства и парламентской демократии. Провозгласив на этой основе крах коммунистической идеологии, они усмотрели в этом доказательство краха идеологии вообще. Но последующие экономические и политические преобразования, осуществленные в нашем государстве, вновь подтвердили тот факт, что глубокие изменения в обществе невозможны без идеологического обоснования.

В мировой политологической мысли существует неоспоримое понимание того, что идеология имеет объективные социально-политические корни своего существования и формируется на уровне индивидуального и группового сознания, социально-политических интересов, отвечает мировоззренческим и коммуникативным потребностям общества, являясь одновременно средством объединения и идейно-политической дифференциации людей. Общественная организация, государственная и политическая, как и политика в целом, невозможны без идеологии.

Идеология является одним из наиболее важных механизмов саморазвития политики и сознательного переустройства общества.

Согласно выводу русского социолога П. Сорокина, в основе кризиса любых цивилизаций и общественных систем лежит, в конечном счете, идеологический кризис. Так же как и любое общественное возрождение начинается с обновления и очищения общественных идеалов, утверждения новых систем ценностей.

«Проблема государства, – писал крупный отечественный синолог В.А. Рубин, – связана гораздо теснее с вопросами идеологии, чем с экономикой. При этом линия «причина – следствие» ведет большей частью не от экономики – к политике и идеологии, а наоборот»¹. Именно к идеологическим он относит принципиальные различия между Востоком и Западом. В «государственной» идеологии Востока деспотия всегда доминировала над обществом, фактически поглощая его: личность поглощалась коллективом, а общество – государством. В общественном самосознании не существовало личности как самоценной индивидуальной целостности со всеми ее внутренними потенциями и особенностями.

Кроме того, на протяжении тысячи лет ведущее место в этой идеологии занимала религия, которая превратилась в своего рода программу в мозгу человека, передающуюся генетическим путем, и оказывала мощное воздействие на поведение человека и социальных групп. Религии Востока – древнеиндийские, коранические, буддизм и христианство – пронизывали общество таким образом, что невозможно провести различие между религиозным и светским, наукой и религией, обрядностью и бытом. Что всегда использовалось руководящей элитой и созда-

---

¹ Рубин В.А.. Личность в традиционном Китае. – М., 1992. С. 311.

вало возможность для поддержания примата тотальной идеологии на уровне государства.

Для идеологии Запада, формировавшейся с времен античности на идеи и институтах частной собственности, которые протестантская этика лишь помогла реализовать, характерно акцентирование внимания на правах и свободах личности, на правовом государстве, на демократии. Западное общество формировалось постепенно, оформляя и детализируя проблему соотношения государства и общества, которое освобождено от гнета государства и выступает по отношению к нему равным партнером. Духовная свобода, точнее духовный плюрализм, в котором формировалось западное общество, начиная с XVIII века, породил множество идеологий, выражавших на каждом историческом этапе интересы различных слоев, групп, классов.

Наряду с ними существовали и общегосударственные идеологии, с помощью которых данная территориальная, культурная и политическая общность возвышалась до осознания себя как народа до уяснения своего места и роли в истории региона, человечества, начинала соотносить свою деятельность с деятельностью других народов.

Основной чертой XX века стало противостояние коммунистической идеологии всем остальным.

В нашей стране вся официальная научная мысль боролась за чистоту и совершенствование обоснования первой. Поэтому речь о каких-то серьезных научных изысканиях в этой области не шла. Но по мере усиления официальной апологетики в обществе вырабатывалось общее негативное отношение к этому понятию. Одним из направлений «перестройки», быстро схваченным нашим сознанием, стало требование «деидеологизации». Под последней сначала понималось освобождение сознания от навязываемых и не подтвердившихся догм, тирании ложных теорий осчастливливания человечества, на поддержание которых были использованы все возможные, допустимые и недопустимые, ресурсы власти (превращения самой идеологии в форму власти).

В конечном итоге под деидеологизацией стало пониматься требование не просто освобождения от устаревшей идеологии, а «уничтожение», «снятие с повестки истории», ликвидации феномена как такового. Казалось, что, сокрушив идеологию, мы обретем свободу мысли, которая будет направлена на оздоровление нашего общества.

Отбросив понятие идеологии, уповали на здравый смысл, нравственные начала религии и российской культуры в целом, возрождение «русской идеи», наконец, на формирование нового «научного мировоззрения», свободного от всякого мировоззрения. Характерной была статья Ю. Шредера, называвшаяся «Идеология или сознание? К проблеме выбора»². Его вывод состоял в том, что любая идеологическая структу-

---

² «Знание – сила», 1990, № 3.

ра определяет и ограничивает характер и пределы научного знания, поэтому выбор должен состоять не в том, какая идеология предпочтительнее. Этот выбор состоит в дилемме: примат идеологии или примат сознания вообще. Такие понятия, как «идеологизированное общество», «идеологизированная наука», «идеологизированная личность», – стали в нашем сознании атрибутом тоталитаризма, от которого мы освободились, который мы оставляли в нашем прошлом. А вместе с ним пытались избавить свое общество от идеологии вообще.

С этой точки зрения весьма любопытен тот факт, что в конце XX в. и в американских академических изданиях развернулась дискуссия о возможности складывания новой (четвертой по счету) национальной идеологии. По оценкам исследователей, сохраняя одну и ту же Конституцию на протяжении 200 с лишним лет, США сменяют уже третью идеологию. *Англо-американскую* (с конца XVIII столетия и до гражданской войны Севера с Югом) на *евро-американскую* (с середины XIX в. до 50 – 60-х гг. XX столетия), и, наконец, на *мультикультурализм*, господствующий в настоящее время. Каждому периоду в истории страны соответствует своя особая идеология, претерпевающая серьезные внутренние изменения с течением времени.

Сегодня ставится вопрос о новом варианте идеологии – *либеральном национализме*, как альтернативе мультикультурализму. Как предполагается, в американском обществе назрел отказ от множества определенных по этническому и расовому принципу групп в пользу концепции США как сообщества наций. Речь идет о постепенном складывании единого национального организма через взаимную диффузию культур и расовую амальгаму. Культурная детерминанта оказывается решающей в характере американской нации в противовес расово-биологическим основаниям идентификации через отдельные группы. Выдвигается принцип – «от демократии внутри расы к демократии межрасовой». Переход к подобной постановке вопроса занял весьма длительный исторический период и потребовал осторожной и тщательной работы прежде всего со стороны федеральных структур, учитывая болезненность и взрывоопасность процессов сближения и выравнивания этнонациональных составляющих.

Очень остро эта проблема стоит сегодня у нас, где произошло крушение тоталитарной системы, а вместе с ней и идеологии, объединившей страну в течение 70-ти лет. В нынешней России с ее глубоким кризисом самоидентификации и необходимостью нахождения заново своего места в Мире, проблема интегрирующей идеологии приобретает особое значение – речь здесь идет о превращении массы людей в народ, т.е. в исторически и политически дееспособную целостность.

Самоопределение – личное, коллективное – будет идти в новом социально-политическом контексте. Исключение унификации убеждений

острее ставит проблему возможности (или невозможности) выработки национальной идеологии или хотя бы «интегративной» объединяющей идеи, поскольку деятельность человеческого сообщества не может осуществляться, не имея цели и смысла, тем более деятельность политическая, и этот смысл, по крайней мере, до конца XX в. формулировался идеологическими концепциями. На общегосударственном, национальном уровне идеологии и сейчас не исчерпали своего потенциала.

Идеология стремится объяснить и обосновать тот социальный и политический порядок, который она защищает и уже в силу этого является одним из основных факторов формирования человека, как гражданина, в обществе – государстве.

Политическая жизнь общества существует и будет существовать, пока существует государство и представляет собой взаимодействие, борьбу различных политических сил, имеющих общие и различные интересы и цели. Как отмечают политологи, в действиях политических лидеров и стоящих за ними групп есть некая заданность их действий, подчиненность определенной логике. В разнородном по многим параметрам обществе что-то обеспечивает целостность и политический порядок, т.е. признание существующего устройства, общих норм и ценностей.

В то же время некая общность в отношении к таким реалиям, как власть, институты государства и т.д., формирует в обществе идейно-политически неоднородные группы, представители которых достигают консенсуса по вопросам о путях и методах, а также перспективах развития общества. В обоих случаях таким фактором, как полагают политологи, до сих пор являлась политическая идеология.

РАЗДЕЛ 1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

Тема 1. Предмет политической идеологии. Проблемное поле

По поводу определения категории политической идеологии существует множество точек зрения, часто противоречащих друг другу.

Американский социологический словарь дает три значения термина «идеология». В первом случае под ней понимаются различные специфические виды убеждений как некая совокупность связанных друг с другом идей, сфокусированных вокруг нескольких основополагающих ценностей. Речь идет о политических идеологиях, объединяющих своих приверженцев в партии или секты и выполняющих ту или иную социальную роль.

Во втором – идеи и убеждения, являющиеся в некотором смысле искаженными или ложными, что идет от марксизма и связано с экономической или классовой детерминированностью. Но дискуссии на этом пути тоже в тупике. Так, если экономический базис или классовый интерес в любом социально-дифференцированном обществе (а таковыми в той или иной степени по сути и сейчас являются практически все общества) искажает знание, то каким образом возможно стороннее мнение о том, что это искажение действительно существует?

В третьем случае термин «идеология» используется для обозначения любой совокупности идей и убеждений, охватывающих самые различные сферы, от научного знания до религии и повседневных представлений о надлежащем поведении вне зависимости от того, истинны эти представления или ложны³.

Обвинения в ненаучности, неспособности отражать реальность связаны с определенным подходом к природе политической идеологии. В марксизме это ложность классового сознания, отражающего политическую действительность с позиций господствующих в обществе классов. При этом на сам марксизм и научный социализм эта характеристика не распространялась. М. Вебер разводил науку идеологию, поскольку относил последнюю к области веры и исследовал на уровне обыденных представлений. Неопозитивист Т. Гейгер сводил идеологию к системе ценностей, представлявших собой рационализированные, облеченные в теоретическую форму жизненные страсти, интересы, желания, эмоции – безусловно субъективные по своему характеру.

---

³ См. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С. Социологический словарь. – Казань, 1977.

В наиболее крайнем варианте этот подход сформулирован у К. Ясперса в книге «Смысл и назначение истории», где он пишет: «Идеологией называется «система идей или представлений, которая служит мыслящему субъекту в качестве абсолютной истины, на основе которой он строит свою концепцию мира и своего положения в нем, причем, таким образом, что этим он осуществляет самообман, необходимый для своего оправдания, для маскировки своих подлинных интересов, для того, чтобы тем или иным способом уклониться... к своей выгоде... Наименование какого-либо мышления идеологией – это обвинение в том, что сказанное не соответствует истине, что оно неправдоподобно...»⁴

Находясь на стыке человеческого сознания и общественной практики, идеология связана также с общей проблемой адекватности отражения человеческим сознанием общественных отношений и в том числе политических.

Нужно сказать, что практически вся западная философия и социология второй половины XIX – XX вв. характеризуется усиливающимся отказом мышлению в способности адекватного отражения мира. Тем более это касается идеологии, которая в любом варианте рассматривается как служанка, если не власти, то какой-либо социальной группы, на власть претендующей. Интересы же любой части общества не могут выражать интересов всего общества. И, защищая их, идеология этой группы извращает действительность в угоду ее интересам. Как пишет Ясперс, любое тотальное и монокаузальное понимание оказывается при ближайшем рассмотрении ложным.

Упрощенный, односторонний подход к идеологии лишь *как функции*, целью которой является управление обществом, выразил бывший французский коммунист Р. Гароди, с точки зрения которого идеология разрабатывается господами для оправдания их строя и их привилегий, независимо является ли это оправдание мифическим, религиозным или рациональным.

Наряду с проблемой истинности и ложности дискуссионным является вопрос о времени возникновения идеологии как формы общественного сознания. Является ли этот общественно-политический феномен объективно присущим существованию мыслящего человечества и общества или же он характеризует только определенную стадию его развития. Русский философ и социолог П. Сорокин, например, как и марксисты, выводил это явление из глубокой древности и связывал его с появлением имущественной дифференциации, но в отличие от последних не ограничивал интересами классов-антагонистов, так как такой подход делит все идеологии на прогрессивные и реакционные, с чем он

---

⁴ Мыслители XX века. – М., С. 146–147.

был не согласен. Под идеологией общества он понимал «весь комплекс представлений, осознанных и не осознанных», «понятий, суждений, комплексы их: убеждения, верования, теории», «мировоззрения, свойственные членам агрегата»⁵.

При таком подходе идеология представляет собой духовное явление, которое будет существовать всегда, тогда как идеология классовая, или какой-либо социальной группы, всегда будет лишь историческим вариантом идеологии вообще.

В соответствии с другим подходом, о который будет подробно рассмотрен ниже, идущим от Франфуртской школы, идеология – порождение капитализма.

Возникнув, таким образом, на стыке политического сознания и политической практики, политическая идеология является духовной составляющей политической реальности и охватывает представления людей в области их общественных интересов, касающихся их отношений между собой и с институтами власти.

Политическое сознание существует, как известно, в двух формах: политической психологии и политической идеологии.

Первая имеет дело с чувственными, эмоциональными элементами сознания индивидов, способствует выработке у человека непосредственных мотивов.

Идеологию отличает, во-первых, относительно высокая степень систематизации идей и взглядов; во-вторых, функциональная связь с интересами и стремлениями не всего общества, а части его – *общественной группы*, с позиций исторического опыта и условий жизни которой оцениваются действительность, отношения между людьми и, что самое главное, пути и методы их преобразования.

В этом виде практики, как замечает Ежи Вятр, человечество предстает как дифференцированное, разделенное объективными интересами целое. Эти интересы могут быть различными. В классовом обществе на первый план выступает противоположность интересов, вытекающих из объективного конфликта классовых интересов. Однако дифференциация интересов происходит не только на классовой основе. «Национальные и государственные различия, различия между географическими регионами, профессиональными группами и т.п. дают импульсы для создания (чаще всего) образа социальной действительности с точки зрения группы, интересы и действия которой лежат в основе интеллектуальной деятельности теоретика, распространителя идей, духовного вождя.

Именно в этом случае мы говорим, что определенная совокупность взглядов является функциональной по отношению к интересам и стрем-

---

⁵ Сорокин П. Голод и идеология общества // Квинтэссенция. Философский альманах. – М., 1990. С. 376–377.

лениям общественной группы или, что она определяет собой коррелят группы»⁶.

Идеология, таким образом, затрагивает узловые проблемы *политического* мировоззрения людей, государственного и общественно-политического устройства, деятельности политических партий, а также обоснования претензий какой-либо группы на власть или ее использование, включая ту или иную стратегию действий. Связанная с представлениями участвующих в политическом процессе разнородных, порой принципиально враждебных, социально-политических сил о достижении политического идеала, идеология всегда находилась в центре человеческих страстей. Как пишет Карл Манхейм, создавший в 20-х гг. нашего столетия самый фундаментальный труд по теории идеологии, на этапе усиления политической борьбы, когда происходит осознание классовых различий, тем более когда складываются партии, мировоззренческие установки становятся предметом нападков и сам термин «идеология» употребляется по отношению к политическому сознанию противника, которое рассматривается как ложное ошибочное, своя же позиция – как реальная, научная, соответствующая направлению развития.

Обладая собственной ролью в обществе, идеология имеет функции осуществление которых выводит ее за границы претензий на научную истину. Идеологический способ отражения отличается от логически-рационального (научно-теоретического) и от эмоционально-психологического (житейски-бытового, обыденного), занимая как бы срединное положение.

Содержание идеологии определяется учением или доктриной* (более высокая степень систематизации). В них интегрируются знания, выработанные предшествующими поколениями; заимствуются ранее полученные знания и вымыслы из других идеологий; дается картина мира с акцентами на месте и роли человека в нем.

Это учение может быть научным или ненаучным, даже утопичным, но идеология, основанная на нем может быть прогрессивной. Так, в период борьбы против феодализма теория общественного договора была формой выражения сопричастности человека (народа), власти, то противостояло идее о божественном происхождении власти монархов и феодалов. На этих идеях выросли английский конституционализм и европейский либерализм, которые сыграли свою прогрессивную роль в объединении противников отживших политических и правовых институтов и сокрушении устаревших политических структур, наследственных привилегий, словесных перегородок, что обеспечило дальнейшее развитие общества.

---

⁶ Ежи Вятр. Социология политических отношений. – М.1979. С. 402.

Используя политические теории, учения, идеология изначально не ставит научных задач, имеющих гносеологический подход – т.е. познавательный, акцентирующий внимание на выяснении истинного и неистинного.

Критически оценивая теории и практики прошлого, идеологии имеют, по крайней мере, две цели.

Одна, глобальная – создать более совершенное общество (с точки зрения той социальной группы, которая обосновывает планы, программы, параметры, черты этого общества).

Другая цель – инструментальная (без осуществления которой невыполнима первая) – овладение массовым политическим сознанием, внедрение в него своих оценок прошлого и будущего государства и общества.

Целеполагание, т.е. выдвижение на основе критического анализа прошлого и обоснование планов и программ более совершенного, по сравнению с прошлым, государственно-общественного устройства – одно из движущих начал истории, стимул активности социальных общностей и человеческой деятельности вообще.

Любая политическая теория становится идеологией, когда ставит вопрос о целях, о будущем, о должном.

Здесь идеология выступает как духовная власть, выражающая интересы человеческого сообщества (группы, класса, нации и т.д.), конструирующая оптимальную модель его организации.

Идеология *разъясняет* силам действующим в политике общую социальную и политическую ситуацию, перспективы развития, *определяет ценности*, которые лежат в основе действий, *указывает средства*, обеспечивающие реализацию этих ценностей.

Основная роль идеологии заключается в способности идеологии интегрировать общество на почве сознательно сформулированных целей и общепринятых ценностей. Если у граждан государства не будут формироваться общие духовные ценности, не будет общей идеологии, которая приводит духовные приоритеты в определенную систему, никакие законодательства не смогут регулировать общественные отношения. С этой стороны **она воплощает систему ценностей и аргументов, обеспечивающих единство политической системы, ее институтов и организаций.**

Идеология – смыслообразующая сфера общественных отношений. История духовной жизни человечества свидетельствует, что желание людей иметь идеалы и стремиться к их достижению – неистребимое свойство человека как разумного существа. Люди во все времена жили, опираясь на представления о том, что их существование имеет смысл, одновременно соединенный с ними и выходящий за их пределы. «Идеологическое» пропитывает все факторы и формы бытия: собственность и

ресурсы; потребности и интересы, стимулы и мотивацию деятельности людей; доминанты, приоритеты; культуру мышления и поведения, стиль общения людей, их мировосприятие. Без идеологического нет критериев и идеалов в жизни человека и общества, не формируются призвания и настроения, ориентации и программы. Даже в сравнительно устойчивых государствах в самое спокойное и мирное время политики апеллируют к высшим ценностям. Такое понимание идеологии дано в программной статье А.М. Косолапова, посвященной проблеме поиска интегративной идеологии для России. В ней идеология рассматривается как система ценностей и взглядов, которая позволяет человеку ориентироваться в окружающем мире и служит основой целеполагания и выбора методов политической деятельности⁷. При таком понимании идеологии, сохраняющем все ее абсолютно положительные черты, можно использовать следующее определение: идеология есть **«относительно систематизированная совокупность взаимосвязанных идей, представлений, концепций и доктрин как об устройстве и принципах функционирования общества, так и о способах достижения отвечающего интересам носителя этих идей состояния общества, которая создает основу для организованной политической деятельности независимо от того, является ли целью идеологии сохранение, преобразование или разрушение наличной политической действительности»**⁸.

Актуальной остается и роль идеологии как организующей силы, объединяющей политическое движение. При любом плюрализме, при разнообразии мнений в демократическом движении, партии, группе существуют общепризнанные принципы, отрицание которых ставит того или иного участника вне партии и движения.

В политической идеологии обычно выделяются три уровня:

теоретико-концептуальный – на котором формулируются важнейшие положения политической теории; обосновываются определенные ценности и идеалы, которые лежат в основе предлагаемого типа общественного устройства; формируется согласованная система однородных идей, от качества которой зависит ее восприятие массами;

программно-политический или директивный – на котором цели, принципы, идеалы переводятся в программы, лозунги, требования политической элиты, формируется основа для принятия управленческих решений и ориентирования политического поведения населения. Именно таким путем, через политические программы и директивы осуществ-

---

⁷ См.: Косолапов А.М. Интегративная идеология для России: интеллектуальный и политический вызов // Вопр. Философии. 1991. № 1. С. 3–24

⁸ Категории политической науки. –., 2002. – С.520.

ляется социальная регуляция поведения посредством партий и государственного аппарата;

актуализированный или поведенческий – определенный тип поведения, участия в политической жизни, к которому привело внедрение в общественное сознание данных идеологических установок⁹.

Таким образом, можно сказать, что идеологии определяют преобразования, развитие и функционирование общества в истории человечества.

Из этого следует, что идеологии самым тесным образом взаимосвязаны с политикой, политической жизнью общества. Это осуществляется, прежде всего, через интересы субъектов политики, которые выражаются идеологией и реализуются в их политическом поведении, политической практике.

Взаимовлияние идеологии и политики при определенных условиях может принимать крайние формы, что негативно сказывается на состоянии общества в целом. Чрезмерная идеологизация политики, особенно государственной, происходит при условии монополии одной идеологической доктрины в качестве фундамента практической политики. В результате политика превращается в служанку идеологии и подстраивает, подгоняет общественную жизнь под мерки идеологических постулатов и догм, а не в соответствии с требованиями реальности.

Идеологический диктат КПСС препятствовал выбору оптимальных путей, поиску альтернатив развития и привел к стагнации всех сфер общества. Политизация идеологии приводит к тому, что мировоззренческие установки меняются в зависимости от политических целей (даже конъюнктурных соображений), подгоняются под узкогрупповые интересы в ущерб общечеловеческим ценностям, социальным, нравственным.

Оптимальным является равноправное положение и взаимодействие идеологии и политики при отсутствии какой-либо монополии, идейной или властной.

По сфере распространения и политического влияния, по своему статусу идеологии разделяются на общественные и государственные. Первые проявляются и действуют, прежде всего, в сфере гражданского общества, выступая идейной платформой политических партий и общественно-политических объединений, движений. Вторые имеют государственный масштаб и проявляют себя в сфере государственной политики, выражая общенациональные интересы и ценности.

С точки зрения характера выражаемых идей, идеологии подразделяют на умеренные и радикальные, вплоть до экстремистских.

Политические идеи и ценности одних направлены на стабилизацию политического порядка, его сохранение и укрепление. Другие выражают

---

⁹ См.: Коваленко В.П., Костин А.И. Политические идеологии: история и современность // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12. 1997, № 2.

стремление к переменам в общественно-политической жизни, смене властных элит, политической модернизации, в том числе недостаточно назревшей и полезной для общества.

Идеологический или идейно-политический спектр современного общества представлен классическими идеологиями, к которым относятся либерализм и консерватизм в их современных модификациях (неолиберализм и неоконсерватизм), коммунистическая идеология и рожденная XX веком идеология социал-демократии.

В числе современных идеологий рассматривается фашизм, объединяющий европейские идейно-политические течения крайнего шовинистического толка. В отличие от либерализма, консерватизма и коммунизма, ориентированных на интересы конкретных классов и социальных групп, фашизм опирается на идею расового превосходства, национальной идентичности, пытаясь сплотить население вокруг цели национального возрождения.

В странах, где идет становление национальных общностей, осуществляется консолидация государств на моно- или полиэтнической основе, действуют национальные идеологии (Югославия и бывшие республики СССР).

Существуют доктрины, строящие свои политические требования на основе религиозных постулатов и ценностей. Некоторые, например христианские демократы, увязывают собственную картину мира с демократическими идеалами.

Есть такие, которые исповедуют фундаменталистские воззрения: ортодоксальный иудаизм, сикхизм, исламский фундаментализм, требующие возврата к коренным основам общественной организации.

Существуют также различного рода лево- и праворадикальные идеологии («неотроцкизм» и «новые правые»).

Существенное политическое влияние в отдельных европейских странах оказывает идеология «комьюнити», стремящаяся избежать крайностей и недостатков индивидуалистических и коллективистских начал, проповедующая «новый стиль жизни» путем создания различных общин, построенных в духе братства и локальной солидарности граждан. «Феминизм», борющийся за полное равноправие женщин в обществе, различные экологические идеологии («движение зеленых») и другие.

В России в структурном плане произошли существенные изменения: переход от двухполюсной и конфронтационной модели к многополюсной и, по преимуществу, консенсусной. Хотя переход этот еще не завершился и элементы «двухполюсности» и конфронтационности сохраняются в виде деления на «левых» и «правых», отчетливо обозначились контуры новой модели идеологического спектра в виде своеобразного треугольника идейно-политических сил и доктрин: либералы – коммунисты – национал-патриоты.

Первые представляют политическую идеологию правительственных кругов, осуществляющих курс на рыночное реформирование России. Вторые составляют идейную оппозицию, призывая к реставрации (на обновленной основе) основ социалистического и коммунистического порядка. Третьи, часто именующиеся «третьей силой», заявляют о себе как оппозиции правительственному курсу, а так же коммунистам с точки зрения реформ в духе национальных интересов и ценностей, самобытного российского уклада и образа жизни.

Вопросы для самопроверки

1. Какие научные подходы существуют при определении природы идеологии?
2. В чем смысл дихотомии: идеология – наука?
3. Каковы роль и функции идеологии в обществе?
4. Какова структура идеологии?
5. Возможно ли существование общества без идеологии?

Тема 2. История возникновения понятия и проблемы

Европейская мысль XIX–XX веков (а с началом XX к ней присоединилась американская) пыталась рассматривать феномен идеологии в философской, социологической, психологической плоскостях, в рамках различных мировоззренческих систем и научных теорий.

Вначале она возникла в связи с характерной для философской мысли Запада проблемой истинного и ложного в человеческом познании.

Мыслящее человечество всю историю своего существования бьется над вопросом: насколько человеческое сознание адекватно отражает мир во всех его проявлениях – физическом, химическом, биологическом, историческом, социальном, психическом.

Особенно большой вопрос – человеческое сознание, как таковое, его способность к восприятию и постижению. Каждая эпоха ищет ответы на своих собственных путях.

Античность не рефлектирует, она живет в плотной духовной атмосфере, позволяющей легко переходить от реального к мифологическому объяснению проявлений окружающего мира. Это естественное и привычное сознанию человека древнего мира и античности сосуществование мифа и реальности, воспринимаемое как данность, не требующая доказательств, делало сознание раскованным, человек не замирал перед «необъяснимым».

Затем «божественное предопределение» заполняет область, в которой человеческий разум был бессилён. Здесь важно, что человек допускал, признавал границы возможностей человеческого разума, продолжая и дополняя его божественным разумом. Осознавая себя частицей

Бога, но маленькой, со всеми следующими из этой малости последствиями, без претензий на постижение Промысла Божьего, человек средневековья в силу причин, от него не зависящих, смирялся с невозможностью такого постижения и пытался постичь истину посредством постижения Бога. Но это постижение не должно было быть *рациональным*. Рациональное постижение являлось дерзостью, для человека не допустимой. Человеческий разум был пассивен. Рациональная активность исходила от Бога. Вера соединяла человека с Богом, его промыслом. Вернее, Бог воздействовал на человека посредством веры последнего, рефлексия как свойство человеческого разума теологией исключалась.

Возрождение, не отказываясь от Бога, отделило человека, его разум, сделав мир божественных истин абсолютным идеалом, предметом обязанностей совести (Богу – богово, человеку – человеческое).

XIX век начинает «интеллектуальную погоню за истиной». Философия прорабатывает различные варианты, апеллируя то к миру абсолютных истин, существующих во всеобщем разуме, то к человеческому разуму, то отказывая последнему в способности адекватного постижения мира, не дав однозначного и удовлетворительного ответа, но обогатив мировую мысль множеством любопытных подходов и теорий. В частности, ряд изысканий привели к выводу о том, что индивидуальный разум не в состоянии постичь истину. Ее нужно искать в возможностях коллективного разума. Идея о связи коллективного разума с практическим действием сформировала политическую мысль и политическую практику т.н. «эпохи модернити», внушившую человеку надежду на возможность рационального преобразования мира. Последняя треть XX века привела к выводу об исчерпании всех подходов, направив критику против самого понятия истины (а вместе с ней и таких сопутствующих традиции ее поиска понятий, как законы, закономерности, развитие, прогресс и т.п.)

XX век – век психологии. Разум связывается теперь не с миром абсолютных идей, а с человеческой психикой. «Бессознательное» вначале исследовалось как индивидуальное – с позиций медицинской психологии, затем как «коллективное» – с позиций социальной психологии.

Закономерно, что параллельно с осмыслением проблемы сознания вставали и осмысливались различные аспекты теории идеологии, исследовавшие возникновение различных типов мышления.

Карл Мангейм в работе «Идеология и утопия» обращает внимание на то, что подозрение о наличии идеологии, тогда еще не имевшей названия (коллективного мышления, связывающего членов одной общественной группы), возникло в сфере повседневного политического опыта в эпоху Возрождения. В среде соотечественников Макиавелли (итальянского политического деятеля и писателя XV – начала XVI века) сло-

жилась новая поговорка, зафиксировавшая это понимание: «Во дворцах мыслят иначе, чем на площади».

Известные теоретики Р. Арон и Д. Белл связывают появление идеологии с упадком религиозной веры в Европе в XVII и XIX вв. и одновременно – формированием класса интеллектуалов. Последние сосредотачиваются на изучении мира идей, различных идейных систем, процессов, характера и результатов их внедрения в сознание масс и в сознание индивидуумов, а также способов манипулирования этим сознанием.

Первая такая постановка проблемы и первая попытка объяснить, что влияет на человеческий разум, особенно коллективный и создает ложное представление о действительности, связана с именем английского философа конца XVI – первой четверти XVII в. Ф. Бэкона.

Учение Бэкона об идолах человеческого сознания, как источнике заблуждения, рассматривается как предвосхищение современной концепции идеологии.

Термин «идеология» древнегреческого происхождения и буквально означает «учение об идеях», поскольку состоит из двух слов: «идея» и «логос».

«Слово «идеология», – пишет создатель одной из наиболее фундаментальных теорий идеологии Карл Мангейм, – не имело вначале онтологического значения, ибо первоначально означало лишь учение об идеях. Идеологами называли сторонников одной философской школы во Франции, которые вслед за Кодиляком отвергли метафизику и пытались обосновать науки о духе с антропологических и психологических позиций»¹⁰. В научный оборот термин был введен **Антуаном Дестю де Траси**, одним из представителей позднего поколения французских просветителей. (Хотя в 1795 г. **Дж. Дежерандо** получил приз Национального института Франции за предложенное на конкурсе исследование идей и их связей со знаками).

В своем труде «О способности мыслить» (1876 г.) де Траси использовал термин «идеология» (Ideologie) как синоним эмпирической науки об идеях. Позднее в многотомном сочинении «Элементы идеологии» (1805 – 1815 гг.) он более подробно развил это понятие.

«Идеология» – наука об идеях, о том, как они возникают и о законах человеческого мышления. Она должна, по его мнению, быть такой же точной, как любая естественная наука. В системе его наук она следовала вслед за зоологией. Она выше других социальных наук, т.к. является для них теоретическим фундаментом и основой для политической, нравственной и педагогической наук. Она имеет не только теоретическое, но и большое политическое, практическое значение. Идеология,

---

¹⁰ Мангейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. – М., 1994. С. 67

как «некое энциклопедическое знание, способное разрушить предрассудки и дать истинное знание социальной действительности», «она учит правильному мышлению, которое служит предпосылкой для правильной политической деятельности»¹¹. Отстаивание преимущества идей над практикой вызывало критику со стороны практических политиков в адрес идеологов, как их тогда называли. Больше всего раздражал их критический настрой, идущий от энциклопедистов, стремление избавиться от религиозных и философских предрассудков.

Именно за этот настрой в 1801 г. они становятся объектом выпадов Наполеона, называвшего их «ветрогонными и идеологами (Ideologues), которые всегда боролись против существующих авторитетов». В 1808 г. Наполеон писал: «Ваши идеологи нарушают все иллюзии, а время иллюзий для отдельных людей, как и для народов – время счастья». Вошедший в историю «конфликт Наполеона с идеологами» имел вполне реальную политическую подоплеку. Группа «идеологов» во главе с Дестю де Траси играла определенную роль в политической жизни Франции. Отражая либеральные настроения, она вызывала раздражение императора Франции, узурпировавшего власть и отказавшегося от идей французской буржуазной революции – свободы, равенства. Империя нуждалась в порядке, который, согласно представлениям Наполеона должен строиться на усилении гарантий прав собственности и религии, как средствах укрепления такого порядка, который разрушали либеральные антирелигиозные настроения.

Именно с идеологами он связал просчеты и неудачи во внутренней и внешней политике, даже провал похода французской армии на Россию. Выступая в Госсовете в декабре 1912 г., Наполеон говорил: «Все ошибки и несчастья нашей прекрасной Франции следует приписать именно идеологии, этой туманной метафизике, которой придавали слишком много значения»¹². Назвав, как полагает К. Мангейм, политических противников идеологами в уничижительном значении, которое это слово, как и слово «доктринерский», сохранило практически по сей день, Наполеон тем самым изменил значение термина. Поскольку его обвинения были направлены в адрес мышления противника, которое квалифицировалось как ирреальное, поскольку мысль определенная как идеология, не может иметь практического значения (единственный доступ к действительности открывает практическая деятельность), как и само мышление не является орудием познания действительности.

Именно в этом понимании оно утвердилось в XX веке. Именно в таком значении сначала понимал идеологию и **К. Маркс** (1818 – 1883),

---

¹¹ Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. – М., 1999. Т. 1. С. 228.

¹² Цит. По: Яковлев М.В. Идеология. – М., 1970. С. 50.

используя этот термин для обозначения философского идеализма. Философы-идеалисты – «идеологи», а их философские воззрения, принимающие идею за субстанцию действительного мира, являются идеологией.

Идеолог, – отмечают К.М. и Ф.Э. в «Немецкой идеологии», – «ошибочно принимает мысли, идеи, ставшие самостоятельным выражением существующего мира, за основу этого существующего мира»¹³. Идеологическая мистификация осуществляется следующим образом: в процессе познавательной деятельности люди создают абстракции, мысленно отражающие реальный мир. Но спекулятивное (отвлеченное, абстрактное) философское мышление, т.е. идеализм, отрывает эти абстракции от действительной жизни, от реального мира. Он превращает их в самостоятельные сущности, ставит над миром. В то время как в отрыве от реальной истории они не имеют никакого значения, а являются средством упорядочения эмпирического материала. Таким образом, в процессе идеологизации создаются предвзятые схемы, под которые подгоняется действительность.

Они же вводят понятие «**идеологической иллюзии**», которое связано с тем, что действительная основа истории – материальные условия жизни – игнорируется в качестве движущей силы истории, таковой же рассматриваются идеи. «Идеологи предполагали, что идеи и мысли управляли до сих пор историей, что история этих идей и мыслей и есть единственная, существующая до сих пор история»¹⁴. Поэтому идеология есть ошибочное и превратное понимание исторического процесса.

Позже в сложившемся марксизме идеология понимается как «**ложное сознание**», порождаемое классовым интересом господствующих классов, стремящихся представить его интересом всего общества. Буржуазия как господствующий класс через своих идеологов создает иллюзии о своем общественном положении, о целях и задачах, она стремится собственные классовые идеи выдавать за вечные и общечеловеческие, что есть идеологический обман и самообман.

В каждую историческую эпоху господствующими идеями являются идеи правящего класса. Они представляют собой «господствующие мысли эпохи которые есть не что иное, как «идеальное выражение господствующих материальных отношений»¹⁵.

Но наряду с ложным буржуазным общественным сознанием есть **научное социалистическое сознание**. Это принципиально иное сознание, правильно отражающее социальную действительность.

Историческим субъектом-носителем этого истинного знания является пролетариат. Он не нуждается в идеологических иллюзиях, а тем

---

¹³ К. Маркс, В. Энгельс. Соч. Т. 3. С. 84.

¹⁴ Там же. Т. 3. С. 172.

¹⁵ Там же. Т. 3. С. 46.

более в идеологическом обмане. Для его освободительной борьбы необходимо истинное знание, основанное на исследовании объективных закономерностей и тенденций исторического развития. Так К. Маркс и Ф. Энгельс развели два термина: идеологию и научное пролетарское сознание.

Против такого подхода выступил Э. Бернштейн, в статье «Возможен ли научный социализм?» он писал о том, что наука и идеология не имеют ничего общего. Если учение о социализме выражает интересы пролетариата, оно не может быть научным, ибо наука должна быть «беспристрастной» и свободной от всяких тенденций.

Термин «научная идеология» ввел в оборот **В. Ленин** (1870 – 1924), так определив марксизм. Он выделил типы идеологий: научные, ненаучные; прогрессивные, реакционные; социалистические, буржуазные. Важнейшей особенностью марксизма, как научной идеологии, является соединение научности с революционной партийностью.

Идеология рабочего класса научна потому, что развитие самого носителя этой идеологии совпадает с поступательным ходом общественного развития. В работе «Что делать?» он обосновывает несовместимость пролетарской и буржуазной идеологии, что предreshило судьбу всех других классов, кроме пролетарского, в будущем социалистическом обществе. Все непролетарские идеологии должны были быть преодолены, позже – искоренены, вместе с их носителями. То есть пролетарская идеология должна была прекратить процесс развития общественного сознания в соответствии с представлениями марксизма.

Именно с Ленина начинается обоснование непримиримой идеологической борьбы между двумя политическими системами – капитализмом и социализмом. Ленину принадлежат и изыскания в области дополнительных обоснований претензий пролетариата на обладание передовой и единственно научной идеологией. В процессе политической борьбы ему пришлось признать, что сам по себе пролетариат не рождает научной идеологии, а лишь идеологию тредьюнионизма (борьбы за экономические права), что в силу этого, передовое сознание в него должна внести революционная партийная интеллигенция, вожди как выразители его интересов.

Параллельно с марксистской к концу XIX века оформляются другие научные направления социальной философии, которые начинают рассматривать политическую идеологию под иным углом зрения.

Один из основателей научной социологии, социальной психологии **Эмиль Дюркгейм** (1858 – 1917) настаивал на том, что все реальности социальной жизни общества должны рассматриваться только с позиций коллективного мышления. Важно не то, каким образом тот или иной мыслитель представляет себе тот или иной общественный институт, но понимание этого института группой, потому, что только такое понима-

ние имеет смысл. Однако такое понимание не существует само по себе в групповом сознании. Оно является следствием каких-то внешних причин, которые нужно знать, чтобы иметь возможность оценить его роль в будущем.

Коллективные представления выражают способ, которым группа осмысливает себя в своих отношениях с объектами, которые на нее влияют и коллективное мышление целиком, как его форма, так и содержание должно изучаться само по себе само для себя. Коллективное мышление, если оно и не дает гарантий истинности, то, по крайней мере, соответствует интересам отдельных групп общества.

Ту же проблему с иррационалистических позиций исследовал **Вильфредо Парето** (1848 – 1923), концепция идеологии которого пользовалась большой популярностью среди американских политологов начала века. Трактат Парето по социологии рассматривался в научном сообществе как «буржуазный ответ Марксу, или его консервативный функциональный эквивалент».

Отрицая однолинейный характер причинно-следственных связей, он рассматривал общество как совокупность перемещающихся состояний, находящихся в постоянном функциональном взаимодействии. В основе общественного развития, и в том числе политической системы общества, у него не объективные законы, а человеческие чувства, которые, хотя и не осознаются, но, тем не менее, служат главной пружиной, приводящей в движение всю систему.

Политическая идеология в интерпретации В. Парето представляет собой чисто словесный покров, систему ловких демагогических ухищрений, облаченных в теоретическую форму и призванных замаскировать истинные побудительные мотивы политических действий, корни которых лежат в иррациональных пластах человеческой психики. Для обозначения различного рода идеологий Парето использовал специальный термин «**деривации**» («производные»), стремясь тем самым подчеркнуть их вторичный, производный от чувств характер.

Противопоставляя «**деривации**» (идеологии) **истине**, он вместе с тем не отрицал их роли и значения в обществе. Он отмечал, в частности, что «деривации» принимаются не столько потому, что кто-то убеждает, но потому, ясно ли выражают идеи, которые люди уже имели в неосознанном виде. Этот последний факт всегда является главным моментом ситуации, поскольку «деривация» была принята, она придавала силу и агрессивность соответствующим эмоциям, которые теперь нашли путь к проявлению»¹⁶. Рассматривая идеологии как ложные формы общественного сознания, он не делал исключения и для марксистской идеоло-

---

¹⁶ Цит. по: Федосеев А. Современная буржуазная политология: истоки, традиции, новации. – Л., 1989.

гии. С его точки зрения, ни одна из существующих или существовавших идеологий не имеет научной ценности. Каждая представляет собой псевдологическое обоснование уже совершенного или совершаемого действия. Меняются лишь формы идеологий, заменяется одна система аргументации другой. Одни словесные формулировки – другими, более гибкими и изощренными. Все эти псевдологические рассуждения, пустые разглагольствования, ложные аргументы и фальшивые оправдания являются продуктом «мыслительного голода, испытываемого человеческим существом».

Проблемы, связанные с идеологией привлекали внимание представителей формирующегося в конце XIX в. нового научного направления «социологии знания», основателями которого считаются **М. Шеллер** (1874–1928) и **Карл Мангейм** (1893–1947). Главный предмет исследования «социологии знания» – проблема взаимосвязи познания и общества, социальная обусловленность мышления, влияние на теоретическое знание «факторов бытия». Из этого вытекает целый комплекс вопросов, таких как: соотношение истинности социального знания и его общественно-исторической обусловленности; совместимость «беспристрастной» социальной науки и классового характера общественных теорий; научного подхода и ценностной ориентации в социальной области.

М. Шеллер пытался соединить социологию знания с идеалистической философской антропологией. В историческом процессе М. Шеллер выделил две группы факторов, влияющих на его протекание – идеальных и реальных¹⁷.

Главным среди идеальных, творцом всех земных общностей является Бог. А среди реальных факторов важное место занимает бытие людей, определяющее их сознание. Но его понятие бытия отличается от марксистского, хотя всю общественную жизнь Шеллер делит на базис и надстройку. Социальное бытие – это особая комбинация реальных факторов; отношений власти; экономических факторов производства; количественных и качественных характеристик населения; географических и геополитических факторов. Совокупность «реальных факторов», в которые он включал *витальные побуждения людей* (инстинкты размножения, питания, стремления к власти), семейные и родовые связи, экономику и государство, охватывается понятием базиса. Изучение витальных побуждений должно быть главной задачей «социологии знания».

Надстройка – идеальные факторы: человеческий дух, воля, мыслительные структуры, содержание которых составляют идеи истинности и красоты, нравственности и священности. Их исследование является предпосылкой социологии культуры. Каждая из этих сфер – базис и

---

¹⁷ Далее излагается по: Малинкин А.Н. Персоналистическая философия Макса Шеллера. – Социн, 1989. № 1.

надстройка – **суверенна**, обладает независимым, автономным существованием. Между ними нет казуальной (причинной) связи, поскольку базис и надстройка – это два крайних полюса, имеющих **собственную детерминацию**.

Если базисные явления определяются естественным и стихийным ходом исторической «судьбы», то духовные явления свое содержание черпают из «человеческого духа», вневременного свободного царства идей и ценностей, хотя они и могут определенным образом влиять на историческое развитие, способствуя ему или затрудняя его ход.

Таким образом, Шеллер подчеркивает ошибочность выведения сознания из существующих общественных отношений. Шеллер критикует марксизм за «одностороннюю детерминацию» и преувеличение роли реальных (экономических) факторов в историческом процессе. Он считает, что на одном этапе истории таким детерминантом являются реальные факторы, на другом – идеальные.

Вся история по Шеллеру делится на три большие фазы.

На первой фазе определяющим фактором были производственные связи людей. На второй – политические факторы, и, прежде всего, государство. На третьей, в условиях капитализма, основой развития является экономика.

Маркс же «ошибочно» экономический фактор перенес на всю историю человечества, принизив витальные побуждения, природные влечения и инстинкты человека.

Шеллер классифицирует знания по двум формам – низшим и высшим. Первые основаны на «дологическом» или «мифологическом» типе мышления. В результате развития и дифференциации низших форм знания возникают высшие – религия, метафизика (философия) и наука. Эти виды знания (низшего и высшего) существуют одновременно, они присущи человеческой природе. Главный предмет «социологии знания» и составляет исследование их взаимоотношений в различные исторические периоды. Среди них на последнем месте стоит наука, как проявление «утилитарно-технического интеллекта». Высшей формой знания является религия. Социология знания не только изучает три вида знания, но и должна отделить «истинные знания» от многообразных форм «ложных знаний», классовых, партийных и прочих предрассудков, где коллективные интересы людей выступают как неправильно осознанные. Этот вид рефлексии ниже религиозного, метафизического и научного знания. Это такое смешение ложных догм, принципов, теорий, из которого возникает «новое смешанное образование» – **идеология**. Поэтому в задачу «социологии знания» входит и критика идеологий, ложных духовных структур, анализ причин, их порождающих, определение возможных путей их устранения.

Род мышления, в соответствии с которым К.Маркс поставил духовное производство в зависимость от экономических, производствен-

ных отношений, а из экономической детерминации духовных структур как неизбежность вывел классовый характер всего человеческого познания и все общественные процессы рассматривал через призму классовой борьбы, М. Шеллер называл сознательным заблуждением и обманом, предрассудком, который можно назвать «учением об идолах» или идеологией.

Марксизм, по его мнению, есть идеология в самом отрицательном смысле слова, поскольку классовую односторонность возводит в принцип. В ходе критики марксизма М. Шеллер определяет идеологию как *систему предрассудков, ошибочных догм и теорий*, возникающих не вследствие заблуждений человеческого ума, а вследствие того, что мир рассматривается через призму классовых интересов, исключая особенности мышления индивида, расы, национальных групп, профессий. Подобный тип мышления является социальной мифологией.

Наука, полагает он, как один из высших видов знаний должна быть свободна от идеологии. Классовый характер социальных учений, согласно шеллеровской «социологии знания», является пороком, который приводит человеческое общество к расколу, а отдельных людей – к взаимным претензиям и конфликтам.

Классовая же борьба возникает не вследствие противоположных материальных, экономических интересов, а вследствие ложных суждений. Последствия классовых конфликтов отрицательны для социального познания, ведут к прямому отказу от истины. Представители господствующего и угнетенного классов предъявляют друг другу взаимные претензии, что приводит к «классовому релятивизму» и субъективизму: постановка во главу угла собственных интересов, игнорирование реального положения общественного развития. «Иллюзии и предрассудки» свойственны всем классам, но если «высший» класс склонен к признанию статус-кво данного реального бытия, то «низший» постоянно обнаруживает недовольство бытием, стремится к разрушению существующих социальных структур, возлагая свои надежды на будущее. Деление же общества на противоположные классы является естественным и вечным. Одни классы должны управлять обществом, другие – подчиняться. Задача элиты – примирять классовые интересы.

В увековечивании классовых предрассудков, классовой идеологии заинтересованы «низшие классы» и, прежде всего, пролетариат. Типичной формой классовых предрассудков является марксизм – «род идеологии угнетенных». Для него характерно «мессианство», ожидание божественных чудес, скачка в «царство свободы» в грядущее бесклассовое общество.

Итак, по Шеллеру, классовые предрассудки – источник ложного сознания, ошибок и иллюзий, обмана и самообмана, т.е. идеологии.

В отличие от идеалистического и реакционно-элитарного подхода М. Шеллера рационалистическая концепция К. Мангейма базируется на

признании марксистской идеи социальной обусловленности мышления. Он считает неправомерным рассмотрение точки зрения одного класса как неправильной, в то время как другого – правильной. В социологическом плане ценны все системы и убеждения, отражающие интересы определенных групп, включая коммунистические, социалистические, консервативные. Изучая природу идеологии, он переносит акцент с проблемы ложности и истинности на проблему поиска соотношения «структур бытия» и «структур интерпретации этого бытия».

Автор наиболее систематизированного исследования по проблеме идеологии – «Идеология и утопия», Мангейм пытается всесторонне исследовать это явление в историческом контексте, в контексте структуры мышления и системы познания. Он первый потребовал относиться к этому явлению не негативно-презрительно, как к заблуждениям человеческого сознания, которые не стоят особого внимания, т.к. не являются научными и познавательными.

Сама социология, поставив во главу угла человеческое общество, провозгласила его самоценность, переставила акценты в установленном философами подходе к человеческому обществу как к низшим формам существования в отличие от всего того, что относится к области духа, мысли и т.п.

Человеческое общество становится предметом пристального изучения появившейся для этого науки – социологии. Поэтому область человеческих представлений приобретает научный смысл.

Мангейм исходит из того, что каждая определенная эпоха живет в определенном мире идей. С того момента, как распалось объективное онтологическое единство мира, связанное религией, реальный мир начинает соотноситься с конкретным человеческим сознанием, индивидуальным и коллективным. Французская революция ознаменовала конец того времени, когда народ выступал носителем единого национального (надвременного, надсоциального) сознания. Политическая жизнь, ставшая результатом развития социальных процессов, заменила понятие «народного духа» понятием классового сознания и соответственно классовой идеологией.

Для анализа идеологии как явления он использует два понятия – частичная или партикулярная идеология и тотальная идеология.

Первая обычно разворачивается в психологической плоскости и связана с индивидуальным сознанием. Это представления субъекта, в основе которых представления и суждения, основанные на психологических аспектах восприятия и ощущения общественных явлений.

Тотальное понятие идеологии охватывает целостную систему мышления. Она определяется уже всей структурой сознания, которая не позволяет ему мыслить иначе и охватывает не отдельные представления, а всю систему представлений. Тотальная идеология имеет дело с

коллективным мышлением и определяется положением группового социального объекта в обществе.

Можно говорить об идеологии эпохи или конкретно-исторической или социальной группы, имея в виду своеобразие или характер всей структуры сознания этой эпохи или этой группы. На этапе усиления политической борьбы, когда происходит осознание классовых различий, тем более, когда складываются партии, мировоззренческие установки становятся предметом нападок. Каждая партия начинает анализировать взгляды другой, рассматривая свою позицию реальной, научной, соответствующей направлению развития. Иные же точки зрения квалифицируются как идеологии, т.е. ложное ошибочное сознание. Все это принимает форму взаимных нападков и борьбы. И окончательно удаляет всех от истины. Так как абсолютизация своих взглядов исключает возможность поиска истины.

Всякое социальное или классово-обусловленное знание всегда является только относительным (заметьте не абсолютно ложным, а относительно). Понятие истинности того или иного знания не должно рассматриваться безотносительно, т.к. знание всегда исторически и социально обусловлено. Оно может быть сформулировано, следовательно и оценено только в соотнесении с определенной позицией. Оставим позади веру, – пишет Мангейм, – что истина «может быть свободна от какой-либо соотнесенности с исторической и социальной ситуацией»¹⁸. В оценке идеологии как явления, обусловленного мышлением, а последнее – бытием (человеческое мышление конституируется не в свободном парении внутри социального вакуума, а всегда уходит своими корнями в определенную социальную сферу), он выявляет два подхода.

Анализ природы идеологий, не связанный с оценочным подходом и, соответственно, не расценивающийся как заблуждение. К тому же до определенных пределов человек, представитель иной позиции, в состоянии оценить условия существования, социальную обусловленность иной точки зрения, и в самой критике всегда есть положительное познавательное ядро. Хотя собственная классовая позиция мешает объективности прояснения этой истины, т.е. ограничивает возможности познания. Задача на этом этапе состоит в установлении связей между структурой сознания и социальной ситуацией или в постановке вопроса – «как определенная структура бытия приводит к определенной интерпретации этого бытия?»¹⁹.

Для каждой эпохи характерна определенная система соотнесенности духовных элементов и социальных. Концептуально-мировоз-

---

¹⁸ Мангейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. – М., 1997. С. 72.

¹⁹ Там же. С. 73.

зренчески-нормативная система значима только для исторического бытия определенного типа, чьим адекватным выражением она некоторое время является. Бытие смещается и эта нормативная система становится ему чуждой. И в иных условиях она превращается в иной тип идеологии. И здесь вступают в силу оценочные факторы и интерпретация такой мировоззренческой позиции, как ложной:

– ложным это сознание становится в том случае, если оно ориентировано на нормы, которыми при всем желании нельзя руководствоваться на данной стадии исторического процесса;

– когда оно, опираясь на традиционное осмысление форм жизни, переживаний, понимания мира и человеческой природы, препятствует появлению и утверждению новой морали, нового становления человека;

– когда оно в своей мирской и жизненной ориентации мыслит категориями, которые вообще неприменимы для последовательного ориентирования на данной стадии бытия.

Носителями этой идеологической функции оказываются устаревшие и потерявшие свое значение нормы и формы мышления. Это касается различных сфер жизни и экономических норм (например, народники требовали сохранения общины, когда новые социально-экономические отношения уже подорвали ее) или политических (постановка вопроса о равенстве либеральной идеологии или упование на патриархальность отношений).

Таким образом ложным или идеологичным сознанием является то сознание, которое по типу своей ориентации отстает от новой действительности и поэтому по существу заслоняет ее с помощью устаревших категорий. Этот тип идеологии, основанный на ложных структурах сознания, Мангейм называет тотальной идеологией.

Необходимо понять еще и тот факт, что в одной и той же историко-социальной сфере могут существовать различные структуры ложного сознания. Одни опережают социальное бытие, другие отстают от него. В обоих случаях они маскируют бытие. Однако при таком подходе Мангейм не обрекает человека и человеческую мысль всегда находиться в тисках ложного сознания. Проблема связанности с идеологией периодически снимается на индивидуальном и коллективном уровне. Это происходит постепенно и частично. Мысль приводится в соответствие с реальностью.

Кроме того, Мангейм препарирует понятие и явление в другом срезе, выделяя идеологии и утопии. Оба типа сознания и интерпретации действительности не находятся в соответствии с окружающим его «бытием», но утопии – это то, что еще не соответствует, а идеологии – это то, что уже не соответствует. Идеологии это то, чему не суждено уже осуществиться, утопии – это то, что может при определенных условиях стать политической реальностью.

Усложнение общественного организма, усиление и активизация политической жизни общества, которая вылилась в социально-политическую борьбу, развернувшуюся под руководством различных партий, имевших различные планы и программы дальнейшего преобразования общественных основ, – все это вызвало к жизни целый ряд наук социально-политического характера. Эти науки пытались разобраться в обоснованности претензий различных социально-политических концепций общества на истинность, в их связи с определенными социальными слоями общества, в том, что вообще представляют из себя эти растворившиеся в различных уже общественных движениях концепции, почему с появлением новых не исчезают старые и, наконец, выяснить, почему ни одна не является истинной, а значит научной.

В ходе поисков ответов на эти вопросы возникает целый ряд теорий, объединенных единым подходом к анализу этого явления.

Ложность или «иллюзорность» представлений человека и общества о себе была объяснена за счет идеологизированности человеческого сознания, всегда связанного с идеологическими напластованиями из прошлых и настоящих коллективных представлений. Последние же детерминируются принадлежностью к определенному классу (в марксизме) или «конкретно-исторической социальной группе». У Мангейма «ложное» сознание не есть следствие заблуждений или ошибок отдельных людей или групп, оно не субъективно, но обусловлено социальным положением людей. Именно социальная обусловленность мышления является источником и основой знания, искажающего действительность.

Возможность истинности такого знания марксизм связывал с «научной идеологией пролетариата». То есть принадлежность к классу, с которым связаны будущие социальные преобразования, – гарантия формирования, адекватного действительности мировоззрения.

Мангейм – связывал возможность научного понимания только с наукой – объективной наукой «социологии знания», которая позволяет выяснить, как из социальных условий возникает «ложное» сознание и освободить науку о нем от идеологических искажений.

Сам Мангейм делает вывод о «реляционном» характере социального знания: оно всегда может быть сформулировано только с определенных позиций, с позиций той социальной ситуации, в которой действует познающий коллективный субъект.

Мангеймом была по-новому сформулирована проблема истины в социальной науке, в соответствии с которой следует отказаться от утопических представлений об истине вообще, т.е. от однозначного понимания истины для всех времен. Мангейм обосновал понимание истины, возникающее из конкретных возможностей данной эпохи, истины, связанной с социальной позицией познающего субъекта.

Но возможность поиска такой истины он связывал с интеллигенцией, полагаясь на ее надклассовость или внеклассовость, на ее способность выступать от имени интеллекта. Маркс и Мангейм положили начало поискам, которые продолжаются по сию пору. Область мышления и формирования представлений человека – проблема всего XX века. Ответы искали в области коллективных представлений, индивидуальных, в социальных и биопсихических основах сознания.

Вопросы для самопроверки

1. В чем состояло первоначальное значение термина «идеология»?
2. Политическая идеология в контексте классовой теории марксизма.
3. Что такое «деривации» в концепции В. Парето?
4. Место идеологии в идеалистической и реакционно-элитарной теории М. Шеллера.
5. Что принципиально нового внес К. Мангейм в идеологическую проблематику?
6. Понятие «тотальной» идеологии в книге К. Мангейма «Идеология и утопия».

Тема 3. Постановка проблемы идеологии в XX веке

На базе методологических изысканий Маркса, Мангейма в XX веке возникло множество различных направлений и школ, исследовавших различные аспекты проблемы. Наука искала причины человеческих заблуждений, индивидуальных и массовых, искала критерии, на основе которых можно отделить заблуждения от истинных знаний. И осознанной или неосознанной целью всего этого было идущее от просветителей стремление освободить человеческий разум от неправильных представлений и таким образом «исправить» все человеческое общество, вооружить его научным мировоззрением как гарантией от ошибок в дальнейшем развитии.

Наиболее известными последователями «социологии знания» явились Толкотт Парсонс, Уиллард Муллинз и Эдвард Шилз. **Т. Парсонс** (1902–1979) (известен как создатель структурно-функциональной школы в социологии) определяет идеологии как теоретические системы, содержание которых выражено в формах искаженного, необъективного знания. Признавая значительную роль идеологий в жизни общества и называя их политическими религиями, Парсонс выделяет следующие функции идеологии: «защита стабильности институализированных ценностей», «содействие формированию особого слоя профессионалов, которые создают механизм опосредования между их научными стандартами и ценностями тех непрофессиональных групп, которые также

имеют интерес в различных научных областях» и «укрепление ролевых обязательств индивидов»²⁰.

У. Муллинз, исследуя идеологические системы, подчеркивает их определенное отличие от других элементов общественного сознания. Он сопоставляет понятия «идеология», «утопия» и «миф». Утопия выдвигает нереальные проекты для будущего. Миф в отличие от идеологии и утопии характеризуется отсутствием логической формы. Он выражает основные принципы или фундаментальные истины без обращения к философской терминологии. Идеология же обладает следующими характерными чертами:

- познавательной и оценивающей способностью;
- ориентацией на действие;
- логической согласованностью.

Он определяет идеологию «как логически согласованную систему символов, которая внутри более или менее усложненной концепции истории связывает познавательное и оценочное восприятие определенных социальных условий (особенно их перспектив на будущее) с программами коллективного действия по укреплению, изменению и трансформации общества»²¹.

Соотношение науки и идеологии: по мнению Муллинза, наука имеет дело с «самокритичным, аналитическим объективным пониманием явлений без отношения к нормативным категориям, которые приписывают ценность альтернативным направлениям действий». Стремясь достигнуть интеллектуальной ясности, наука не заинтересована в дилеммах политики, выборе или обязательствах.

В политике же надо понимать ситуации в терминах их морального значения, что и позволяет сделать нормативный язык идеологии.

Идеология оценивает факты по отношению к человеческим нуждам и чаяниям. Отсюда вытекает ее большая роль в политике.

Идеология концептуализирует и оценивает контуры политической реальности не только в статике, но и в условиях ее изменения.

Э. Шилз определяет идеологию как «систему познавательных и моральных верований о человеке, обществе и вселенной. Или систему религиозной, моральной, социальной и политической философии, основанную на фундаментальных суждениях о космосе и истории»²². Система верований и ценностей, по мнению Шилза, включает в себя также точки зрения, убеждения, взгляды и политические программы. Идеологии отличаются от других духовных явлений большей ясностью выражения своих положений, доступностью народным массам, сплоченно-

---

²⁰ Цит. По: Ходанович В.Н. Современные американские концепции идеологии. – Харьков, 1991. С. 15.

²¹ Там же. С. 23.

²² Там же. С. 37.

стью (относительно высокой) вокруг одной или нескольких фундаментальных ценностей (равенство, спасение, этническая чистота).

Любая идеология возникает в русле действующей культуры, и она есть продукт необходимости в интеллектуально навязанном порядке по отношению к миру. Идеологии возникают в условиях кризиса в частях общества, по отношению к которым господствующие до настоящего времени взгляды стали непригодными.

Носителем идеологии выступает «идеологическая первичная группа», по которой Шилз понимает группу людей, объединенных общими ценностями и священными принципами. Идеология есть продукт интеллектуальной деятельности идеологически первичной группы, отражающий интересы этой группы и служащий ей ориентиром в практической деятельности. Какие-либо познавательные функции идеологии Шилзом отрицаются. Идеология и наука, идеология и истина, как он считает несовместимы, поскольку идеология есть система определенных ценностей и верований, которая дает людям ориентир в их практической деятельности, сплачивает их на основе общности целей и побуждает к действию. Идеологии субъективны, пристрастны и требуют от своих приверженцев строжайшей дисциплины и подчинения священным принципам. Эта связь усилилась в начале XIX в. Любая идеология враждебна чуждым ей ценностям и ведет против них непримиримую борьбу.

В 20–30 гг. и особенно после второй мировой войны критика идеологии велась с позиций неопозитивизма. Позитивизм как таковой всегда был основан на культе науки и критике метафизики (как теоретизирование, оторванное от анализа реальной действительности, того самого, которое подвергалось критике как «идеология»). Но если классический позитивизм Огюста Конта (первой половины XIX в.), отрицающая обобщающие философские теории, искал законы в области конкретных наук (и в том числе гуманитарных: конкретная история как материальная, так и духовная, включая историю мысли, которая и называлась тогда идеологией), на основе которых вырабатывал общие теории, то позитивизм второй волны, т.н. «эмпириокритицизм, раскритикованный классиками, не уделял внимания теориям развития общества и был ориентирован в первую очередь на естественные науки.

«Неопозитивизм» третьей волны – «социальный позитивизм», в теории общества рассматривал условия, в которых действуют люди, «как некоей данности, как квазиприродной обстановки, объективной среды, задающей возможности социализации и самореализации индивидов».

Социальная система в такой трактовке оказывается совокупностью функций, определяющих характер и содержание человеческих взаимоотношений. Социальность для позитивизма – это, прежде всего, струк-

тура связей, в которую человеческие индивиды «включаются», которой они вынуждены подчиняться. То есть в такой постановке социальная обусловленность человеческого существования, во-первых, доводится до крайности, до абсолютизации (как экономическая детерминированность в догматическом марксизме, а психобиологическая в неофрейдизме), во вторых, до отчужденности социальных связей от человека.

Постпозитивизм, сформировавшийся в 60–70-е гг. исследует влияние философии, искусства, политики и т.п. вненаучных факторов на развитие научных теорий²³. Один из видных представителей социального позитивизма английский ученый Карл Поппер на вопрос о том, существуют ли социальные законы, отвечает отрицательно. Универсальные законы не могут быть подвергнуты проверке человеческим опытом и на его основе подтверждены или опровергнуты. Поэтому неопозитивизм заменяет объективные социальные закономерности «логической ситуацией», на основе которой представители социальных наук описывают социальные процессы.

Ученик К. Поппера **Ганс Альберт**, называющий себя «критическим рационалистом», рассматривает социальные теории в качестве «номологических» (предпосылочных) гипотез, не отражающих казуальных – причинных отношений в общественных процессах. Они конструируются лишь для того, чтобы формально логически объяснить данную общественную ситуацию. Теории для него – «это конструкции, возникающие в человеческой фантазии, они не носят на себе печать истины»²⁴. Скептицизм в отношении истинности социальных учений обосновывается позитивистами (и не только ими) тем, что в области общественной науки всегда сохраняется определенный момент ценностного подхода, а ценностные суждения как и нормативные высказывания, не имеют познавательного значения. Ценностные суждения отсутствуют только в точных науках, которые не связаны с политикой и моралью. Ценностный подход к социальным проблемам, представляющий идеологическую точку зрения в общественных науках, утверждает Поппер, вредит истине. Но он может быть преодолен научной критикой с помощью которой такие мелочи, как социальная или идеологическая позиция исследователя, исключаются со временем, хотя какое-то время они играют свою роль.

Именно это принципиальное разграничение идеологии как сферы ценностей и науки, как области фактов или познавательных высказываний лежит в основе позитивистской концепции идеологии.

---

²³ См.: Современный философский словарь / Под общ. ред. проф. В.Е. Кемерова. – М., 1996. С. 365–367.

²⁴ Цит. По: Яковлев М.В. Указ. соч. С.161.

Идеология – мировоззренческие взгляды, социальные теории, нравственные, эстетические суждения и т.п. – является, по утверждению неопозитивистов, «чистой метафизикой», не имеющей никакого отношения к фактам действительности, а потому лишена научного смысла.

Западногерманский позитивистский социолог **Т. Гейгер** (1891–1952) вообще свел идеологию к ценностным суждениям. Поэтому основной акцент своего анализа сосредоточил на проблеме отграничения познавательных высказываний от идеологических. Он выступил против мангеймовской логики, в соответствии с которой объективное содержание социальной действительности заключает в себе и идеологические ценности. Их несут такие понятия, как «свобода», «равенство», «справедливость», «прогресс» и т.п. Если эти понятия (тут как считает Гейгер, Мангейм работает на руку марксизму) соответствуют действительной картине общественной жизни, социально обусловлены, то всякая критика идеологии обречена на провал.

Первоначальный слой всякой идеологии в соответствии с его представлениями находится не в социальной области, а в биопсихических механизмах человеческого поведения. Человеческие представления и высказывания об объектах внешнего мира есть не адекватное отражение их, а лишь выражение отношения говорящего к этим объектам. Они субъективны, т.к. всегда чувственно-эмоциональны. Это не познание, а лишь субъективное представление.

Все представления людей Гейгер разделил на «теоретические» и «атеоретические». Первые научны, т.к. могут быть проверены в области опыта, научными методами. Это может быть сделано с достаточной точностью только в естественных науках, где можно избежать личностной оценки. Нетеоретические высказывания он полностью отождествляет с идеологическими независимо от того, существуют ли они отдельно или заключены в системы, где смешаны с научными предположениями. Они неправомерны в теоретико-познавательном смысле, относятся к чему-то нереальному, субъективному, к тому, чего не существует в пространственно-временной действительности.

Он даже разработал своего рода технику отделения познавательных высказываний от идеологических. (Чтобы показать, как то или иное высказывание, на первый взгляд выступая как чисто теоретическое, является, по сути, ценностным, нужно выстроить следующую идеологическую цепочку. В качестве примера он рассматривает такое простое высказывание: «Гиацинты благоухают». «Гиацинты – цветы, т.е. относятся к природе; благоухание – качество природное, проверяется эмпирическим способом – обонянием, естественно присущим человеку как существу биологическому.

Есть ли в этом высказывании оценка? – задает вопрос Гейгер. От кого она исходит?

Является ли слово «благоухание» чисто химической, биологической, физической характеристикой?

Нет, – говорит Гейгер. Это выражение вкусового ощущения конкретной личности или уже представления о том, что запах исходящий от геоцинтов – благоухание. Но эта оценочная характеристика условна. Она зависит от пристрастий человека, а значит, субъективна и не имеет никакого научно-познавательного значения, т.к. ничего не говорит о конкретных биолого-химических качествах объекта»²⁵. Таким образом. Гейгер не только сводит идеологию к оценочным суждениям, но в его концепции идеология как система ценностных суждений противоположна объективному познанию, истине, науке.

Такой подход: – наука или идеология – переносит вопрос совсем в иную плоскость. Он ограничивает смысл познания областью рационального: всего того, что может быть подвергнуто качественно-количественному анализу.

Ленин был во многом прав в критике Маха и Авенариуса и в целом позитивизма, хотя это не гарантировало его от собственных теоретических ошибок.

Позитивисты объявляли заранее ложным, идеологичным и поэтому ненаучным все то, что касалось сферы абстрактного человеческого мышления, сферы духа. Но сознание тоже может рассматриваться объективной реальностью, поскольку оно отражает объективную реальность социальной жизни, **отражает определенные стороны** реальных общественных отношений, их многообразие и изменение. Что, безусловно, является областью научного осмысления. Марксизм встал на ложный путь, когда остановился, требуя признать свои истины окончательными для человечества. Он разработал систему методологии, которая дала возможность проанализировать историю человеческого общества. Если не абсолютизировать, т.е. не признавать единственно возможным и правильным ракурс анализа, избранный марксизмом, методологические подходы к исследованию слишком сложного, многоаспектного, многоуровневого явления, каковым является человеческое общество, то нужно признать за марксизмом большой вклад в науку об обществе. Кроме того, критерии научности тоже имеют разные уровни и специфику для естественных и общественных наук.

Но если Теодор Гейгер сводил, по сути, обсуждение проблем идеологии и истины (именно так и называлась книга этого западногерманского социолога) исключительно к теоретико-познавательной точке зрения, то представитель того же направления австрийский профессор философии **Эрнст Топич** (Род. в 1919) переводит значение связанных с идеологией проблем в плоскость практики. Идеологическое мышление

---

²⁵ Цит. По: Яковлев М.В.. Указ. соч. С. 168–169.

осуществляется не на уровне научного познания, а только в рамках обыденного сознания, постоянно вращается в границах повседневного опыта. Причем ценностные суждения маскируются высказываниями о фактах.

Идеологию он называет совокупностью «пустых формул», сформировавшихся между мифом и наукой.

Пустыми формулами он называет такие мыслительные построения, на основе которых такие понятия, как «бытие», «разум», «прогресс», «справедливость» и «прочие мудрости» в разные века наполняются различным морально-политическим содержанием или остаются пустыми и приспосабливаются к любым социальным ситуациям, интересам различных групп общества.

Так образуются или формируются идеологические представления, которые выполняют в обществе двоякую роль.

Во-первых идеологические представления дают людям так называемую «иллюзорную компенсацию», чтобы удовлетворить «элементарные потребности души», облегчить то, что по Фрейдю определяется как «давление реальности», исходящее от общества, природы, психических, физиологических свойств организма²⁶.

Идеологические представления, как полагал Топич, придают поведению людей определенную уверенность, убеждают их в существовании вечных и неизменных принципов справедливости, порядка и спасительным образом действуют на сознание. Люди постоянно испытывают потребность в утешении, в эмоциональной разгрузке. Им необходима вера в неизменность каких-то принципов, что вселяет надежду и психологически защищает. И задача позитивистской критики идеологии, по его мнению, «разрушить ложные идеологические фетиши», избавить людей от иллюзорных утешений и компенсирующих фантазий. Однако компенсаторная функция всегда находится в чьих-то руках. Опасность воздействия идеологии на мышление людей заключается в том, что она используется в определенных социальных целях, в целях **манипулирования** сознанием людей. В чем и состоит вторая служебная социальная роль идеологий.

Эта неограниченная манипулятивность идеологии одним социальным группам служит для оправдания, защиты существующего социального строя, другим – для устранения существующего строя и создания иного, желательного им.

Выступая одним из активных поборников деидеологизации в 60-е годы, Топич ратует за социальную науку, «свободную от ценностей». К такому позитивистскому идеалу свободной науки, как он считал, приближается эмпирическая социология, которая якобы может проводить

---

²⁶ Цит. По: Яковлев М.В. Указ. соч. С. 185.

исследование реальных процессов, не вставая на позиции ни одной из политических сил. Однако сам же признает, что характер, тематика и постановка вопросов в ходе социальных научных исследований часто обусловлены прагматическими материальными интересами тех, кто их финансирует.

Основными оппонентами позитивистского подхода к анализу проблемы, особенно в вопросе о ценностной ориентации, выступали неомарксистские и леворадикальные концепции идеологии. Однако о них мы будем говорить позже.

Несколько менее активно, менее агрессивно природа и функции идеологии как составляющего элемента структуры человеческого мышления рассматривались антипозитивистским, или феноменологическим, и другими направлениями социально-философской мысли.

Рассматривалась она и с позиций так называемых иррациональных подходов, особенностью которых является отрицание роли разума, рационального познания и практической деятельности. Истину, по мнению иррационалистов, можно познать интуитивным, бессознательным, подсознательным и другими способами. Истоки таких воззрений восходят к А. Шопенгауэру, Ф. Ницше, З. Фрейду.

В американском идеологоведении это направление представлено **Л. Фойером** и **А. Винером**. По мнению Фойера «идеология состоит из трех частей:

постоянного (инвариантного мифа;
совокупности философских доктрин, которые циклически чередуются в процессе исторического развития;
учения о ведущей роли в обществе определенной социальной группы или класса»²⁷. Любая идеологическая система в явной или скрытой форме содержит в себе библейский миф о Моисее. Нацистские идеологии, господствовавшие в свое время в фашистской Италии и Германии, представляют собой простые варианты Моисеева мифа. Пропаганда Муссолини настойчиво внушала обывателю, что Италия является Богом избранной страной и должна вести за собой все государства Европы.

В тоталитарном государстве А. Гитлера культ вождя является центральной идеей в изоцированной системе идеологической обработки населения. Понятия «тысячелетнего рейха», «жизненного пространства», «арийской расы» и др. несли значительную мифологическую нагрузку. Идеологии национализма тоже превозносят роль избранной нации. Но идеологии – не просто миф. Это миф, написанный языком философии и науки. Анализируя марксизм на основе ряда различных суждений и сопоставляя их, Фойер выделяет научные и ненаучные понятия. Например:

«Рабочие имеют более низкий жизненный уровень по сравнению с представителями верхних этажей среднего класса. В их среде более за-

---

²⁷ Цит. По Ходанович. Указ. соч. С. 90–91.

метна безработица, неуверенность в будущем. Часто они с негодованием относятся к общественной системе...» – понятие научное.

«У рабочих историческая миссия – уничтожить капитализм» – идеологическое.

«Капиталистическая система характеризуется циклами процветания и депрессии» – научное.

«Капиталистической системе присущи неразрешимые противоречия, которые не могут быть решены иначе, кроме революции» – идеологическое.

Фойер замечает, что каждая идеология, включая в себя мифологический ингредиент, неизбежно сталкивается с такой ситуацией, когда он приходит в противоречие с научными доказательствами.

А. Винер ставит знак равенства между понятиями «идеология» и «миф». Человек живет мифами. Это то духовное, цементирующее начало, в котором человечество всегда испытывает потребность, пытаясь преодолеть трудности и проблемы своего времени. Мифы рождаются, растут и умирают. Когда происходит смена одних мифов другими, наступают переломные, узловые моменты в истории общества. Идеологии-мифы, отслужившие свою роль, сходят с исторической арены.

В XX в., по Винеру, господствовали четыре основных и большое число менее значимых мифов. К основным он относит **иудейско-христианский**, ориентированный на успех миф либерального капитализма, **марксистско-ленинско-сталинский** миф советской системы, **фашистский** миф (Гитлер, Муссолини, Франко), **маоистский** миф. Все эти мифы претендовали на универсальность и общезначимость и все оказывали значительное влияние на общественную жизнь.

Еще одним подходом к анализу идеологии стал **феноменологический** подход. **Феноменология** – одно из направлений философии XX в., которое ставило проблему соотношения реальности и ее осознания на уровне человеческого сознания. Не существует иной реальности, кроме той которая является человеческому сознанию. В сознание заложены структуры, позволяющие воспринимать мир. Любому явлению предметов соответствует собственная интенциональная структура. Поэтому изучаться должны эти структуры, а не сам мир рефлексивным способом.

Феноменологическим направлением американской социологии знания идеология рассматривалась в рамках **повседневного мышления**. Австрийский философ и социолог **Альфред Шюц**, с 1939 г. живший и работавший в США, главную роль в структуре идеологий отводил не теориям, а элементарным ценностям, нормам, взглядам и обыденным представлениям людей. Дотеоретическое знание, по его мнению, составляет ядро любой идеологии. Именно это знание доступно в первую очередь обычному человеку, и на его основе последний действует в жизненных ситуациях²⁸. Эту концепцию развил дальше

---

²⁸ См.: Шюц А. Структура повседневного мышления // Социс. 1988. № 2.

П. Бергер. Он пишет, что в любом обществе только очень ограниченная группа людей имеет дело с теоретизированием, с производством идей и конструированием мировоззрений. Но любой человек в обществе тем или иным способом участвует в формировании своего «знания». Следовательно жизненный мир человека, его естественное мировоззрение имеют намного большее значение, чем теоретические конструкции профессиональных теоретиков.

В жизни человека, человеческого общества многое нельзя постичь средствами науки, используя методы экономической, политической, психологической наук. Например, такое явление, как свобода. А есть понятия, которые путем использования научной логики не объясняются, не совмещаются, но существуют. Как, например, совместить идею свободы человека с признанием его социальности?

Проблему взаимоотношения человека и общества Бергер решает в ином ключе. Целью для Бергера является не наука, не истина, а человек, осуществимость выбора и возможность свободы человека в социально детерминированном мире. «Мы – социальные существа и наше существование обусловлено спецификой социальных координат, – признает Бергер. – Согласно теории немецкого философа и социолога А. Гелена социальные институты канализируют поведение человека примерно так же, как инстинкты канализируют поведение животных... Общество ... строит нам мир, чтоб мы в нем жили, и тем самым защищает нас от окружающего повсюду хаоса. Общество дает нам язык и наделяет слова значениями, чтоб мы могли поверить в этот мир. И оно же организует стройный хор голосов, который подтверждает нашу веру и успокаивает все еще дремлющие сомнения. Стены общества – потемкинские деревни, возведенные над пропастью бытия. Их функция – защитить нас от страха, организовать нам космос смыслов, внутри которого наша жизнь обретает смысл»²⁹.

Но каждую социальную роль можно играть сознательно или слепо. И в той мере, в какой ее играют сознательно, она может стать проводником наших собственных решений. У человека есть выбор, и он делает его посредством собственного сознания на основе собственного каждодневного опыта. Идеология формируется в сфере повседневной жизни человека. Являясь идеологом неоконсерватизма, Бергер не лишает человека возможности свободы выбора, но ограничивает индивидуальными способностями, уровнем интеллекта и образования.

Современные дискуссии об идеологии в рамках европейских гуманитарных наук разворачиваются вокруг теоретического движения против экономического детерминизма и за признание относительной независимости идеологии от класса или экономической структуры.

---

²⁹ См.: Бергер П. Общество как драма // Человек. 1995. № 4. С. 32.

В последней четверти XX века исследователи выступают против концепции идеологии как «**состоящей из идей, находящихся в человеческих головах**»³⁰.

При этом предполагается, что:

а) идеологию следует рассматривать не только как интеллектуальный продукт, ибо она включает также и идеи простых людей;

б) идеология вообще не представляет собой совокупности идей, и что ее скорее следует рассматривать как всеобщую и совершенно нерелексивную повседневную практику;

в) идеология представляет собой не что иное, как дискурс, т.е. область унифицированной и структурированной практики использования языка, ограничивающей то, что может быть сказано или помыслено. Дискурс – понятие, выдвинутое структуралистами для анализа социальной обусловленности речевых высказываний. Другими словами: социально-обусловленная организация системы речи и действия. Так как речь всегда обусловлена определенными нормами, культурным, политическим, социальным и пр. контекстом своей эпохи, это явление не только лингвистическое, но и социальное.

Для обозначения объективности форм идеологии М.М. Бахтин вводит понятие «идеологема». Существующие в обществе «идеологические кругозоры» соответствуют «социальным языкам». «Идеологическое» является для него синонимом семиотического, знакового вообще: «Ко всякому знаку приложим критерий идеологической оценки (ложь, истина, справедливость, добро и пр.). Область идеологии совпадает с областью знаков. Идеологичность – универсальное свойство всего семиотического. При таком подходе естественно снимаются классово-политические коннотации в истолковании идеологии.

Вопросы для самопроверки

1. Функции идеологии по Парсонсу.
2. Идеология – утопия – миф у У. Муллинза.
3. «Критический рационализм» Г. Альберта.
4. Методика разграничения теоретических и атеоретических суждений.
5. Компенсаторная функция и манипулятивность идеологии по Э. Топичу.
6. Проблема взаимоотношения человека и общества в работе П. Бергера «Общество как драма»
7. Иррациональные концепции идеологии, как «инвариантного мифа», «написанного языком философии».

---

³⁰ См.: Аберкромби Н., Хилл С. Тернер Б.С. Социологический словарь. – Казань. 1997.

Тема 4. Неомарксистские и леворадикальные концепции идеологии

В конце XIX и начале XX вв. различные социально-политические мировоззрения и сложившиеся на их основе идеологии носили в большей степени научно-теоретический характер. Даже когда сформировались партии, развернулась политическая полемика и началась борьба за участие во властных структурах.

Ситуация принципиально изменилась, когда одна из идеологий была воплощена в практику в результате революции и в соответствии с ее социально-политическим проектом было сформировано государство и затем целая система.

Во-первых, в апологетике каждой из идеологий начался усиливаться догматический элемент. Причем в социалистической идеологии это было значительно сильнее ввиду противоречия между материальным базисом, его возможностями, которые в силу различных причин не справлялись с социальными задачами проекта и политической организацией общества.

На каком-то этапе это противоречие стало уже неразрешимым. В капиталистическом обществе, где взаимоотношения между экономической и социальной сферой были более подвижны, состояние относительной гармонии было вполне реальным. Политика и идеология как раз и выступали в роли рычагов их разрешения.

Претензии на абсолютную научность социалистической идеологии и поспешные заявления о необходимости изживания всех других ввиду их исторической обреченности, с одной стороны, и критика несостоятельности теоретических посылок, а также политических методов, а позже и экономической политики – с другой, привели к острой идеологической конфронтации, резкому противостоянию, разрастанию пропагандистского аппарата и превращению пропаганды в самостоятельную область.

Речь шла уже не столько о защите собственных позиций, сколько о развенчании противоположной. Являясь тотальной, унифицированной, монистической и не допуская не только критики, но и возникновения какого-либо спектра мнений по вопросам социалистической теории и практики социалистического строительства, социалистическая идеология исключила из своего лагеря, отнеся таким образом, к враждебному, все малейшие разновидности и отклонения от социалистических догматов, называя их ревизионизмом. В результате чего догматический социализм противостоял всем, и в том числе леворадикальным его разновидностям – «еврокоммунизму» например.

Понятие «буржуазная идеология» включало и либералов, и консерваторов, и социал-демократов, и правых и левых ревизионистов мар-

ксизма, «подрывающих устои социалистической теории, а значит играющих на руку мировой буржуазии».

Характерными были события, происшедшие в европейских странах, вставших на социалистический путь развития. Коммунисты, стоявшие у истоков создания социалистических государств Восточной Европы, не являлись ортодоксами коммунизма, они стремились исходить из реальных условий, национальных особенностей своих стран, не форсировать радикальные преобразования, в частности, унифицировать политическую жизнь, уничтожить мелкую частную собственность.

Однако самостоятельность и нетрадиционность позиций неокommунистов не устраивали двух очень влиятельных политиков – Алена Даллеса, шефа ЦРУ, и Иосифа Сталина.

Для Даллеса либерализация коммунизма воспринималась как опасность расширения его социальной базы не только в Восточной, но и в Западной Европе. Некоторые основания для таких опасений в первые годы после войны действительно были. Говоря языком политологии, парадигма целостности Запада виделась, прежде всего, в ограждении от заразы коммунизма в любом ее проявлении. Задача виделась в том, чтобы СССР как освободитель части Европы от коричневой чумы и первый вариант еврокоммунизма был дискредитирован в глазах Запада. Для этого был избран испытанный путь компрометации видных деятелей компартии, как якобы связанных с ЦРУ, и ликвидации их как политических деятелей.

(Были расстреляны: 1-е секретари Чешского и Словацкого ЦК компартий Новомесский и Шмидке, Болгарского – Трайчо Костав, Румынского – Патрош Кана и Анна Паукер, несколько лидеров Венгерской КП. Пожизненный срок получили Густав Гусак и Владислав Гомулка, которые, исправившись, возглавили позже ЦК (Комитеты) своих партий.

Коварный способ оградить Запад от влияния коммунизма совпал с представлениями Сталина и его окружения о единственно верном социализме.

Коммунистические лидеры, тяготеющие к самостоятельности, оказались уличенными в связях с американской разведкой. Тем самым подтверждался сталинский миф об органической связи реформизма, правого уклона с предательством.

В политической игре, заложниками и жертвами которой стали видные деятели коммунистических партий Восточной Европы, каждая сторона могла считать себя победителем. (С точки зрения тактической, основания так считать были)

Даллес мог утешать себя тем, что иммунитет против коммунизма в Европе укреплялся. Сталин мог успокоиться по поводу прозападных настроений в странах Восточной Европы. Очищение руководящего ядра от ревизионистов надолго отбило стремление искать свой путь.

Сложнее оценить операцию в рамках исторических тенденций, которые обнаружили в послевоенное время и которые в принципе меняли основания целостности общества. Их одинаково не поняли и не приняли ни Даллес, ни Сталин. Они не обнаружили способности видеть перспективы развития поля политики, приблизиться к парадигмам, адекватным второй половине XX в.

На Западе под влиянием социализма и в силу внутренних причин шел процесс принятия государственной собственности, индивидуализм и свобода дополнялись принципами социального выравнивания, социальной защищенности, участия в управлении и т.п. Оба оказались консерваторами. Оба не увидели, что социалистическая идея в ее коммунистической интерпретации рано или поздно будет интегрироваться с другими цивилизованными завоеваниями.

Возможно, оказались оба более дальновидными, явление «конвергенции» прошло бы более безболезненно для нас, а шведский вариант капитализма распространился на все капиталистические страны.

Под знаком яростной борьбы «буржуазной» и «марксистской» или «социалистической» идеологий и прошел XX в. вплоть до последнего десятилетия.

Это способствовало определенной консолидации и идеологических сил Запада. Вписываясь в рамки политических систем своих стран, которые в отличие от социалистической допускали плюрализм мнений (а в пропагандистских целях они должны были поддерживать представление о демократизме, духовной свободе, свободе научно-теоретических изысканий и выражения различных позиций и взглядов, и это было сильным аргументом в защите позиций буржуазного общества), внутри «несоциалистического лагеря» по мере изменений, происходивших в развитии общества, происходили и мировоззренческие изменения внутри старых идеологий – осуществлялась их трансформация («неоконсерватизм», «неолиберализм»), усилилась дифференциация внутри идеологии социал-демократии, появились новые идеологические течения: «фашизм», «национал-социализм», «еврокоммунизм», «феминизм», выступивший за ликвидацию половых ролей в обществе, различные «эко-» движения).

В результате противоборство идей вызвало нарастающую волну враждебности ко всем идеям вообще. Вместо столкновения одного набора идей с другим – отказ от решения проблемы на этом уровне, переключение на «научные факты», на человека.

Большой популярностью в общественно-политической мысли в 60-х – 70-х годах пользовались идеологические концепции представителей Франкфуртской школы.

Основателем Франкфуртской школы, с которой начинается данное направление, был **Макс Хоркхаймер** (1895–1973). Наиболее известны-

ми теоретическими представителями этой школы являются Теодор Адорно (1903–1969), Герберт Маркузе (1898–1979), Юрген Хабермас, Альфред Шмидт, Оскар Негт и др.³¹. Франкфуртские теоретики являлись наиболее яркими выразителями идей неомарксизма. Они акцентируют внимание на «критически негативном» анализе буржуазного общества.

Угнетение, эксплуатация, отчуждение в условиях современного капитализма коренятся, по их мнению, не в его экономических отношениях, а в ложных представлениях о его развитии и являются следствием «отчужденного сознания».

Отсюда вывод Хоркхаймера о том, что в классовых противоположностях последних десятилетий господство опирается в значительной мере на реальный аппарат власти, идеология же образует цементирующий фактор растрескавшегося общественного здания.

Буржуазная идеология в условиях империализма, отмечает Хоркхаймер, используется для демагогического обмана широких масс трудящихся.

В современную эпоху при условии того, что народ лишается возможности приобретать знания, а цинизм распространяется в противоположность истине и сознанию вообще, «возрастает возможность сознательного формирования идеологии».

Здесь по существу впервые в буржуазной социологической литературе ставится проблема манипулирования сознанием масс.

Используя аппарат авторитарного государства и средства идеологического воздействия, господствующая монополистическая буржуазия добивается того, что трудящиеся массы мыслят и поступают вопреки их собственным коренным интересам.

В условиях монополистического капитализма приходит конец также и относительной самостоятельности индивида. Он больше не имеет никаких собственных мыслей. Содержание массовой веры, в которую никто в сущности не верит, является непосредственным продуктом бюрократий, господствующих в экономике и государстве, «обманутые массы в гораздо большей степени, чем те, кто преуспел становятся жертвой мифа об успехе, и потому непоколебимо отстаивают именно ту идеологию, посредством которой их обращают в рабство»³². **Герберт Маркузе** назвал идеологию сдерживающей силой, с помощью которой господствующая элита подавляет все враждебные системе мысли, настроения и устремления масс.

---

³¹ См. подробн.: Социальная философия Франкфуртской школы. – М., 1975.

³² Хоркхаймер М. Адорно Т. Дialeктика Просвещения. – М.; Спб., 1997. С.167.

Информационно-пропагандистский комплекс сознательно и целенаправленно формирует у людей нужные ему потребности, направляя активность в нужное ему русло. Люди, воспитанные в эпоху современного государственно-монополистического капитала, являются «одномерными», т.е. людьми с развитым конформистским, лояльным отношением к истеблишменту.

Таким образом, с помощью идеологии элита манипулирует сознанием масс.

Особенно одномерность характерна для тоталитарных государств, к которым Маркузе относил как фашистские режимы в Германии и Италии, так и современные Соединенные Штаты Америки (для них характерен такой вид тоталитаризма, как «техническая рациональность», т.е. развитие в соответствии с технологическим проектом, который лежит в основе развития современной развитой индустриализации).

Понимание термина «тоталитаризм» у Маркузе отличается от общепринятого и подразумевает нетеррористическое экономическое координирование общества. То есть оно лишило все критические идеи оппозиционности, встроив их в свое функционирование.

Основная характерная черта тоталитаризма заключается в «поглощении личности громадным государственным механизмом».

Основой саморегулирования современной индустриальной цивилизации является уже не подавление влечений и потребностей большинства, но формирование или преформирование стандартных, ложных потребностей, привязывающих индивида к современному обществу, потребностей, которые Маркузе называет репрессивными (подавляющими). Реализация этой модели прослеживается в книге «Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества» (М., 1994), на различных уровнях и в разных областях одномерного общества, одномерного мышления.

Буржуазная идеология, по Хоркхаймеру, есть «ложное сознание», используемое в целях духовного подавления трудящихся, подчинения их существующему строю.

Однако в отличие от «ортодоксальных» марксистов, эта негативная характеристика распространяется и на идеологию пролетариата. Его способ мышления также односторонен, недиалектичен, не охватывает всех противоречий действительности, поскольку пролетариат как и буржуазия, попадает в рабскую зависимость от существующих общественных отношений и не в состоянии осознать свои истинные интересы.

Из этой ситуации не могут вывести и интеллигенты, ставшие на классовые позиции пролетариата, поскольку их мышление подчиняется «психологическому состоянию этого класса».

Поэтому, – заключает Хоркхаймер, – «положение пролетариата не дает никакой гарантии правильного познания».

Но поскольку сознание любого общественного слоя имеет тенденцию оформиться «идеологически и стать коррумпированным», для «науки» остается лишь единственная возможность – чисто словесная критика существующего социального порядка и конформистского образа мышления. Истина в критике, без утверждения.

Носителем этой критики, по Хоркхаймеру, и является саморефлексирующая «критическая теория общества», которая осознала свою собственную социальную обусловленность.

«У критической теории, – отмечает он, – нет того общественного класса, на одобрении которого она может держаться».

Таким образом, идеология однозначно является ложной, неистинной, но причины этой ложности представители Франкфуртской школы видят не в социальной обусловленности сознания, (т.е. принадлежности к какому-либо слою, классу), а в самой ложной действительности, т.е. тех общественных отношений, в которые попадает человек.

Но все-таки правильное понимание этой действительности возможно. Более того, эта истина может являться из идеологии, может вырасти в ней и открыться в ней.

Еще в ранних работах Хоркхаймера (статья, написанная в бытность руководителя Института социальных исследований, – «Новое понятие идеологии?») и Герберта Маркузе («К проблематике истины социологического метода», 1929 г.) они выступили с критикой ключевого понятия Мангейма, в соответствии с которым всякое социально обусловленное знание неистинно вследствие классовой позиции субъекта познания.

Утверждение, что социальная обусловленность познания должна влиять на содержание истины, непонятно... и ошибочно, – пишет Макс Хоркхаймер, – так же, как и сведение всякой социальной истины только к истине данного времени. Интерес и человеческая воля не могут служить препятствием для построения научной картины мира.

Как оправдание существующего общества рассматривает идеологию еще один известный выходец из Франкфуртской школы – Теодор **Визенгрунд Адорно** (1903 – 1969). В специальной статье «Идеология», изданной в социологическом журнале Франкфурта-на-Майне в 1967 г., Адорно дает следующее определение этого понятия: как объективно-необходимое и одновременно ложное сознание, скрещивание истины и неистины, которое отделяется как от полной истины, так и от простой лжи, принадлежит идеологии. Под идеологией Адорно понимает всю культуру и науку буржуазного общества, и ложность идеологии в том, что фальшью пронизана эта культура и эта наука.

Свободный человеческий дух в этом обществе становится идеологией, превращаясь в овеществленное, опредмеченное сознание, воплощенное в идеологических принципах и институтах. Это особенно заметно в наше время, когда существует мощная и разветвленная «индустрия сознания».

Еще в совместном с Хоркхаймером труде «Диалектика просвещения» (1947 г.), а затем в работах «Философия новой музыки» и уже названной статье «Идеология», Адорно дает яркую картину идеологической манипуляции с массовым и индивидуальным сознанием в условиях «современного буржуазного общества».

Особенностью, отличающей идеологию второй половины XX века от века XIX, является ее сращивание с пропагандой. На место идеологии как неосознанного выражения коллективного характера интересов вступает вполне сознательная, более или менее централизованная манипуляция сознанием масс. Идеология погашается пропагандой.

Общественно обусловленное фальшивое сознание сегодня больше не является объективным духом в том смысле, что оно никоим образом не кристаллизуется слепо из общества. Это осуществляется производством индустрии культуры, фильмов, журналов, иллюстрированных газет, радио, телевидения и пр.

В прошлом, считают они, буржуазия создавала большие идеологические системы, разрабатывала более или менее стройные политические доктрины для обоснования своего господства. Теперь таких идеологических систем не существует. Идеологическое мышление выродилось.

Ю. Хабермас говорит о распаде политической идеологии, связанном с деградацией буржуазных идей периода либерализма и превращении ее в систему повседневного поведения в современном потребительском обществе. «Идеалы буржуазного гуманизма – самореализация, рациональное формирование политической воли, личное и коллективное самоопределение, самоорганизация общества – эти идеалы должны были быть поставлены лицом к лицу с циничной действительностью современного общества» вырождаются в идеологию³³.

Если в прежние времена она выступала в форме рационально обоснованных политических, правовых, нравственных эстетических и прочих теорий, то теперь она стала лишь «материалом» для повседневной пропаганды, распространяемой по многочисленным и технически совершенным каналам массовых коммуникаций.

Результатом воздействия мощной и разветвленной системы империалистического манипулирования, как отмечают Адорно и его коллеги, является конформистский стиль мышления, выражающийся в пассивном приспособлении человека к существующим общественным отношениям, в поверхностном восприятии действительности как вполне законченном и оправданном.

Современная буржуазная идеология является идеологией конформизма, приспособления человека к существующим обстоятельствам.

---

³³ Юрген Хабермас. Демократия, разум, нравственность. М., 1995. С.191–192.

Она не может предоставить индивидам никакой альтернативы, превращая их в винтики огромной машины государственно-монополистического капитализма.

Критика Адорно направлена и в адрес идеологии социалистических стран, которая является тоталитарной и используется в качестве инструмента господства. И в этом обществе она утрачивает свою утопически-идеалистическую дистанцию по отношению к обществу и «становится одновременно элементами репрессивного управления».

Представитель второго поколения Франкфуртской школы – **Юрген Хабермас**, поставивший перед собой задачу «обновить марксизм» и называвший себя «неомарксистом», интересен именно этим своим подходом и интерпретациями марксистских положений. И к нему мы еще вернемся в соответствующей теме.

Сегодня он интересен для нас тем, что в его работах мы встречаемся с различными определениями идеологии, историческими экскурсами, связанными с причинами и временем рождения этого явления, вскрытием механизма этого процесса.

Идеология, рассматриваемая не просто как общественно-необходимое сознание в его ложности (как это делали позитивисты), но в контексте подходов Франкфуртской школы как оправдание, существует с начала буржуазного общества. (Адорно, а также неопозитивист Топич считали идеологии детищем капитализма.)

Ее происхождение было следствием отождествления «собственника с «просто человеком», в котором буржуазные классовые интересы принимают «видимость всеобщности»³⁴. Это идущая от Локка и Джефферсона идеология свободного частного предпринимательства, которая потерпела крушение с развитием капитализма XX века.

В феодальном обществе, по Хабермасу, политическое господство осуществляется сверху, через установленную религией «космологическую» картину мира. В буржуазном обществе оно осуществляется «снизу», через экономику, через рыночные отношения, которые легитимируют (обеспечивают всеобщее признание) «идеологию обмена». Ссылаясь на положение К. Маркса о том, что товарному обращению всегда сопутствует товарный фетишизм, Хабермас считает, что он то и порождает идеологию – извращенное отражение действительности. Но сознание становится ложным, благодаря иногда правильному отражению действительности. Хабермас тут корректирует марксизм, ведущий возникновение идеологий с тех пор, как существует человеческое общество. В процессе исторического развития они лишь изменяли свое социальное содержание и форму, но всегда выступали как прогрессивные или реакционные.

---

³⁴ Социальная философия Франкфуртской школы... С. 197.

Марксистский подход не вызывает возражений, но не является единственно возможным. Он, например, не дает возможность провести следующий анализ, который позволяет подход Хабермаса.

Идеология как явление капиталистического общества – «старая, базисная идеология общества обмена», идеология в собственном смысле слова была свойственна эпохе классического капитализма и выступала главным образом в облике политической идеологии как средство приспособления политической системы к сложившимся экономическим отношениям частного предпринимательства.

Однако с конца XIX века, утверждают франкфуртские философы, начинается прогрессирующий распад традиционной буржуазной идеологии.

Шнедельбах так характеризует этот процесс: «Идеологии в традиционном смысле были связаны с буржуазным обществом в том отношении, что их возникновение предполагало раннекапиталистические производственные отношения. Функционирующая тогда конкуренция исключала монополию и в духовном производстве; общественное мнение складывалось так же, как цены на анонимном рынке; действительно доминировали всеобщие общественные факторы в том образе как их создавали индивиды из своей социальной среды. Но в той мере, в какой увеличивается процесс экономической концентрации, возрастает политическое манипулирование общественным сознанием, угрожая классическому учению об идеологии потерей его предмета».

Между концом XVIII и серединой XIX, пишет австрийский философ неопозитивист Эрнст Топич, сформировались все «высшие идеологии»:

- социальная теория реставрации с ее теорией божественной милости, или консерватизм;
- либерализм с его верой в «гармонию свободного рыночного хозяйства»;
- марксизм, с его «священной миссией классовой борьбы».

Все эти идеологии были инструментом борьбы за политическое и экономическое господство различных социальных групп. Но после второй мировой войны, считает Топич, наступила заключительная фаза духовного развития. Научно-технический прогресс и социально-экономическое развитие привели к смягчению социальных антагонизмов (собственность якобы перестает быть критерием социальной стратификации, классового деления), к повышению материального уровня жизни, ослаблению напряженности, порождаемых утопическим духом «высших идеологий».

Интересную точку зрения высказывает английский ученый, профессор Кентского университета Кришан Кумар: в ходе Великой французской революции утопия как образ мышления была поглощена новы-

ми революционными идеологиями, порожденными этой революцией³⁵. Таким образом, ряд ученых и школ на рубеже 50–60-х гг. считает, что в «индустриальных обществах» происходит процесс «деидеологизации». Традиционная идеология исчезает. Ее роль берет на себя наука и техника.

Ю. Хабермас создает теорию новой технократической идеологии. Монополистический капитализм использовал научно-технический прогресс для стабилизации своей системы, отношений господства. Но этот прогресс в силу неограниченных возможностей в осуществлении господства над природой, в силу того, что он формирует «технократическое сознание», перед которым все проблемы – исторические, политические и социальные – сводятся к возможностям техники, автоматически будет установлен предел существованию репрессивных общественных отношений, и обеспечит рациональные отношения между людьми³⁶. У сторонников этой теории были большие надежды на то, что «технократическое сознание» создаст возможность перешагнуть через исторически ограниченные интересы определенного класса, развивать взаимно координирующие интересы человечества в целом.

Ее критиковали представители той же школы, в частности, Герберт Маркузе. Он писал, что понятие технического разума, вероятно, само есть идеология. Не только применение технического разума, но сама техника есть господство над природой и человеком. Определенные цели и интересы не просто навязываются научному аппарату, но входят уже в саму его конструкцию; техника есть соответствующий обстоятельствам исторический проект: в ней запроектировано то, что предполагают сделать с человеком и вещами общество и господствующие в нем интересы. Такая цель господства является материальной. Технический разум разоблачает себя таким образом, как политический.

В книге «Одномерный человек» он показал, что в условиях индустриального общества технический разум стал эффективной формой социального контроля, приобрел большое общественно-политическое и идеологическое значение. Научно-технологический прогресс, пишет он, это не «конец идеологии», а, наоборот, ее продолжение и даже усиление.

Напротив, прогрессирующая индустриальная культура является идеологической, как и ее предшественница, именно в том отношении, что сегодня сама идеология пронизывает производственный процесс», укрепляет экономические и политические отношения, обосновывает господство самой системы.

Левые радикалы – Р. Милс и А. Гоулднер, Ирвин Горовиц – писали, что сама концепция «деидеологизации» является специфической идеологической теорией господствующей элиты, выражающей ее интересы.

---

³⁵ См.: К. Кумар. Марксизм и утопия. ОНС. 1992. № 3.

³⁶ См.: Социальная философия Франкфуртской школы. С. 193–194.

В 1970-е гг. одновременно с упадком теории деидеологизации стала набирать силу концепция реидеологизации. Среди ее основателей те же Д.Белл, С. Липсет, Эдвард Шилз, известные нам иррационалисты Винер и Фойер, а также громко известный критик советской системы З. Бжезинский. Возникла идея создания «глобальной», «вселенской» идеологии, которая была бы приемлема для всех социальных движений независимо от классовой, политической принадлежности. В частности, З. Бжезинский отмечает наличие общечеловеческих элементов в различных идеологиях, объединению которых пока мешает классовое содержание. Но в будущем может появиться «глобальное сознание», выражающее интересы всех социальных групп.

В рамках этой концепции выявились три подхода:

– «неоконсервативный», утверждающий вселенскую идеологию через борьбу с марксизмом-ленинизмом (Белл, Бжезинский, Липсет, Шилз);

– «либеральный», кладущий в основу глобальной идеологии ценности либерализма» (Р.Даль – создатель теории плюралистической демократии и Л.Хартц) и

– направление, представленное Э. Фроммом, А. Винером и Л. Фойером, обосновывающими необходимость поиска новых мифов, без которых человеческое сообщество существовать как целостность не сможет.

В 1990-е гг. распад коммунистического сектора, с одной стороны усилил внимание к проблеме, с другой – вызвал замешательство в обоих лагерях. Эту позицию выразил Фрэнсис Фукуяма в статье «Конец идеологии?», провозгласив «полное крушение всех альтернатив», «триумф Запада и западной идеи», «безусловную победу экономического и политического либерализма»³⁷.

Но такая постановка проблемы уже невозможна, т.к. она решается не между двумя противоположными идеологиями, на борьбе которых был сконцентрирован XX в., а решается внутри систем. И тот факт, что распалась система, базировавшаяся на теории марксизма, не только не снимает проблемы идеологизованности общества вообще, но даже не перечеркивает научную ценность марксизма.

С крахом идеологического по своей сути советского государства. Развенчалась и коммунистическая утопия, лишился всякой актуальности и перспективы миф о социалистической революции и обществе, основанном на принципах всеобщего социального равенства.

Однако этот крах вовсе не есть свидетельство совершенства западного пути общественно-исторического развития и западной модели об-

---

³⁷ Фукуяма Ф. Конец идеологии. США: экономика, политика, идеология. 1990.

щественного устройства. Проявляется это в том, что в то время, как весь незападный мир как будто принимает принципы рыночной экономики и политической демократии, на самом Западе усиливается критика наследия эпохи Просвещения и его детищ – индивидуализма, прогресса и политической демократии. Выдвинуть же сколько-нибудь убедительный альтернативный миф Запад еще не успел.

Нынешняя ситуация в идейно-политической сфере характеризуется очевидной несостоятельностью традиционных идеологических систем (либерализм, консерватизм, коммунизм...), что выражается в неспособности ответить на новые вопросы-вызовы, новые реалии современного общества.

Под сомнение поставлена сама возможность или правомерность каких бы то ни было идеально-программных, политико-идеологических построений в качестве мобилизующих идеалов.

Нынешняя ситуация в данной сфере характеризуется преобладанием импровизации и фрагментарности, отсутствием сколько-нибудь цельных и последовательных теорий и идеологий.

Имеет место чувство неопределенности, непредсказуемости и случайности мировых процессов. Это во многом объясняется тем, что лишённые идеологических оснований сдвиги глобального масштаба порождены сочетанием множества социальных, экономических, культурных, технологических и иных факторов, различные комбинации которых способны вызвать непредсказуемые ситуации. Поэтому неудивительно, что у формирующегося нового мирового порядка множество скрытых аспектов, чреватых непредсказуемыми последствиями.

Эти последствия накладываются на целый комплекс факторов, которые в совокупности способны усиливать конфликтный потенциал как внутри отдельных обществ, так и между различными народами, странами, культурами, конфессиями и т.д.

Постиндустриальная революция, урбанизация, информатизация, рост грамотности породили специфическую культуру и массы люмпенов физического и умственного труда, оторванных от корней и земли, способных поддерживать любой миф, обещающий все блага мира.

В то же время динамика секуляризации породила тип человека, для которого главным мотивом деятельности, главным жизненным кредо стало удовлетворение собственных потребностей и желаний – «продукт развития свободы, не корректируемой ответственностью» (С. Даннелс). Он отрицает все, что ограничивает утверждение личности, восстает против институтов, процессов социализации, обязательств, т.е. против всего того, что составляет саму ткань любого общества. Он осуждает общество, считая его ответственным за все ошибки, пороки, духовную нищету и пр. Он не признает ни дисциплины, ни авторитета отца, семьи и традиций, ни самоограничений. Для него идеальным является гедонизм.

стическое общество, где все поставлено на службу удовлетворения потребностей и наслаждений. По словам М. Шелера, «образ жизни, ориентированный только на наслаждения, представляет собой явно старческое явление как в индивидуальной жизни, так и в жизни народов».

Потребности имеют свойство возрастать по мере удовлетворения, поэтому приверженцы постмодернизма (А. Геллер, Ф. Фезер) назвали современное западное общество «неудовлетворенным обществом». Индустрия формирования потребностей стимулирует их воспроизводство и распространение, фактор постоянной неудовлетворенности общества является мотивационным в воспроизводстве самого современного общества.

При поиске ответов на вопрос о судьбе и перспективах идеологии в современном и будущем обществе необходимо исходить из признания того, что идеологии, призванные служить в качестве связующих скрепов человеческих обществ, не могут совсем исчезнуть, неизбежно появятся новые идеологические конструкции или мифы, но они примут новые очертания. Человек, как полагает К.Е. Гаджиев, не имеет будущего без мифа, без мифологии.

Казалось бы, современный западный мир строится на демифологизации, развенчании сакрального, секуляризации. Однако «парадокс современного секуляризованного мира состоит в том, что, отвергая традиционные религии и идеологии в качестве руководящих систем ценностей, норм, ориентаций, ожиданий и т.д., он в то же время создает условия для формирования разного рода новых утопий, мифов, идеологий, которые функционально выполняют роль тех же религий и идеологий.

Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в современных условиях возрождаются, мимикрируя и приспособляясь к новым реальностям, как идеологии национал-социализма и большевизма, правого и левого радикализма, так и более respectable конструкции консерватизма и либерализма.

Ослабление, расшатывание инфраструктуры традиционной базовой культуры имеют своим следствием измельчание, атомизацию, эфемерность ценностей, норм, принципов, определяющих моральные устои людей. В результате понятия «родина», «вера», «семья», «нация» теряют свой традиционный смысл. Это приводит, с одной стороны, к усилению терпимости и открытости в отношении чуждых культур и нравов, а с другой – к ослаблению чувства приверженности собственным традициям, символам, мифам.

В условиях неуклонной космополитизации и универсализации все более отчетливо прослеживается обострение чувства безродности, отсутствия корней, своего рода вселенского сиротства.

Как отмечал М. Хайдеггер, «бездомность становится судьбой (современного) мира». При таком положении для многих дезориентиро-

ванных масс людей национализм, различные формы фундаментализма могут оказаться подходящим, а то и последним прибежищем. В данном контексте не случайным представляется всплеск так называемых «возрожденческих» движений в исламском и индуистском мире национализма и партикуляризма почти во всех регионах земного шара.

Нужно отметить, что фундаментализм с его акцентом на идеи возврата к истокам, разделением мира на своих и чужих бывает не только исламским, но также православным, либеральным, большевистским и т.д. Все они представляют своего рода реакцию против тенденций нарастания сложности и секуляризации социального мира.

В этом контексте следует рассматривать и традиционалистские движения. В условиях растущей интернационализации и космополитизации особое звучание приобретает традиция, воплощающая дух народа, вносит универсальный смысл в историческое бытие народа, в определение его места и роли в сообществе всех остальных народов.

Такие же явления, как религиозный фундаментализм, национализм, расизм, нетерпимость во всех ее проявлениях, некорректно объяснять с помощью таких понятий, как «возрождение», «пережитки» и т.д. Это, по сути дела, новые явления порождения нашей же эпохи с той лишь разницей, что используют терминологию, заимствованную из лексики прошлого. И этот факт не должен вводить нас в заблуждение.

Таким образом, современность со всеми ее реалиями создает благоприятную почву для формирования и распространения, с одной стороны, всякого рода органицистских, традиционалистских, фундаменталистских, неототалитарных, неоавторитарных идей, идеалов, устоев, ориентаций, а с другой стороны, универсалистских, космополитических, анархистских, либертариистских, антиорганицистских и т.д. идей, установок, не признающих целостности, дисциплины, ответственности.

Это со всей очевидностью подтверждает тот факт, что в формирующемся новом миропорядке идеологии сохраняют функции и роль фактора, существенно влияющего на характер и направления развития мирового сообщества.

Вопросы для самопроверки

1. «Тотальное» манипулирование сознанием масс в условиях научно-технической революции.

2. Смысл введенных Г.Маркузе понятий «одномерный человек», «одномерное общество»?

3. Почему Хоркхаймер выступал против концепции социальной обусловленности сознания?

4. Ю.Хабермас о распаде идеологии.

5. Идеино-политическая направленность представителей Франкфуртской школы.

РАЗДЕЛ 2. «КЛАССИЧЕСКИЕ» ИДЕОЛОГИИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ XIX – XX ВЕК

Тема 5. Либерализм

Либерализм – это сложный многоплановый феномен, объединенный общим комплексом концепций, идей, принципов, идеалов, делающих его особым типом общественно-политической мысли.

Либерализм – **идеология западноевропейского Просвещения.**

Термин появился в начале XIX в Испании. Этим термином в 1811 г. группа политиков и публицистов определила составленную ими Конституцию. Затем либералами стали называть группу делегатов-националистов в кортесах (испанский парламент, заседавший в Кадисе). Позже это понятие входит в английский, французский и во все крупные языки.

Термин происходит от латинского «liberalis» – свободный. Эта связь со свободой теоретическая, дает возможность ряду исследователей проследить корни либерализма как минимум со времен античности, которая выработала такие понятия, как правовая личность, субъективное право (в первую очередь право на частную собственность), а также государственные и законодательные учреждения, в рамках которых граждане участвовали в управлении государством.

Эти основы были вновь открыты западноевропейскими нациями и дополнены многочисленными новыми вкладами.

Их освоение связывают с европейским Ренессансом, с его раскрепощением человеческого духа, Реформацией, выступившей против засилья папской церкви и всемогущества старого дворянства за примат личных интересов над общественными. Принцип свободы совести, обоснованный Мартином Лютером, призыв к свободе проповеди и печати, предшествовали провозглашению раннебуржуазных свобод.

Идеи либерализма обосновывали в своих произведениях Ф. Бэкон, Т. Гоббс и Д. Локк, Ш. Монтескье и Французские просветители (XVI–XVIII вв.), а также И. Кант, А.Смит, Т. Джеферсон, Дж. Медисон, Б. Костан, А де Токвиль. Их идеи были развиты И. Бентамом, Дж. Миллем и многими другими представителями философских, экономических, юридических школ.

В соответствии с требованиями своего времени они выступали за пересмотр устоявшихся, но устаревших ценностей и подходов к решению важнейших социально-экономических и политических проблем, за перестройку потерявших эффективность общественно-политических и государственных институтов, за ревизию, модификацию модернизацию положений, доктрин и концепций в соответствии с изменившейся си-

туацией в обществе, новыми тенденциями общественно-политического развития.

Участники Английской буржуазной революции середины XVII в. Славной революции 1688 г., Войны за независимость США (или американской революции) внесли в практику либерализма многие из тех идеалов и принципов, которые позже стали составной частью либерального мировоззрения.

Декларация независимости США, обнародованная 4 июля 1776 г., стала первым документом, в котором эти идеи и принципы были сформулированы и затем приняты к исполнению на официальном государственном уровне.

Но поворотным пунктом в формировании либерализма следует, как полагает большинство исследователей, считать Великую французскую революцию. Она и положила начало размежеванию основных течений западной общественно-политической мысли Нового и Новейшего времени.

Один из ее главных политико-идеологических документов – **Декларация прав человека и гражданина** (1789) – в четкой и емкой форме в сущности легитимизировала те идеи, ценности и установки, которые впоследствии стали важнейшими системообразующими составляющими классического либерализма.

Практическое осуществление в той или иной степени либеральные принципы получили в ограниченном конституционном строе, установленном во Франции после июльской революции 1830 г., в Третьей республике 1870 г., а также в практике Швейцарии, Голландии, Скандинавских странах. Немаловажную роль они сыграли в объединении Италии и Германии, формировании государственной системы этих стран.

Полигоном, на котором либеральные идеи проходили главную проверку, принято считать Великобританию и США. «Именно Британия изобрела современную представительную форму правления, которая впоследствии была принята в Европе, а затем распространилась на большую часть остального мира. В восемнадцатом и девятнадцатом веках либералы континентальной Европы смотрели на британскую конституцию как на чудо»³⁸. В Россию либеральное мировоззрение, как полагают, было занесено извне и укоренилось в конце XIX – начале XX века. Крепостнический тип «полицейского государства» не оставил места для принципов либерализма. Но тем не менее, несмотря на полное отсутствие практики, представители русской общественной мысли внесли свою лепту в разработку теории либерализма: Т. Грановский, П. Струве, Б. Чичерин, П. Милюков – пытались развить и применить принципы либерализма в российской реальности. Российская юридиче-

---

³⁸ Зидентоп Л. Демократия в Европе. – М., 2000. С.79.

ская школа последней трети XIX века (Кистяковский, Петражицкий, Новгородцев и др.) заложила основы российского конституционализма, правового государства и гражданского общества.

Либерализм формировался и утверждался в различных социально-исторических и национально-культурных условиях, что дает порой причудливое разнообразие форм, оттенков, противоречий. Но принято выделять две исторически сложившиеся либерально-демократических традиции: **англосаксонскую и континентально-европейскую**. В XIX в. англосаксонская традиция ассоциировалось со свободной торговлей, интернационализмом, развитием конституционных норм, укреплением демократических ценностей.

На политической арене носительницей важнейших ценностей и принципов этой традиции стала либеральная партия Великобритании, которая постепенно наращивала поддержку избирателей и влияние в обществе, пока не стала одной из двух ведущих партий страны. Последовательно выступая за свободную рыночную экономику и реформу политической системы (расширение избирательного права), либералы добились принятия избирательных законов 1867, 1884 и, особенно, 1914 г., когда был издан закон о всеобщем избирательном праве.

Однако с выдвиганием на политическую авансцену лейбористской партии, которая привлекла на свою сторону рабочий класс, либералы стали постепенно утрачивать свои позиции. В 1940–1945 гг. они в последний раз участвовали в правительственной коалиции.

В континентально-европейской традиции акцент переносится на процессы национальной консолидации, отказ от всех форм экономического, политического и интеллектуального авторитаризма.

В силу разнообразия исторических условий либерализм обрел собственную окраску в разных странах. Постепенно в нем выделились два соперничающих между собой течения – **умеренных и прогрессистов**. Последние, в свою очередь, характеризовались разнообразием идеологических позиций, что проявилось уже в названиях партий от либералов до радикалов.

Причины разнородности либерализма политология объясняет тем, что в разных странах с различной степенью остроты вставали проблемы обеспечения экономических свобод, конституционных форм или секуляризация государства. Дополнительным фактором, определившим различие идеологической окраски либеральных партий, стала проблема национального возрождения и объединения, как это было, например, в Италии и Германии. Здесь либерализм превратился в одну из мобилизующих сил национально-государственного объединения.

Либерализм в ходе своего развития в XIX – XX вв. прошел ряд этапов, пережил три тяжелых кризиса, в результате чего некоторые его первоначальные принципы и подходы претерпели изменение.

Первым историческим вариантом либерализма был **классический либерализм** с его идеалом свободы как универсальной цели.

Предпосылками либерального мировоззрения стали такие мировоззренческие завоевания, как:

– вычленение человеческой **индивидуальности**, (вместо коллективизма тотальных обществ античности);

– утверждение представления о **равенстве** всех людей в своем врожденном, естественном праве на самореализацию;

– осознание **ответственности** отдельного человека за свои действия перед самим собой и обществом.

Индивидуализм развивался вместе с гуманизмом, идеями самоценности человека и **человеческой** свободы, плюрализма мнений и убеждений.

В наиболее радикальной форме для своего времени это выразил «один из столпов либерализма» Джон Локк. Противопоставив отдельного индивида и обществу, и государству, он назвал основной признак его свободы: «Он хозяин своей собственной персоны» (в абсолютистском государстве власть короля распространялась и на собственность, и на жизнь, и на деятельность любого подданного).

Позже Джон Стюарт Милль сформулировал эту мысль в форме следующей аксиомы: *«Человек сам лучше любого правительства знает, что ему нужно».*

Индивидуализм рассматривался в единстве с другим базовым понятием либерализма – **свободой**.

Свобода – не как цель, но как главное условие, как пружина развития общества, как конкуренция и выбор, как преграда на пути абсолютизации чего-либо в любой сфере, свобода, как всегда, наличие альтернативы.

Свобода понималась в **«негативном» смысле**, т.е. **в смысле «свободы от»** политического, церковного и социального контроля со стороны феодального государства.

Борьба за свободу означала борьбу за уничтожение внешних ограничений, накладываемых на экономическую, физическую и интеллектуальную свободу человека. Это звучало так: я свободен настолько, насколько в мою жизнь не вмешиваются другие.

Поэтому классический либерализм объявил потерявшими силу все формы наследственной власти и сословных привилегий, поставив на первое место свободу, природные способности индивида как разумного самостоятельного существа, независимой единицы социального действия.

Именно эти два принципа в совокупности стали могущественной стимулирующей силой развития производительных сил, общественно-исторического развития, формирования и утверждения демократии. В европейских демократиях **частная собственность** рассматривается как

гарант и мера свободы. В экономической сфере это воплощалось в принципы свободного рынка и конкуренции. Из экономической свободы выводились политическая и гражданская свободы.

По мере формирования и утверждения идеи индивидуальной свободы на первый план выдвигалась проблема отношений государства и отдельного человека и, соответственно, проблема пределов вмешательства государства в дела индивида. «Лучшее правительство то, – отмечал Т. Джефферсон, – которое меньше всего управляет».

Формирование государственно-политической концепции здесь шло на основе теории **«естественного права»**, смысл которой состоит в том, что человек появился на свет раньше общества и государства и в догосударственном, «естественном» состоянии был наделен некоторыми неотчуждаемыми правами. Руководствуясь ими, каждый получал то, что заслуживал.

На основе такого подхода была сформулирована юридически правовая система, в которой право было превращено в инструмент гарантирования отдельному индивиду свободы выбора морально-этических ценностей, форм деятельности и создания условий для претворения в жизнь этого выбора.

Такой подход предполагал для всех членов общества равные возможности самореализации и равные права в достижении своих целей и интересов.

Важным компонентом либерализма стал **принцип плюрализма** во всех сферах общественной жизни:

– в социальной – различных классов, слоев, заинтересованных групп;

– в культурной – разнообразных этнических, региональных и иных культур, культурных типов и течений, вероисповеданий, конфессий;

– в политической – политических сил, партий, организаций, группировок, клубов и т.д.

Все эти подходы и постулаты выражались в законодательно закреплённом принципе **равенства всех перед законом**, в идеях государства – **«ночного сторожа»** и **«правового государства»**, **«демократии** и **«парламентаризма»**.

Суть идеи государства «ночного сторожа» – в обосновании минимального государства или «государства-минимум», которое наделено ограниченным комплексом самых необходимых функций по охране порядка и, в первую очередь, бизнеса от социально-классовых конфликтов, защите страны от внешней опасности.

Приоритет отдавался **«гражданскому обществу»** перед государством, которое рассматривалось как необходимое зло. Общество – постоянная величина, а государство – производная от него.

Понятно, что либерализм не является апологией неограниченной anarchически понимаемой свободы индивида делать все, что ему заблагорассудится, игнорируя принятые в данном обществе правила игры.

Неотъемлемой составной частью либеральной идеи свободы индивида является не менее важный принцип его ответственности перед обществом за свои действия.

Постулат, по-разному сформулированный **А. Смитом** и **И. Кантом**, гласит в первом случае: собственность дает права, но их нужно использовать таким образом, чтобы не нарушать права других членов общества;

во втором: моя свобода кончается там, где начинается свобода другого человека.

Нужно заметить, что в либеральных теориях с самого начала наряду с такими имманентно присущими прерогативами и полномочиями государства, как обеспечение правопорядка внутри страны и защита национального суверенитета и территориальной неприкосновенности от притязаний извне, обсуждалась проблема его ответственности за материальное обеспечение неимущих слоев, которая рассматривалась как «помощь в осуществлении своих прав» (И. Кант). Эти идеи получили развитие в трудах русских юристов в конце XIX века и были реализованы в XX веке в европейской и американской практике «социального государства».

Либерализм внес также свой вклад в разработку принципов конституционализма, парламентаризма и правового государства, как теперь ясно, несущих конструкций политической демократии.

Либерализму принадлежат: принцип разделения властей, разработанный в работах Дж. Локка, Ш.-Л. Монтескье и дополненный американской системой «сдержек и противовесов»; идея о том, что в государстве должны властвовать не отдельные личности, а закон; закрепление за государством задачи – регулировать отношения между свободными гражданами на основе строгого соблюдения законов, призванных гарантировать свободу личности, неприкосновенность собственности и все другие права человека и гражданина.

Либерализм и демократия обуславливают друг друга, при этом демократия – форма организации власти в интересах большинства, либерализм же подразумевает допустимые границы власти. Либерализм, как заметил П.Б. Струве, означает «утверждение неотъемлемых прав личности, неотъемлемых в том смысле, что они не подлежат посягательству ни со стороны власти, ни со стороны отдельных лиц... утверждает свободу лица против всякой власти, как бы она ни была организована, и в том числе против народовластия, или демократии»³⁹. Для либеральной практики демократия стала оптимальным вариантом организации власти. Хотя, как отмечается в политологических исследованиях, «либерализм, взятый сам по себе, базируется на идеях приоритета и самоценно-

---

³⁹ Струве П.Б. О мере и границах либерального консерватизма // Полис. 1994. №3.

сти отдельно взятой личности, ее основополагающих правах и свободах, а демократия предполагает суверенитет или верховенство народа, политическое равенство всех граждан, приоритет воли большинства»⁴⁰. В либеральной традиции демократия во многом отождествляется с политическим равенством, понимаемым как формальное равенство граждан перед законом. «В этом смысле, – пишет К.С. Гаджиев, – в классическом либерализме демократия представляла собой, по сути дела, политическое выражение принципа *laissez faire* и свободных рыночных отношений в экономической сфере»⁴¹. Как отмечает тот же автор, либерализм, как и любое течение общественно-политической мысли изначально был многовариантен. «Наиболее четко либеральный идеал складывался в англосаксонских странах, особенно в США. Здесь, утвердившись в общественном сознании, индивидуализм стал восприниматься в качестве главного даже единственного принципа американского общества. Индивидуалистическому идеалу была придана самодовлеющая значимость. Он рассматривался не просто как один из многих элементов системы ценностей и принципов функционирования буржуазного общества, а как главная цель всякого разумного общества вообще. Самостоятельность и опора на свои собственные силы, индивидуализм и свободная конкуренция были подняты до уровня стандарта образа жизни значительной части американского народа»⁴².

Однако наиболее сильные и прогрессивные для своего времени стороны либерализма в иных исторических условиях продемонстрировали коренившиеся в них противоречия.

Истоки кризиса либерализма, проявившегося на рубеже веков, лежали в обострении антагонизма между «равенством» и «свободой». Понимаемое в классическом либерализме как равенство возможностей, осуществляемое в условиях свободной конкуренции, оно играло прогрессивную роль в период борьбы с феодализмом, с жесткими ограничениями средневекового корпоративизма, институтов внеэкономического принуждения.

В условиях утвердившихся свободных рыночных отношений требование неограниченной свободы конкуренции, в результате которой шла концентрация и централизация капитала, привело к возрастанию веса и влияния промышленных и финансовых магнатов. Обнаружилось, что свободная, ничем не ограниченная игра рыночных сил не обеспечивает автоматически социальной гармонии и справедливости, на что возлагала свои надежды, например, Манчестерская школа.

---

⁴⁰ Гаджиев К.С. О перспективах демократической государственности в России // Полис. 1994. № 3. С. 107.

⁴¹ См.: Введение в политологию. – М., 1997. С. 379.

⁴² Там же.

Понятия экономической и социальной справедливости разошлись. Выдвинутая социалистической идеологией идея политического и экономического равенства для рабочих вступала в противоречие с либеральной идеей свободы, особенно экономической. Идеологи рабочего класса требовали равенства и справедливости. Отстаивая принцип свободной конкуренции, либерализм защищал интересы привилегированных слоев населения, теряя свою социальную базу.

Находясь в состоянии кризиса на рубеже веков, либерализм, представляющий, по сути своей, образ мыслей, чуждый догматизму, одномерности, нетерпимости, ищет ответа на вопрос: Что значит – быть либеральным в изменившемся мире? Анализ работ ведущих представителей либерализма демонстрирует поиск путей приспособления классического наследия к изменившимся условиям.

Стремясь обеспечить гарантии свободы большинству граждан, либералы заимствуют у марксизма и социал-демократии идеи социальной справедливости, солидарности и переориентируются на осуществление реформ, призванных ограничить произвол корпораций, облегчить положение наиболее обездоленных слоев населения.

Английские политические мыслители Дж. Гобсон, Т. Грин, Л. Хобхауз, протестантский священник и публицист Ф. Науман, немецкие экономисты В. Репке и В. Ойкен, итальянский философ и политический деятель Б.Кроче, американские ученые – социолог Л. Уорд, философы и политические мыслители Ч. Бирд и Дж. Дьюи сформулировали ряд новых важнейших принципов либерализма, который получил название «**новый либерализм**» или «**социальный либерализм**».

В США его приверженцы назывались **прогрессистами**, в Англии – **ллойд-джоржистами** (по фамилии Ллойд-Джорджа, премьер-министра от либеральной партии), в Италии – **джолиттистами** (от фамилии представителя либералов премьер-министра Джолитти).

Модифицировав и пересмотрев ряд постулатов классического либерализма, либеральные партии сформулировали и пытались на практике осуществить принципы и меры, которые привели к расширению регулирующих функций государства в целях реализации первоначальных либеральных ценностей – защиты прав и свобод.

Большое влияние на реформирование традиционного либерализма оказало распространение **кейнсианских** теорий, названных по имени основателя, одного из величайших экономистов XX века.

Кейнсианство построено на признании необходимости дополнения традиционных для либерализма принципов индивидуализма, свободной конкуренции и свободного рынка принципами государственного регулирования в экономической и социальной сферах. Следствием чего стала институционализация в последующие десятилетия системы и механизмов государственного регулирования экономики и т.н. «**государства благоденствия**» с его широкомасштабными социальными программами.

Сложившееся в 30-е годы понимание либерализма предполагало, что права и свободы индивида становятся фикцией, если отсутствуют социальные гарантии возможности их реализации, обеспечение которых со временем стало рассматриваться как важнейшая функция государства.

Реализацией новой либеральной программы стал провозглашенный в 1933 году тридцать вторым президентом США Ф.Д. Рузвельтом «**новый курс**». Правительственному курсу республиканцев, находившихся у власти с 1921 по 1933 год и исповедовавших принцип радикального либерализма: «Предоставьте бизнес самому себе и он позаботится о вас», новые либералы противопоставили программу вывода общества из кризиса, в которой принципиально менялась роль государства в вопросах общенациональной экономики и социальных отношений.

Нового либерала по определению бывшего сенатора США Дж. Кларка-мл., отличала вера в использование всей силы правительства для продвижения социальной, политической и экономической справедливости на муниципальном, штатном, национальном и международном уровнях.

Те же либералы, сторонники либеральной доктрины в ее классическом варианте, которые решительно отвергли этот новый вариант либерализма, чтобы отмежеваться от него, стали называть себя «**либертаристами**», «**либералами XIX века**», «**классическими либералами**».

Они выступили с критикой вмешательства государства в экономику, негативно оценив политику перераспределения доходов социального выравнивания общества, усматривали в этом посягательство на частную собственность, посягательство на свободу. Ф. Хайек, вставший или оставшийся на позициях либертаризма, аргументировал свои опасения тем, что у работодателя гораздо меньше власти, чем у чиновника, от чьей прихоти зависит судьба человека, а госаппарат не является безличным незаинтересованным, он всегда будет проводить чье-то представление о справедливости, используя весь аппарат насилия над личностью. «Общество, – писал он, – в котором власть в руках богатых, все равно лучше общества, в котором богатыми могут стать только те, в чьих руках власть... каждый, кто понимает, чем это чревато, предпочел бы ограничить планирование производственной сферой и применять его только для «рациональной организации производства», оставив сферу распределения, насколько возможно, во власти безличных сил»⁴³. Новый либерализм Ф. Хайек назвал дорогой к рабству, как и книгу, посвященную его критике.

В послевоенный период классический либерализм, с определенными модификациями принятый Австрийской и Чикагской школами, стал самостоятельным течением, противостоящим новому либерализму по

---

⁴³ Фридман и Хайек о свободе. – М., 1985. С. 108–109.

основным позициям. Характерно, что взгляды либертаристов были взяты на вооружение руководителями консервативных сил ведущих индустриальных стран в 70-х – 80-х годах XX столетия.

Второй кризис либерализм переживает после второй мировой войны. Этому способствовали и экономический кризис 30-х годов и дискредитация либерализма в Германии и Италии, вожди которых не смогли оценить изменений, происшедших в социально-политической ситуации своих стран после окончания первой мировой войны, не сразу разобрались в антидемократическом характере поднимавшегося фашизма. Такие серьезные либеральные политики Италии, как Джолитти и Кроче, полагали, что фашизм необходим для восстановления порядка и укрепления либерального государства. Либералы даже вошли в первое правительство Муссолини, подорвав авторитет своей партии.

Вместе с тем, отлив либеральной волны, особенно после второй мировой войны, был обусловлен во многом теми успехами в реализации основополагающих либеральных идеалов, идей и концепций, которые были достигнуты на протяжении всего XIX века и первых десятилетий XX.

Утверждение и институционализация демократических норм и принципов в большинстве передовых стран привели к убеждению в исчерпанности повестки дня либералов, сами же они видели свою задачу лишь в сохранении уже достигнутого, превратившись из партии «движения» в партию «статус-кво».

С другой стороны, консервативные партии де-факто приняли нововведения в государственно-политической системе, реализованные большей частью по инициативе либералов.

Можно сказать, что важнейшие принципы либерализма были «расщеплены» консерваторами справа и социал-демократами слева.

В итоге инициатором социальных реформ в Западной Европе после второй мировой войны становится социал-демократия, интегрировавшая в себя главные положения либерализма XX века.

В США, наоборот, эту роль взяла на себя демократическая партия, которая с периода рузвельтовского курса стала ассоциироваться с либерализмом и социальным реформизмом.

Акцент на важности обеспечения равных стартовых возможностей всем гражданам достойных условий жизни тем, кто оказался на нижних ступенях социальной лестницы, в послевоенные годы обеспечивал демократам устойчивую поддержку довольно широких слоев избирателей.

В большинстве стран Запада 50–60-е годы стали периодом некоего триумфа нового либерализма или социал-либерального реформизма, который реализовывался в рамках кейнсианской модели государственного регулирования экономики и различных национальных моделях «государства благосостояния».

Так, выдвинутая Л. Джонсоном в 1963 году программа создания в США «Великого общества», в котором нет бедности, пользовалась поддержкой профсоюзного движения, этнических меньшинств, интеллигенции, болезненно реагирующей на ущемление прав человека, проявления социальной несправедливости.

Нужно сказать, что после второй мировой войны либеральные партии предприняли попытки консолидации и координации своей деятельности на международном уровне. На Учредительном съезде в Оксфорде (Великобритания) в апреле 1947 года был создан Либеральный интернационал – федерация либеральных, демократических и прогрессивных партий. Их программными документами являются: «Оксфордский либеральный манифест» 1947 года, «Оксфордская либеральная декларация» 1967 года, «Либеральный призыв» 1981 года. В настоящее время в него входят 52 страны Европы, Америки, Африки и Азии.

В качестве коллективных членов в него входят группы либералов в Европейском парламенте и Совете Европы, а также Международная федерация либеральной и радикальной молодежи. Его штаб-квартира находится в Лондоне. Он собирает съезды и совещания лидеров, а также под эгидой Либерального интернационала проводятся международные семинары и встречи, призванные стимулировать обмен идеями, содействовать обогащению политического и идейного содержания современного либерализма.

Проблемы и противоречия либерализма – во многом результат практической реализации его принципов.

Сторонники либерализма разделяют две обязательные основополагающие установки.

Первая заключается в признании свободы личности наиболее значимой морально-политической ценностью. Другие ценности часто имеют для них инструментальное значение как средства достижения, расширения или поддержания данной свободы.

Другая установка – это непоколебимая вера либералов в способность науки постепенно разрешать социальные проблемы. На протяжении всех веков либералы выказывали огромный оптимизм по поводу тех прогрессивных изменений, которые наука привнесет в организацию социальной и политической жизни. Эти две установки, по сути своей, одно из противоречий, которыми чреват либерализм. Большинству научных подходов присущ детерминизм, а потому их использование ведет к подрыву подлинной свободы. Различные либеральные мыслители по-разному пытались разрешить это противоречие.

Джон Дьюи – один из выдающихся американских философов и политических мыслителей XX в., рассматривавший демократию как организованный разум, а каждого индивида как личность с потенциально безграничными возможностями.

Именно его философско-политическая теория послужила интеллектуальному и идеологическому обоснованию «Нового курса» президента Ф.Рузвельта, переструктурировавшего, возродившего либерально-демократическое государство в США в тяжелейший момент его существования.

Либерализм, полагал Дьюи, пришел в упадок потому, что не смог обеспечить условий для осуществления цели, которую поставил перед собой: «Высвободить способности индивида для самостоятельного, свободного самовыражения» для духовного роста. «Прежний либерализм рассматривал самостоятельную и конкурентную деятельность индивидов в качестве средства к достижению общественного благосостояния как цели. Нам надлежит сменить эту перспективу на обратную и увидеть, что обобществленная экономика есть средство обеспечить свободное развитие индивида как цель»⁴⁴. Такое общество Дьюи называет «демократией материального благосостояния», которая должна компенсировать «не вполне демократическую» политическую организацию современного общества. Однако требование «установления общественного контроля над экономическими силами» не означает у либерала Дьюи «количественного раздела богатства на равные доли и его количественное перераспределение». Требуется, чтобы «организация трудовых отношений сделалась общественной функцией», чтобы совместить «единство интереса и цели». Под интересом подразумевается индивидуальный интерес личности, под целью – общее благо, благосостояние⁴⁵.

Несмотря на наличие характерных ключевых приверженностей, либерализм предполагает множество вариантов их трактовки в собственно политической жизни.

Дискуссия вокруг понятия «свободы» разделила либеральных мыслителей на «негативных» и «позитивных» «либертарианцев»⁴⁶.

Негативные либертарианцы. Дж. Ст. Милль в XIX в. наиболее отчетливо сформулировал это течение в либерализме. Современное толкование в трудах И. Берлина, Ст. Холмса, Дж. Шкляра. Для сторонников этого либерализма, который называют «либерализмом страха» – свобода означает «свободу от...», требование, прежде всего относящееся к государственным институтам, оставить человека в покое.

Позитивные либертарианцы рассматривают свободу как «свободу для...» – государство пугает их меньше, чем то, что могут сделать со свободой личности лишённые какого-либо контроля извне гражданские и рыночные институты.

---

⁴⁴ Дж. Дьюи. Возрожденный либерализм // Полис. 1994. № 3. С. 33.

⁴⁵ См.: Дж. Дьюи. Этика демократии // Полис. 1994. № 3. С. 31.

⁴⁶ Шапиро И. Введение в типологию либерализма // Полис. 1994. № 3.

Они тоже испытывают страх перед организованной властью «других». Но для них не существует априорных причин бояться государства больше, чем других форм организованной власти. Они полагают что государство вполне может защищать индивида от различного рода более или менее организованных форм социальной и экономической власти. (Уходит корнями в гоббсовский «Левиафан», где сильное государство рассматривалось в качестве важнейшего условия поддержания минимального социального мира.) Те же взгляды в более сглаженной форме пронизывают аргументацию либеральных фабианцев XIX в. и испытывавших на себе влияние Кейнса теоретиков нашего столетия.

Несмотря на существующие между ними отличия мыслители подобного плана разделяют представления о том, что нерегулируемые социальные отношения в катастрофической степени анархичны и, как следствие, пагубны для человеческой свободы.

Поэтому согласно позитивной либертарианской либеральной точке зрения государство должно взять на себя роль регулировщика, чтобы предотвратить или предупредить подобный исход. (В отличие от социалистов роль государства в обеспечении свободы для них не прямая, а косвенная обязанность).

По мнению либеральных позитивных либертарианцев, государство должно создавать условия, при которых индивиды могут пользоваться свободой и активно защищать их, когда эти условия оказываются под угрозой. Но в либеральном дискурсе нет аналога фразе Руссо о том, что «человека надо заставлять быть свободным».

Другое измерение, по которому делятся либералы, – представления о границах «политического» и соответственно, о пределах полномочий государства.

Третье измерение, по которому делятся либералы, – ресурсный подход и концепция субъективного благосостояния.

Согласно утилитаристам, начало которым было положено И. Бентамом, в XVIII в. полезность чего-либо для индивида определялась как удовольствие или счастье. На государство возлагалась обязанность обеспечить условия достижения наибольшего счастья для наибольшего числа людей.

Степень благоденствия того или иного индивида определялась его субъективным психологическим настроением.

Сторонники так называемого «ресурсного подхода» считают, что государство не может взять на себя заботу о субъективных переживаниях индивидов. Но, скорее должно быть обеспокоено тем, чтобы определенные основные ресурсы, в которых нуждаются все люди, распределялись справедливо, оставив за каждым конкретным человеком самому выбирать, как распорядиться этими ресурсами.

Джон Роулс – один из наиболее активных пропагандистов «ресурсного» подхода в либеральной традиции, к числу основных ресурсов относил свободу, доход, благосостояние и социальные основы чувства собственного достоинства. Государство обеспечивает такое распределение либо посредством прямых действий, либо с помощью регулируемых рыночных механизмов⁴⁷.

Р. Нозик полагает, что распределение должно быть отдано на волю рынка за исключением редких случаев, когда последний оказывается несостоятельным.

Большинство проявляют приверженность к эгалитаризму того или иного рода. Наиболее распространено противостояние концепций «*равенства возможностей*» или равенства стартовых условий и «*равенства результатов*». В рамках либеральной традиции трудно найти сторонников действительного равенства результатов. Их уже называют социалистами. Однако многие отвергают концепцию «равных стартовых условий». Выдвигаются аргументы, во-первых, нравственного порядка: природные, генетические различия людей, во-вторых, социального – наследственные преимущества уже нарушают равенство стартовых условий.

Но, выступая против равенства результатов, они с 60-х годов ищут «серединный» подход, который предполагал бы некоторые «форы» перераспределения, осуществляемого государством, чтобы смягчить наихудшие проявления порождаемого рынком неравенства, но при этом признавал бы необходимость сохранения многих видов неравенства, являющегося неизбежным следствием рыночной системы.

Для создания стимулов к экономическому росту действительно необходимо неравенство, – это доказывал еще И. Бентам, – но государство должно нести ответственность за наиболее тяжкие издержки этого процесса.

Дж. Роулс настаивает на том, что неравенство следует допускать при условии, что оно работает на благо наименее преуспевающих слоев общества. Для достижения этой цели на государство должна быть возложена обязанность в случае необходимости осуществлять перераспределение посредством налогообложения.

На этой аргументации и построена политическая теория «государства всеобщего благосостояния».

Его противники строят свою аргументацию на том, что в связи с имманентно присущими ему пороками, внутренней организации и бюрократизмом государство не способно рациональным образом достичь поставленной перед ним ограниченной цели, так что лекарство окажет-

---

⁴⁷ Джон Роулз. Идеи блага и приоритет права // Современный либерализм. – М., 1998. С. 83.

ся страшнее самой болезни. Из всего этого следует, что либерализм обречен на поиски обоснований необходимости соблюдения определенной доли равенства, а также механизмов его достижения в рамках современной рыночной экономики.

Вопросы для самопроверки

1. Назовите основные политико-идеологические документы либерализма.
2. Перечислите существенные характеристики либерализма.
3. Каково соотношение либерализма и демократии?
4. Что такое «классический либерализм», «новый либерализм»?
5. В чем сущность дилемм либерализма: капитализм и демократия; равенство и свобода; экономическая эффективность – социальная справедливость; власть и порядок?

Тема 6. Консерватизм

Идеология консерватизма рассматривается как один из важнейших структурных компонентов современных политических идеологий. Однако существуют определенные трудности для выявления ее основного содержания. Сам термин произошел от латинского «*conservo*» – сохранять, охранять. Впервые был употреблен французским писателем **Р. Шатобрианом**, который в 1818 г. стал издавать журнал «**Консерватор**». С тех пор слово «консерватор» и «консерватизм», не имея четких значений, употребляли произвольно.

Отправным пунктом, первой работой, где были изложены теоретические позиции консерватизма, считается знаменитое, но пока не переведенное на русский язык эссе Эдмунда Бёрка «Размышления о революции во Франции».

Консервативной линии в политике придерживались О. Бисмарк, Б. Дизраэли, К. Метерних, У. Черчилль, Ш-де-Голль, Л. Эрхард, В. Жиска-де-Эстен, Р. Рейган, М. Тэтчер.

Однако идейное и политическое значение термина с трудом идентифицируются, особенно сегодня, когда налицо инверсия исторических значений либерализма и консерватизма.

Принципиальные положения классического либерализма – требования свободы рынка и ограничения государственного вмешательства – сегодня рассматриваются как консервативные.

В то же время идея сильной централизованной регулирующей власти государства, выдвинутая ранее консерваторами-традиционалистами, ныне важный компонент либерального сознания. Далее налицо внутренняя разнородность, гетерогенность политической идеологии консер-

ватизма, включающей различные направления, объединенные общей функцией оправдания и стабилизации устоявшихся структур.

По мнению П.Б. Струве (российский министр конца XIX в.) «консерватизм... есть чисто формальное понятие, могущее вмещать в себя какое угодно содержание»⁴⁸.

При анализе идеологии консерватизма возникают и определенные трудности, которые одни авторы относят к числу технических, другие – методологических. Они связаны с тем, что консервативная система ценностей выходит за рамки рационалистической традиции, получившей мощный импульс в эпоху просвещения и занимающей с тех пор доминирующее положение в общественной мысли. Все мы сформировались в русле этой традиции, включающей в себя либеральные и социалистические теории, которые при всех различиях имеют общий язык рационального мышления.

В мировоззренческих конструкциях консерватизма существенную роль играют иррациональные, религиозно-мистические, подсознательные элементы, выражение которых требует своего языка, иного уровня аргументации. Критиковать иррационализм не составляет труда, как заметил д-р филос. наук Ю.А. Красин, а вот конструктивный диалог на этой платформе для рационалиста затруднителен, т.к. отсутствует общий язык, обеспечивающий взаимопонимание»⁴⁹. Кроме того, сложность анализа связана с чересчур широким пониманием самого термина.

Д-р ист. наук А.А. Галкин обращает внимание на, по крайней мере, три феномена, которые объединяет это слово. Первый имеет функциональный характер и связан с тем, что в любой системе (физической, биологической общественной) реализуются две основные функции, поддерживающие ее существование: одна – накопление и передача накопленной информации; другая – восприятие новой информации и адаптация к ней. *Функция сохранения и передачи накопленной информации* может быть охарактеризована и обычно характеризуется как консервативная.

Носителями ее в структурированном обществе являются определенные социальные и демографические группы. Такой консерватизм проявляется, прежде всего, в позиции по отношению к процессам, происходящим в обществе, в больших и малых группах. Он может быть общественным, политическим, бытовым. Он органичен и будет существовать, пока будет существовать человеческое сообщество и homo sapiens.

---

⁴⁸ Струве П.Б. О мере и границах либерального консерватизма // Полис. 1994. № 3. С. 132.

⁴⁹ Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития. (Материалы «круглого стола») // Полис. 1995. № 4. С. 34.

Второй феномен, описываемый этим словом, проявляется в поведенческой сфере и определяет формы и методы поведения при решении общественных проблем.

Любая политическая сила, любое движение должны считаться с необходимостью реализации названных выше функций. В каждом движении, к какому бы идейному, политическому и социальному направлению оно ни относилось, существует некое специфическое соотношение консервативных и обновленческих сил.

В тех случаях, когда превалирует готовность к выполнению консервативных функций, движение воспринимается как консервативное, и наоборот. При этом в каждом из движений сохраняются консервативные и обновленческие фракции. Это характерно для всех идеологических и политических течений. Так, вполне правомерно говорить о консерватизме либералов, или сторонников социализма, в том числе в крайне радикальном варианте.

И в третьих, наконец, существует консерватизм как ценностная и идеологическая система, что и является предметом нашего исследования. (Хотя в данной связи и первый, и второй феномены тоже заслуживают внимания⁵⁰.) Основополагающими, структурирующими (т.е. придающими системе целостность) ценностями консерватизма как идеологии являются:

- Признание существования всеобщего морально-религиозного порядка и несовершенства человеческой природы.

- Недоверчиво отстраненное отношение к человеческой личности, рассматриваемой как несовершенный продукт творения, «сосуд греха», нуждающийся во имя собственного блага в твердой руководящей руке;

- Соответственно, сдержанно-ограничительное отношение к человеческому разуму, неприятие абсолютизации его возможностей, его гордыни, заводящей человеческое сообщество в тупик.

- Из отношения к человеческой личности вытекает и отрицание принципа равенства или убеждение в прирожденном неравенстве людей.

- Несовершенство и греховность человеческой природы делают необходимым вычленение (или целенаправленное формирование) группы людей, способной подняться над обыденностью, приблизиться если не к совершенству, то – к более высокому состоянию и, следовательно, призванной взять на себя бремя руководства обычными людьми.

- Отсюда – потребность в лидерах, наделенных особыми полномочиями (в одних случаях исходящими от потусторонней силы, в других – от способностей выразить потребности сообщества).

---

⁵⁰ Галкин А.А. Консерватизм в ценностно-идеологической «системе координат». Там же. С. 35.

▪ Несовершенство человеческой природы обуславливает необходимость строго иерархического, пирамидального построения общественных структур, потребность в системе контролирующих институтов: управленческих, религиозных, традиционалистских и т.д.

Одним из главных постулатов, смыслообразующих элементов консерватизма выступает традиция, понимаемая как сохранение и развитие всего ценного, что было накоплено тем или иным народом за всю его историю, и реконструкция политических институтов в соответствии с этими культурно-историческими ценностями, отличающими один народ от другого.

С этим постулатом тесно связаны и все прочие не менее важные, с теоретической точки зрения, идеи и понятия консерватизма:

- такие понятия, как жизнь, история, природа, опыт;
- идея объединения, ассоциации в самых различных формах (естественное объединение – семья, местные, профессиональные объединения и т.п.);
- особое внимание к проблемам морали, воспитания гражданских чувств, патриотизма и проч.;
- наконец, придание особого значения идее порядка (хотя он и толкуется крайне неоднозначно).

С этой точки зрения сам общественно-политический проект консерватизма в целом может быть назван традиционализмом, хотя обычно исследователи называют так первоначальный его вариант.

Носителями идеологии консерватизма выступают социальные группы, слои и классы, заинтересованные в сохранении традиционных общественных порядков или их восстановлении.

В структуре консерватизма выделяются соответственно два идейных пласта. Один ориентирует на поддержание устойчивости общественной структуры в ее неизменной форме. Другой – на устранение противодействующих политических сил и тенденций и восстановление, воспроизводство прежних.

В этом контексте консерватизм выступает как политическая идеология оправдания существующих порядков и как апелляция к утраченному. Попытки типологизации консерватизма неоднократно предпринимались как отечественными, так и зарубежными исследователями. Все они имеют свои основания в зависимости от того критерия, который кладется в основу той или иной классификации.

В современном консерватизме обычно выделяют три идеологических течения: **традиционализм; либертаризм; неоконсерватизм**, хотя существует множество иных классификаций⁵¹.

---

⁵¹ См. подробнее: Гарбузов Н. Консерватизм: понятие и типология // Полис. 1995. № 4.

Традиционалистское течение в консерватизме исторически было первым, положившим начало консерватизму. Его возникновение связано с новым временем, с эпохой Просвещения и Великой французской революцией XVIII в., бросившей вызов «старому порядку».

Век Просвещения, породивший либеральную идеологию, принявшую в качестве аксиомы положение о том, что мир устроен рационально, т.е. что в нем действуют законы, которые могут быть не только познаны человеком, но и использованы для освобождения человечества от природного и социального гнета.

Однако первые попытки создать посредством разума справедливое общество «на началах равенства всех перед законом и уважения прав себе подобных» (как это планировалось общественно-политическим проектом Руссо) показали, что общество не во всём «прозрачно» и податливо для разума, что в нем действуют скрытые механизмы, способные извратить принципы равенства и справедливости, что свобода подчас оборачивается жесткой тиранией большинства.

В полемике с основными постулатами либеральной идеологии вырастает и оформляется идеология консервативная. Что дает основание рассматривать консерватизм как «реактивную» идеологию, развивающуюся в ответ на идеологии либерализма и позже социализма. Действительно, программные работы идеологов консерватизма являлись обычно ответом на те или иные революционные события.

Работы англичанина Эдмунда Берка, а так же французов Ж. де Местра и Л. де Бональда, связанные с анализом и критикой Французской революции и ее результатов. Многие положения и категории, разработанные этими мыслителями, вошли в политическую идеологию консерватизма.

Но при этом ряд исследователей (философы Федорова, Гаджиев) акцентируют внимание на глубоких корнях именно традиционализма, уходящих в дореволюционную эпоху. «Помимо критического пафоса традиционализм имеет и глубокое собственное содержание, являясь не просто критикой либеральных принципов, но самостоятельным общественным проектом: он обладает концепциями общества и человека, государства, власти, правления, морали и религии... В создании своей концепции общества традиционализм пошел своим путем: он опирался на классическую традицию, от критики которой отталкивался либерализм», – пишет Федорова⁵².

В конце XVIII – середине XIX в. консерватизм оформился как идеология феодально-аристократической реакции на Французскую революцию и идеи Просвещения, защищавшая феодальные устои и дворянские привилегии. То есть произошло как бы соединение традиционалистской доктрины с политикой.

---

⁵² См.: Федорова М.М. Традиционализм как антимодернизм // Полис, 1996. № 2. С. 143.

Консерватизм в целом, как идеология, – считает Федорова, – подразумевает:

теоретический уровень освоения мира, который и дает традиционалистская доктрина;

совокупность более или менее связанных с ним социальных практик, развивающихся в рамках движений, партий, провозглашающих свою приверженность к консерватизму.

Но помимо чисто экономических и политических интересов традиционализм всегда выражал надежды значительных общественных слоев на выявление универсального смысла мирового целого, который бы связал индивида с идеальным порядком, подобным существовавшему во времена «золотого века» человечества или конкретного государства. В качестве таковой идеология традиционализма составляет важнейшую часть культурного достояния едва ли не всех народов, проявляющуюся с большей или меньшей силой в различные исторические периоды в зависимости от политической ситуации.

Одним из первых «традиционализм» как исходную основу консерватизма выдвинул К. Мангейм, показав, что сущностью его является «всеобщий психологический инстинкт» (протоидеология), универсальная человеческая склонность недоктринального характера, которая приобретает идеологически осмысленное выражение, наполняясь социальным и историческим содержанием конкретной эпохи.

Понятие консерватизма более «политично». Этимологически оно включает в себя момент обращенности в давнее или недавнее прошлое и попытки сохранить его перед лицом каких-либо общественных изменений.

Идеология же традиционализма направлена не столько на сохранение определенного общественного состояния, сколько на его реконструкцию на принципиально иных началах, нежели предлагаемые общественным проектом модернизма, воплощенном в либеральной идеологии.

Таким образом, мощный культурно-философский пласт был заложен именно в этом первом варианте консерватизма – традиционализме.

Суть расхождений между либерализмом и традиционализмом кроется во взглядах на человека и общество.

Наделенный волей и стремлением к социальности индивид из либеральных теорий является для традиционалистов пустой абстракцией.

Традиционализм, однако, не отрицает личность. Именно этот термин фигурирует в работах традиционалистов в отличие от либерального «индивид».

Человеческая природа, как утверждал Э. Берк, сложна, как сложен мир, в котором живет человек. В нем господствуют чувства, страсти, сопутствующие всем рационально осознанным интересам. Он подчиняется больше страстям, нежели сознательной воле, направляемой расчет-

ливым разумом. Поэтому ни человеческое поведение, ни межличностные и общественные связи невозможно объяснить исходя из абстрактных максим.

Аналогично и на социально-политическом уровне, где выступает «вторая природа человека» – природа гражданина, что создает сложные психологические комбинации. Простое и общее всегда эфемерно.

«Человеческая природа сложна и запутана, общественные интересы также сложны чрезвычайно, и значит нет такого политического направления, нет такой власти, которая устраивала бы каждого. Когда я слышу о простоте плана, целью которого является новое политическое устройство, я не могу отделаться от мысли, что его изобретатели не знают своего ремесла или пренебрегают долгом. Идея простого политического устройства изначально порочна, чтобы не сказать больше»⁵³.

Аксиома Бёрка «искусство есть природа человека» в отношении общества означает воспитание, образование, моральное совершенствование человека в условиях постепенного длительно функционирующего государства, без революционных разрывов социально-политической исторической ткани, а также в условиях органической связи между государством, с одной стороны, и моралью, чувством долга, конкретными обязанностями – с другой.

Поэтому общество для него не просто совокупность изолированных индивидов, а объединение, ассоциация, воспитывающая и противостоящая в какой-то степени возможному посягательству со стороны государства.

Квинтэссенцию этой идеологии выражают два тезиса Лео де Бональда.

1. «Мало сказать, что конструирование общества не во власти человека – самого человека творит общество... при помощи общественно-го образования... Человек существует только посредством общества, и общество творит человека только для себя».

2. С другой стороны, «я полагаю возможным доказать, что человек не способен создать общественного устройства подобно тому, как он не может придать тяжести телам или протяженности материи, что он не только не способен конструировать общество, но своим вмешательством может лишь помешать становлению общества или, точнее замедлить успех усилий, предпринимаемых обществом в процессе его естественного конструирования»⁵⁴. В этих двух цитатах суть так называемого принципа «органицизма» – одного из основных в традиционалистской идеологии конца XIX в.

---

⁵³ Федорова М.М. Традиционализм как антимодернизм // Полис, 1996. № 2. С. 143.

⁵⁴ Цит. по: Федорова М.М. Указ. ст. С. 146.

В его основе стремление представить общество как единство многообразных, порой противоречивых тенденций, как организм, развивающийся и функционирующий в соответствии с единым принципом или законом, чаще трансцендентным по отношению к самому обществу.

Но органицизм такого рода имеет оборотную сторону. Поглощение индивида целым открывает путь к тоталитарным тенденциям. Этот факт еще не осознавался ранними традиционалистами (хотя французская революция показала, как на практике работает идея Руссо о примате коллектива над личностью), но опыт двух столетий такую связь высветил отчетливо.

Поэтому современные сторонники подобных идей пытаются дистанцироваться от тоталитарных тенденций. «Государство традиционное и органическое, но не тоталитарное, – говорит Эвола, – такое государство должно быть дифференцированным и связным, но оно включает и зоны личностной автономии. Оно координирует и подчиняет высшему единству силы членов общества, свободу которых оно тем не менее признает. Именно благодаря своей силе такое государство не ощущает потребности прибегнуть к механической централизации: последняя необходима только тогда, когда необходимо контролировать бесформенную атомизированную массу индивидов и волеизъявлений⁵⁵».

В работах ранних традиционалистов сформулированы позиции антирационализма. Рационализму ранних либералов, называя его «разумом софистов и экономистов», Бёрк противопоставил свою апологию предрассудков – своего рода коллективный общественно-политический разум, скрытую мудрость, сохраняемую и передаваемую из поколения в поколение. Главным «действующим лицом» здесь выступает время: нужно сохранять то, что уже имеется в наличии существует, постепенно, едва ощутимо адаптируя его к тому, что должно быть.

Порядок в государстве – это прежде всего итог истории, результат определенных обычаев, выходящих далеко за рамки одного поколения.

Те же основания лежат и в критике прав человека, провозглашенных Французской революцией. Такие права человека по Э. Бёрку – абстракция, лишенная исторических корней, в отличие от конкретных прав англичан или французов.

В противоположность Французской английская революция, по Бёрку, была законной, ибо она восстановила исторически приобретенные права и свободы, длительность и преемственность английской истории.

Основной урок революции, по Ж. де Местру, состоит в том, что революция разрушает человека. Уже Кромвель показал, что дальше всех идет тот, кто не знает, куда идет.

---

⁵⁵ Там же.

Полтора века спустя события во Франции вновь продемонстрировали, что не столько человек управляет революцией, сколько революция человеком.

Потому-то, считает Ж. де Местр, все революции, начинаясь с самого мудрого, всегда заканчиваются безумием; человек, стоящий у истоков революции, всегда превращается в ее жертву; все усилия народов по возведению царства свободы неизменно оборачиваются новыми оковами.

Таким образом, критике подвергается не рациональность вообще, а лишь употребление ее как орудия переустройства общества. Суть состоит в конфликте двух концепций рациональности, пронизывающей всю историю политической мысли: модернистского конструктивизма, преобразующего общество путем его революционного разрушения и конструктивирования общественных отношений и институтов в соответствии с рациональным проектом (что было начато буржуазией и продолжено пролетариатом), и теории спонтанного развития социума.

Ее особенность прежде всего в утверждении, что разум не является единственным орудием в деле познания и преобразования общества. В области политики и морали разум должен широко опираться на опыт.

Опыт согласно де Местру связан прежде всего, с историей. Искусство реформирования правительств заключается отнюдь не в том, чтобы свергнуть и перестроить на основе идеальных теорий.

Де Местр не отрицает возможности политики «регулировать» существующий мир. Политика не является и не должна быть детищем одного только разума.

Человек своей волей не может заставить произойти то, что еще не существует, но он вполне способен подчеркнуть, сделать более видимым и выпуклым то, что уже имеется в наличии. «Человек может изменить все в области своей деятельности, но он ничего не создает – таков закон как в физической области, так и в моральной». Общественные законы существуют, но они основаны на Высшей воле; люди могут создавать лишь «уложения» и «правила, но не сущностные законы, даруемые Богом не только представителям данного народа или эпохи, но всем народам и всем поколениям». Вместе с тем, законы, данные Богом, действуют через человеческую волю⁵⁶. В связи с этим понятна и еще одна существенная черта традиционалистского политического рационализма – апелляция не к индивидуальному разуму, как в либеральной теории, но к разуму коллективному, накопленному опытом многих поколений. Нужно прекратить говорить о «Я» и сосредоточить все внимание на «Мы», – говорил Бональд.

---

⁵⁶ См.: Жозеф де Местр. О порождении политических конституций. // Полис. 1997. № 2. С. 142–143.

Но «Мы» в данном случае – это не масса индивидов, от имени которой в XX веке будут говорить национал-социалисты, фашисты, большевики.

У Бёрка и Бональда – это *вся совокупность традиций, нравов и «пред-рассудков», под которыми они понимали не изжившее себя ложное сознание, а мудрость поколений, идущая порой вразрез с требованиями научной рациональности.*

Поэтому будущее для традиционалиста обретает смысл только через связь с прошлым.

Идеология раннего консерватизма или традиционализма, формируясь и создавая, отрабатывая свою аргументацию параллельно с оформлением либерализма и социализма, никогда не переставала существовать. Хотя практическое воплощение ее положений порой уходило далеко от оригинала или принимало формы, которые наверняка не признали и не приняли бы основатели. Но как в XIX, так и в XX вв. эти идеи постоянно напоминали о возможной альтернативе.

Хотя XX век и явился воплощением либерально-модернистского проекта в общественно-политической жизни народов Европы, да и Азии, сегодня такие слова, как традиция, эволюция, а также призыв традиционалистов не разрушать ткань исторического прошлого народа, страны, снова актуальны.

Р. Керк, анализируя американский консерватизм последней четверти XX века, объяснял этот факт цикличностью истории. «В революционные эпохи люди бывают увлечены новизной, но затем они устают от нее и их тянет к старым принципам. Поэтому на новом витке консервативный порядок возвращается вновь. Так, период после второй мировой войны рассматривался им как наиболее благоприятный для консерваторов, которые, по его словам, могут быть пророками, но не могут реформаторами»⁵⁷.

В политике консерваторы-традиционалисты обычно стремятся обеспечить широкий национальный консенсус, апеллируют к традиционным представлениям и предрассудкам, авторитету и религии.

В работе Г. Рормозера и А.А. Френкина «Новый консерватизм: вызов для России» лейтмотивом проходит мысль о том, что консервативное мышление явится условием выживания человечества в XXI в. Экологический кризис заставляет пересмотреть заново соотношение обоих направлений – консерваторов и прогрессистов.

Общим для либерального и коммунистического проектов «было убеждение, что можно делать историю. Так же, как люди могут при помощи современной науки и техники овладеть природой, в состоянии

---

⁵⁷ См.: Жозеф де Местр. О порождении политических конституций // Полис, 1997. № 2. С. 142–143.

они овладеть и историей, познав ее законы и условия. В этом отношении вся современная политика является попыткой кроить историю в соответствии с поставленными целями. Между тем поражение коммунизма напоминает не только о том, что возможности делать историю весьма ограничены, но и о крахе самой мечты творить историю и управлять ею»⁵⁸. Плодотворным был и вклад традиционалистского консерватизма в развитие мировой научной мысли, в том числе в области философии политики, политологии.

Критика основных для сегодняшней философии «мифов» Просвещения всемогущества человеческого разума подвела к выводу колоссального значения для всей философии XX века: в политике есть важнейший момент не сводимый к рациональности, – область чувств.

Гюстав Ле Бон выразил ее однозначно: рациональная логика или «цепь причин, детерминирующих то или иное поведение», – лишь одна из логик человеческого поведения наряду с логиками аффективной (логикой чувств), мистической, (которая по иррациональности близка к аффективной, но в отличие от последней содержит бессознательные элементы, предполагает сознательные механизмы, в первую очередь веру), коллективной и биологической, управляющей жизнью всех живых существ и в некотором смысле являющейся «первопричиной» всех прочих логик. И влияние традиционализма с его мистифицирующим значением «предрассудков», культа предков и т.п. здесь велико.

С середины XIX до начала XX в. консерватизм интенсивно наполняется буржуазным содержанием. Его социальная база представляет своеобразный синтез феодально-аристократических и буржуазных элементов. В начале XX века он претерпел значительную эволюцию, безвозвратно потеряв многое из того, что имел на раннем этапе своей истории, и превратился в одну из разновидностей общеполитической. Но при этом проявляется в многообразии типов и вариантов, в том числе национальных.

На основе исторических и идейных традиций консерватизма в Соединенных Штатах вырисовываются три основных направления, по которым шло формирование различных типов консервативной идеологии в этой стране.

Первое направление основано на заимствовании компонентов классической европейской консервативной идеологии. На протяжении американской истории этот тип консерватизма, называемый автором «социальным», существовал в нескольких различных формах, которые отражали интересы различных группировок имущей верхушки американского общества:

---

⁵⁸ Рормозер Г., Френкин А.А. Новый консерватизм: вызов для России. – М., 1996. С. 181.

южной плантаторско-рабовладельческой аристократии XVIII – сер. XIX вв.;

буржуазии, не сумевшей приспособиться к бурным темпам индустриализации и монополизации американской экономики в конце XIX в и апеллировавшей к прошлому, как к эпохе социальной стабильности;

буржуазии, в 1930 – 40-е гг. взявшей на вооружение элементы классического консерватизма, который и составил основу его новой формы традиционализма. Требуя невмешательства государства в сферу рыночных отношений, новые традиционалисты больше всего озабочены социальной и морально-религиозной проблематикой.

Второе направление связано с инверсией классического либерализма в период перехода к государственно-монополистическому капитализму, когда либеральные идеи получили консервативное звучание, а консервативные постулаты, наоборот наполнились либеральным содержанием.

В конце XIX в. свободный рынок перестал быть критерием прогресса. В итоге классическая либеральная идеология «свободного рынка» приобрела консервативную функцию. На её основе формируется специфически американский тип идеологии «рыночного» консерватизма, названный тогда «твердым индивидуализмом». Этот тип консерватизма (зародившийся после победы северян в гражданской войне и нашедший широкое распространение в 80-е–90-е гг. XIX в.), возник из противоречий американской либеральной традиции.

Из него-то и вышел либертаризм – реакция на реформы «нового курса» со стороны тех слоев буржуазии, которые не смогли приспособиться к перерастанию капитализма свободной конкуренции в государственно-монополистический капитализм. Он отражает интересы широких кругов американского бизнеса, не связанных с государственным сектором и резко противящихся государственному вмешательству. Этот тип он называет «экономическим консерватизмом».

Третье направление являет собой реакцию на начавшийся в 1970-е гг. кризис господствовавших форм американского либерализма, его идеологии и социально-экономической политики. Одним из проявлений этой реакции стало формирование нового консервативного течения – неоконсерватизма.

Либертаристское течение в консерватизме, по мнению его представителей, наследует классическую либеральную традицию XVIII– XIX вв. как единственно подлинную.

Либертаризм с одной стороны поддерживает раннелиберальное понимание свободы, с другой – стремится исключить распространение социалистических идей.

Ведущие представители либертаризма: Ф. Хайек, М. Фридман, Дж. Гилдер, И. Кристол, Л. Бауэр доказывают, что эрозия свободного

предпринимательства, индивидуальной и семейной ответственности ведет к стагнации бедности, что необходимо возрождение классической традиции либертаристского индивидуализма и свободной рыночной экономики. По их мнению, на смену «умирающему социализму» пришел возрожденный классический либерализм.

Хотя считается, что официальное оформление идеологии либертаризма связано с реакцией части крупной буржуазии на «новый курс» Рузвельта, сторонники либертаристского консерватизма рассматриваются нередко как часть нового интеллектуального движения – «Нового Просвещения», являющегося продолжателем Шотландского Просвещения. Его представители – Д. Юм, А. Фергюсон, А. Смит, Дж. Миллар, У. Робертсон. Отличалось оно тем, что исходило из существования «коммерческого общества», в котором в результате свободного общественного договора устанавливался порядок «хозяин – работник» как модель социальных связей. Это движение в отличие от французского просвещения не было революционным.

Континентальная Европа пережила в корне отличное просвещение, сторонники которого в основе всех социальных изменений видели человеческий разум. Этот подход вел к революции, социализму и марксизму.

Шотландское Просвещение впитало в себя особенную англосаксонскую черту индивидуализма и оформило ее в теоретическую систему. Исходя из социопсихологических воззрений А. Фергюссона, А. Смита и Д. Юма, либертаризм, как и консерватизм в целом, рассматривал человека прежде всего как «несовершенное существо», стиснутое рамками естественных «границ» (роднит с консерватизмом).

Либертариисты выступали: защитниками традиционных либеральных принципов свободного предпринимательства, требуя при этом порядка и законности, выдвинули аргументы против идеи государства всеобщего благоденствия и связали их с идеей «универсального морального закона».

Корень многих нынешних зол, по мнению либертариистов, в нарушении естественных, богом данных принципов свободного предпринимательства и свободного рынка, в первую очередь со стороны государства.

Отвергая тезис либерал-реформизма о необходимости планирования или регулирования экономики, либертариисты утверждали, что:

- государственное насилие над экономикой,
- увеличение роли государственного сектора,
- программирование отдельных отраслей промышленности и т.д. подрывают самый «разумный» и самый естественный способ регуляции человеческой жизни.

Либертариистское понимание вопроса о человеческих правах наиболее полно выражено в философско-политическом учении Дж. Локка.

Выдвинутые им права индивидуальной безопасности, защиты собственности и др. – являются для либертариистов незыблемыми. К «естественным» они относили права «негативные» (права на свободу от...).

По их мнению, в XX в. марксизм и социал-демократия извратили подлинную концепцию прав человека. Они утвердили в сознании т.н. «позитивные права»: право на труд, отдых, крышу над головой, право на справедливую заработную плату и т.п.

Социальное равенство в марксистском понимании, считали либертариисты, утратило гуманистический смысл, так как провозглашает равенство условий, а это и есть посягательство на право частной собственности, а не равенство возможностей.

Либертариисты выступали за минимальную социальную политику государств в целях разрядки опасной социальной напряженности и призывали правительство опираться исключительно на рынок в реализации и осуществлении своих программ.

При этом значительную часть ответственности за программы помощи бедным считается целесообразным переложить на местные органы власти и промежуточные общественные институты: семью, церковь, школу, добровольные благотворительность и пожертвования со стороны богатых и т.п.

Таким образом, либертариисты убеждены в том, что

- основой общественной свободы служит частная собственность,
- необходимы социальная иерархия
- и признание в качестве единственно возможного только «нравственного равенства»,
- уважение и вера в традиции народа являются существенной чертой эффективной политики.

Правые интеллектуалы либертариистского образца обладали колоссальным успехом в 1980-е гг. в Британии, Европе, Японии, США.

Вместе с тем следует иметь в виду коренное различие социального содержания политических идей классического либерализма и современного либертариизма.

Для классического либерализма принцип *laissez faire* подразумевает борьбу за права и свободы, которых было лишено третье сословие.

Для либертариизма это требование означает требование защиты и охраны достигнутых привилегий, частных интересов и собственности от идущих снизу требований демократических реформ.

Либертариизм – это комплекс не только экономических, но и не в меньшей степени социально-философских, идейно-политических, морально-этических идей, концепций, установок, ориентаций.

По вопросам, касающимся государственно-политической системы, соотношения экономических, социальных, политических аспектов, взаимоотношений отдельного индивида, государства и общества, либертаристы – правые радикалы – занимают позиции не только правее либералов, но и консерваторов, поскольку ратуют за изменение основ современного капитализма и восстановление принципов индивидуализма, свободных рыночных отношений, свободной конкуренции в их чистом виде.

Однако к концу XX столетия либертаризм выступает уже не столько как самостоятельное идеологическое течение, сколько берется на вооружение представителями различных направлений нового консерватизма и упоминается уже как «либертариистские тенденции» или же как консерватизм либертариистского толка.

Правые интеллектуалы либертариистского образца обладали колоссальным успехом в 1980-е гг. в Британии, Европе, Японии, США.

Одним из главных творцов экономических основ этого направления консерватизма, получившего название монетаризма, был профессор Чикагского университета Милтон Фридман («чикагская школа», «капитализм чикагского образца», «чикагские мальчики» – это наследники либертаризма).

В 1970–80-е годы западный мир констатировал наступление консервативных политических сил.

Приход к власти в 1980 г. Рональда Рейгана и его избрание на второй срок в 1984, победа консервативной партии во главе с М.Тэтчер в Англии три раза подряд, результаты парламентских и местных выборов в ФРГ, Италии, Франции показали, что идеи и принципы, выдвигавшиеся этими силами, оказались созвучными настроениям довольно широкой слоёв населения.

Усиление позиций консервативных сил выразилось в активизации в большинстве развитых стран усилий по их консолидации и координации на международном уровне, по выработке общих для них социально-философских и идейно-политических принципов и установок.

В 1983 г. был создан Международный демократический союз, объединяющий: консервативные партии Западной Европы, Республиканскую партию США, австралийских консерваторов. М. Тэтчер приветствовала его как новый «консервативный интернационал», как «великое средоточие мысли и духа».

Все варианты современного консерватизма и на национальном, и на международном уровне были объединены определенным комплексом концепций, идей, принципов, идеалов.

Политическое и идеологическое наступление нового консерватизма шло в целом по трем направлениям: неоконсерватизм, новые правые и уже ранее названный традиционалистский консерватизм.

Иногда их объединяют под общим широким названием – «неоконсерваторы», что не является верным, поскольку, во-первых, этого не делают они сами, во-вторых, различия между ними на концептуальном уровне часто значительные.

Неоконсервативное течение, как и течение «новых правых», в современном консерватизме имело своей объективной основой структурный кризис, охвативший мировую экономику в 70-е гг. Он обнаружил недостаточность прежних форм рыночной системы и потребовал более радикальных средств.

Была поставлена под сомнение вера в то, что «научная цивилизация» сама стабилизирует общество в силу рациональности своего механизма, что она не нуждается в моральном подкреплении, легитимации и обладает каким-то внутренним регулятором.

Предполагалось, что не только экономика, но и социальные отношения, духовное состояние общества имеют некий автоматический стабилизатор, заключенный в самой системе.

Кризис подорвал эти иллюзии. Неоконсерватизм, по мнению одного из его ведущих представителей в Германии Г.Рормозера, вновь и вновь воссоздается кризисом современного общества. Его порождают ослабление моральных устоев человеческого сообщества и кризис выживания, в условиях которых он предстает как один из механизмов сохранения системы.

Неоконсерватизм исходит из идеи свободы рыночных отношений, но категорически против перенесения подобных принципов в политическую сферу и потому предстает и как наследник, и как критик либерализма.

В его политической доктрине выделяется ряд центральных положений:

- 1) приоритетность подчинения индивида государству;
- 2) обеспечение политической и духовной общности нации;
- 3) готовность использовать в своих отношениях с противником в крайнем случае и весьма радикальные средства.

Полемизируя с либералами, неоконсерваторы обвиняют их в том, что те выдвигают политические лозунги чисто декларативного характера, не осуществимые в реальной жизни. Они считают, что в условиях нарастания манипулятивных возможностей средств массовой информации воля большинства не может быть последним аргументом в политике, ее нельзя абсолютизировать.

«Партиципационной демократии», которая была в определенных исторических условиях кризиса легитимности выражением новой политической культуры протеста со стороны левых, неоконсерваторы противопоставили идеи элитарной демократии.

Основное содержание кризиса они увидели: в неуправляемости государства, идущего от непослушания граждан, развращенных либерализмом и в кризисе управления, проистекающем от бездействия властей, поскольку неприятие адекватных решений приводит к перерастанию социальных конфликтов в политические.

В условиях, когда, по мнению неоконсерваторов, требуется более активная и ясная политика, эффективной и приемлемой может стать модель элитарной, или ограниченной, демократии.

Термин «новые правые» появился впервые в 1962 г., но широкое распространение он получил лишь после того, как известный консервативный политолог и публицист К. Филлипс закрепил это название за «социальными консерваторами», критиковавшими пороки американского общества (рост преступности, наркоманию, пьянство, неграмотность, распад семей) с правых, традиционалистских позиций.

Внутри этого течения В.А. Красильщиков выделил три группировки: «Политические новые правые» представлены Комитетом за сохранение свободного конгресса, Консервативным кокусом, Фондом наследия.

Вторая группировка «новых правых» – это так называемые «религиозные правые», христианские фундаменталисты, объединенные в «Федерацию за свободу (бывшее «Моральное общество»), «религиозный круглый стол», «голос Христа» и др. Их лидеры – так называемые «электронные проповедники» Дж. Фолуэлл, Д. Робинсон, П. Робертсон – собирали у телеэкранов многомиллионную публику.

Наконец, третья – «новые экономисты», среди которых Дж. Джилдер, Р. Лукас, А. Лаффер, выступают за «экономику предложения», ограничение государственного регулирования, снижение налогов⁵⁹.

В политическом плане «новые правые» в основном были связаны с правым крылом республиканцев, хотя поддерживали и близких им по взглядам деятелей демократической партии. Однако они подчеркивали, что главное для них не партийная принадлежность, а идейная ориентация.

«Новые правые» идейно связаны с традиционными консерваторами, однако у них имеются и точки соприкосновения с неоконсерваторами (Э. Кристолом, С.Липсетом – членами теневого кабинета Р. Рейгана) из бывших либералов, связанных с влиятельными банковскими кругами. Сами же неоконсерваторы, по замечанию французского публициста Г. Сормана, заимствовали многие идеи у «новых правых», придавая им respectable вид. Субъективно и в целях пропаганды они относят себя к среднему и рабочему классам. А. Джилдер – один из теоретиков

---

⁵⁹ См.: Красильщиков В.А.. «Новые правые» США: консерватизм эпохи НТР // Рабочий класс и современный мир, 1999, № 1. С. 63–64.

«экономики предложения», например, заявлял, что «новые правые стали лучшими друзьями бедных, а свое течение они иногда даже изображали как «народный бунт». В части интересов бедных – это демагогия.

«Новые правые» выражали взгляды части интеллигенции, нового рабочего класса, связанного с обслуживанием компьютеров, новых видов промышленности, и некоторых групп буржуазии, особенно тех, которые также связаны с новейшими высокотехнологическими отраслями производства. Их поддерживали ученые и инженеры, преподаватели высшей школы, лица свободных профессий, менеджеры, мелкие и средние бизнесмены – недовольные засильем бюрократии, сдерживанием крупными корпорациями научно-технического прогресса, углублением социальных и морально-нравственных проблем.

Центральное место у «новых правых» занимали социальные и морально-этические моменты. И это делало их привлекательными для широкого круга людей. Рост преступности, наркомания, падение рождаемости, увеличение числа аборт, распад семей, низкое качество образования, забвение культурных традиций, загрязнение окружающей среды – проблемы, на которых они акцентировали внимание и не только теоретически.

Заслугой их стало то, что они первыми увидели связь между здоровыми семейными отношениями, заботой о детях, моральным воспитанием, формированием сложной рабочей силы и научно-техническим прогрессом.

Главную причину всех этих социальных недугов они увидели в деятельности государства «всеобщего благосостояния». Перекладывая на плечи налогоплательщиков заботу о многодетных семьях, одиноких матерях и прочих малоимущих категорий, государство насаждает бедность, плодит нахлебников. «Большое государство», имеется в виду государство, вмешивающееся во множество сфер – экономическую, личную и т.д., – подавляет инициативу, убивает веру в собственные силы. Государственное вмешательство, которое заключается в перераспределении доходов богатых в пользу бедных, насаждает уравниловку, ликвидирует стимулы для капиталовложений и экономического роста.

С другой стороны, выплата пособий по безработице превращает людей в рабов благотворительности, подрывает всякую заинтересованность в труде и знаниях.

Вместо выплат пособий по безработице и бедности они предложили направить эти деньги на переподготовку рабочих и обучение новым профессиям тех, кто стал жертвой «технологической безработицы». Действительно, исследования показали, что на фоне массовой безработицы наблюдалась острая нехватка квалифицированных рабочих, инженеров, техников, программистов, дизайнеров и т.д.

В Калифорнии в 1985 г. был принят план «Большие возможности для Независимости». Цель – позволить нуждающимся приобрести необходимую профессию и квалификацию, чтобы избавить их от унижительной помощи.

«Новые правые» выступили также за преимущественное развитие малых и средних форм бизнеса.

Большие корпорации, согласно их аргументации, порождают бюрократизацию, отчуждение рядовых работников и самих бюрократов от своей фирмы. Они подрывают трудовую этику, разрушают нормальные человеческие связи между людьми на производстве. Это порождает безразличие, безынициативность и неполную интеллектуальную и прочую производственную отдачу, что, как подсчитали, приносит большие материальные потери.

Освоение и развитие новых электронных технологий, требующих постоянного обновления, высокой квалификации и иного рабочего (в отличие от конвейерного) готового к постоянному принятию решений и инициативе, активнее и эффективнее проходит в условиях «малых форм» с относительно простой структурой управления. Это позволяет создать «дух сотрудничества» между предпринимателями и рабочими. По их мнению, в этих фирмах преодолевается разобщенность интересов людей, восстанавливается протестантская трудовая этика, придающая труду особую нравственную ценность, и создаются реальные стимулы для научно-технического прогресса.

Действительно, бурный рост мелких и средних фирм, поднявшихся на волне «микроэлектронной революции», способствовал распространению либертариистских экономических идей, которые подхватили новые правые.

На каком-то этапе эта идеология казалась для значительной части общества, как писал тот же Сорман, единственной западной моделью, способной примирить мораль и микропроцессор или, иными словами, решить традиционную дилемму «иметь или быть», т.е. выбрать между стремлением обладать богатствами и быть личностью в морально-этическом и нравственном отношении.

«Новые правые», как и неоконсерваторы, в целом пытались осуществить это в сочетании экономического либерализма и протестантского традиционализма.

Различия тут были в акцентах и культурно-этическом оформлении. Например, Западноевропейские «новые правые», объединяя нравственный и технический прогресс, призывали возродить языческую, индоевропейскую традицию, для которой, как они считали, как раз было характерно равновесие между «иметь» и «быть».

Для США обращение к античности означало бы отрицание исторических и идейных корней «американской мечты» и особой миссии Америки, восходящей к XVII – XVIII вв.

Традиционалистское крыло большой упор делало на религию и государство. Традиционный консерватизм в большей степени распространен в странах Западной Европы. Европейцам чужд американский «коммерческо-капиталистический консерватизм». Это идеология патерналистского крыла английского торизма, французского «голлизма», правых консерваторов и части представителей социал-консерватизма ФРГ. Они расходятся с «новыми правыми» и радикальными неоконсерваторами в трактовке роли государства, его взаимоотношений с обществом, отдельными индивидами, свободы и свободных рыночных отношений.

Либерализм не устраивает французских голлистов своим «эгоизмом и индивидуализмом» и «стремлением навязать обществу власть технократии» – элитарного и кастово-замкнутого института профессионального менеджмента, представляющего собой антипод любого демократического режима.

Главная ошибка либералов, по мнению голлистов, состоит в том, что они считают, что средний француз враждебно относится к «дирижизму» – государственному регулированию.

Центральное место в голлистской доктрине занимает тезис о приоритете французской нации и о величии Франции. Это, по мнению голлистов, может быть обеспечено только сильным государством. На тех же позициях стоят английские консерваторы-традиционалисты.

Восстановление престижа власти и правительства – единственный путь восстановления доверия в обществе. Власть как предпосылка всех свобод – основной постулат традиционных консерваторов, на основе которого они придают первостепенное значение закону и порядку, авторитету и дисциплине.

Именно постановка вопроса о власти в современном мире усиливает позиции консерватизма по сравнению с либерализмом, у которого в этом вопросе имеются внутренние границы.

У либерализма сложные отношения с властью. По его теории «цель истории» будет достигнута, когда удастся вообще устранить власть, а все проблемы власти преобразовать в проблемы чистого права. То есть у либералов столь же утопическое представление о прогрессе, что и у марксистов. Согласно либеральной концепции цель состоит в том, чтобы мир существовал без власти: все народы, все люди, все культуры в мире взаимодействовали бы на основе экономического процветания, а остальные проблемы могли бы быть решены совместно в процессе приглашений; сама же власть постепенно устраняется.

Однако уже сегодня либерализм с его классической программой преобразования власти вправо достиг такой точки, когда уже «нет власти, способной поддерживать право и правопорядок и обеспечивать законность». Взять хотя бы проблему разрастающейся наркомании, организованной преступности и насилия. Всему этому не может противо-

стоять ни одно государство, поскольку не располагает монопольной властью.

Так называемые «левые либертарного толка» в Германии, продолжая выступать против государства, призывают к установлению права.

Но во многих странах, в том числе и в России, главная проблема сегодня не в устранении власти, а, напротив, в создании легитимной политической власти.

Совершенно очевидно, что либеральные отношения могут сложиться в обществе только тогда, когда существующая власть такие отношения создаст и гарантирует их сохранение. Без таких гарантий со стороны власти либерализм невозможен.

Вторая проблема либерализма – проблема консенсуса или, по принятой ныне идеологизированной формулировке, проблема так называемой относительной гомогенности, которая возникла в противовес либерализму. В Германии она стала антитезой либерализму. С исторической точки зрения это можно понять. Идея нации связала себя в конце концов в сознании немцев с фашизмом. «Мы, немцы, – пишет Гюнтер Рормозер, – наблюдаем сейчас у нас в стране странную ситуацию: даже представители бундесвера считают, что гомогенность таит в себе опасность фашизации, и либерализм противостоит гомогенности, которая в отличие от гетерогенности – реакционна, несет в себе атавизм и имеет в худшей перспективе возможность превратиться в фашизм». Поэтому же либералы сплываются с неомарксизмом, выступая против понятия «народ», считая, что оно должно исчезнуть из словаря немцев.

Но в то же время они сетуют, что в этом прославляемом ими гетерогенном обществе распадаются все связи и не к кому обращаться с социально-демократическим призывом к солидарности.

Особенность немцев в том, что они не хотят, чтобы в мире их считали консерваторами; немцы подчеркнуто притязают на максимальный либерализм и на европейскую идентичность. При этом многие охотно принимают стиль жизни индивидуализма, чтобы освободиться от тягот ответственности, которую налагает консерватизм.

Тотальная утрата гомогенности приводит не только к утрате политической власти государства, но и к потере политической дееспособности. В политике это ведет к тому, что все политические категории заменяются экономическими понятиями. «У нас, – говорит Г. Рормозер, – больше нет политики, которую мог бы занимать какой-либо иной предмет помимо движения финансов и проблемы распределения. В гетерогенном обществе каждый хочет увеличить свою долю общественного богатства, но не готов что-то отдавать обществу. К такому положению привели государство как раз те, кто на него жалуется».

Парадоксальным образом в России поверх всех либеральных иллюзий возникла проблема создания новой гомогенности.

В послевоенные годы в Германии господство либерализма в течение 20–25 лет имело революционные последствия, результаты которых начали осознаваться не сразу. Опасность следования последовательному либерализму состоит в том, что общество распадается на индивидуальные составные части (атомизируется), так что в результате остается только абсолютно зрелый индивидуализм и недееспособное государство.

Проблема гомогенности не является по отношению к либерализму внешней: либерализм сам парадоксальным образом продуцирует потребность в большей гомогенности, что и приводит к возвращению национализма после круга социализма.

Появление новых правых в ФРГ объясняется тем, что для устойчивости обществу необходимы как относительная гомогенность, так и свобода.

Общество не может обойтись без сил, выполняющих определенную корректирующую. Как отмечал И. Риттер, либеральное общество живет в условиях, которые не оно само создало и сохранение которых оно не может гарантировать.

Отсюда следует вывод, что устойчивым и жизнеспособным сделает общество только такая общественная и культурная система, при которой либеральное и консервативное начала находятся в сбалансированных отношениях.

Либеральная модель дает огромный эффект на индивидуальном уровне в смысле свободы, инициативы и прочее.

Но этот механизм не «срабатывает» на уровне общества в целом.

Если каждый отдельный человек суверенен и свободен выбирать, быть ли ему либералом, или консерватором, или каким-то другим, или вообще никаким, то общество не может позволить себе таких капризов.

Каждое общество нуждается и в либерализме, и в консерватизме, поскольку первый обеспечивает приоритет индивидуальных, а второй – приоритет общих интересов (государственных, национальных и т.д.). Первый – «свободу», второй – «порядок». Поэтому консервативное мышление и образ жизни, хотя и остаются делом вкуса для каждого отдельного человека, но представляют объективную необходимость для страны в целом. И если все или слишком много людей отвергают консерватизм, общество терпит ущерб, поскольку игнорируются объективные проблемы. В обществе и в политике есть такие проблемы, которые иначе, чем консервативным путем, решить невозможно.

Вопросы для самопроверки

1. Назовите основополагающие структурирующие ценности консерватизма.
2. Объясните понятие «традиционализм».
3. Каковы позиции консерваторов в трактовке проблем свободы, демократии, государства?

4. Что такое «либертаризм»?
5. В чем новизна неоконсерватизма и новых правых?
6. Как вы относитесь к концепции «общественной и культурной ситемы со сбалансированными отношениями либерализма и консерватизма»?

Тема 7. Социализм

Термин «социализм» (от лат. *socialis* – общественный) ввел в оборот француз Пьер Леру в 1834 г., противопоставив его понятию «индивидуализм».

С тех пор этим понятием называют социально-политические концепции, ищущие пути усиления тенденции к социальной гармонии.

Все социалистические концепции исходят из того, что:

- на смену индивидуализму идет свободная ассоциация,
- добровольная совместная деятельность людей, интересы которых не вступают в разрушительный конфликт.

Именно коллективистское общество, основанное на принципах равенства людей и социальной справедливости, призвано преодолеть эгоизм и взаимоотноуждение людей.

Социалистическая идея возникала в теории и даже практике общественной жизни неоднократно, всегда была связана с коллективистскими началами, идеей равенства, но понятие справедливости соответствовало представлениям конкретной эпохи. И, как заметил русский философ И. Ильин, ее революционно-демократический характер всегда тяготел к тоталитарной организации. «Таким был уже древнекитайский коммунизм, более чем за 1000 лет до Рождества Христова, еще ярче выражена эта тенденция в коммунистическом заговоре Абдаллы Ибн-Маймуна (IX в. до Р.Хр.), который привел к установлению общности имущества и жен в отдаленных местностях Хузистана и Аравии». Тоталитарный характер имело всепоглощающее государство Платона, ориентированное на всеобщее благо и справедливость, а также «попытка католического монаха Савонаролы ввести во Флоренции в конце XV церковно-государственно-принудительную добродетель; правление реформатора Кальвина в Женеве в середине XVI в., пытавшегося подвергнуть государственному регулированию права, верования, развлечения, поступки и даже выражения лиц»⁶⁰. В истории европейской политической мысли – утопические идеи Томаса Мора, Томазо Компанеллы, социалистические проекты Сен-Симона, Фурье, Оуэна. В русском дореволюционном сознании была сильна идея «общинного» или «крестьянского» социализма.

---

⁶⁰ Ильин И.А. О грядущей России: Избранные статьи. – М., 1991. С. 48

Как известно, уже К. Маркс и Ф. Энгельс подвергли критике «феодальный», «утопический», «пруссский», «казарменный» разновидности социализма.

Зловещую роль сыграла в XX в. идея соединения социализма и национализма (национал-социализм), послужившая идеологическим обоснованием фашизма. В основе различных разновидностей концепций социализма (и в прошлом и в настоящем) – различное понимание того, какова должна быть материальная, экономическая основа будущей общности.

Наиболее фундаментальной концепцией, завершившей в XIX в. формирование концепции социализма-коммунизма, стал марксизм. После его создания авторы почти всех социалистических доктрин так или иначе опираются на это учение. Основу для разногласий составляют не только попытки реформирования марксизма в ходе изменения социально-политической ситуации в мире, но и противоречия в самой теории.

Прежде всего в последнее время все больше обращают внимание на наличие двух сторон в учении Маркса о новом обществе: теоретической и политической. И если вторая практически изжила себя к концу XX века, то первая и по сей день – предмет дискуссий различного уровня.

Теоретическая часть учения анализирует суть социализма (коммунизма), обосновывает закономерности его порождения всем ходом естественно-исторического процесса.

Политическая его сторона – это артикуляция, выражение интересов рабочего класса и обоснование политических средств их реализации так, как это виделось Марксу в середине прошлого века.

Составляющими политической стороны являлось учение о всемирно-исторической роли рабочего класса, о его классовой борьбе, которая должна завершиться его революцией, установлением его собственного господства, как средства перехода к бесклассовому обществу.

Сегодня очевидно, что политическая сторона учения Маркса во многом устарела. Ряд ее положений требует современной интерпретации или пересмотра. Необходимо учитывать, что и сам Маркс попадал под сильное влияние революционных событий и «радикализировал свою идею», и революция в лице пролетариев и их вождей подкрепляла свои цели, программно-революционные установки положениями марксовской концепции перехода к новой общественно-экономической формации.

Так, идея слома старой государственной машины была понята как необходимость разрушения всех институтов прежней власти. Целый ряд положений Маркса говорят о том, что путь усиления демократических форм управления обществом он видел в том, чтобы отсечь чисто угнетательские органы старой правительственной власти, а её правомерные функции передать ответственным представителям общества⁶¹. В таком

---

⁶¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 17. С. 344.

понимании данная идея и теперь представляется весьма актуальной. Но бессмысленными сегодня предстают такие идеи, как:

- насильственного ниспровержения всего существующего общественного строя;
- установления революционной диктатуры пролетариата;
- особого революционного периода превращения капиталистического общества в коммунистическое.

В своей ориентации на революционное преобразование общества Маркс был вполне традиционен. Так, используя революционное насилие, буржуазия боролась с феодальной аристократией и абсолютной монархией.

Как подчеркнул Э. Фромм, идея политической революции не является специфически марксистской, или социалистической. Это традиционная идея буржуазного общества трех последних столетий, которое осуществляло свои цели только путем революционного захвата власти. Маркс не смог выйти за рамки политической традиции, восприняв идею политической революции и включив ее в свое учение.

Хотя нужно признать, что положительным результатом политической борьбы, грозящей революционными взрывами, стали серьезные завоевания демократии и существенные модификации самого капиталистического общества. Эти изменения вызвали к жизни новые представления о власти, ее механизмах, роли насилия, государстве, классах и т.д.

Ныне по-новому видится и сам ход исторического развития: вместо резкого революционного разрыва с капитализмом постепенное самоотрицание в результате неуклонного усиления заложенных в общественном производстве интеграционных тенденций.

По-иному сегодня видится и главный смысл марксовской теории социализма, в которой теперь акцентируется внимание на раскрытии экономической закономерности перехода к общественной собственности и выяснении ее сущности.

Центральным положением всех разновидностей теорий социализма сегодня является положение об общественной собственности как условия социального равенства и свободного развития каждого индивида.

Можно как угодно изменять, истолковывать и перетолковывать идею социализма, приспособляя ее к новым условиям и обстоятельствам, что, кстати, все время делалось и в западной социалистической мысли, и сегодня – в речах и программных установках российских коммунистов и социалистов. Но **там, где есть отказ от принципа общественной собственности, исчезает смысл самой идеи**, то, ради чего она возникла в общественном сознании. А коммунисты признающие правомерность существования частной собственности, уже не коммунисты.

Что же такое общественная собственность по Марксу?

Когда какое-то теоретическое положение упрощается на основе обыденного сознания, то первоначальный смысл может быть искажен

до своей противоположности. Именно на уровне такого сознания «общественная собственность» превратилась в формально общую собственность всех или многих на средства производства.

При таком подходе получается, что достаточно в любой исторический момент объединить имеющиеся средства производства в руках одной партии, а в пределе – всех, объявить их собственностью больших коллективов людей или общества в целом, чтобы в итоге считать такую собственность общественной.

Кстати сказать, что еще задолго до экспериментов в ряде стран с административным «уничтожением» частной собственности на средства производства, их всеобщим огосударствлением, К. Маркс показал, что ожидает общество, которое рассматривает «коммунизм» как формальное обобществление собственности.

Во-первых, эта коллективная собственность будет лишь «последовательным выражением частной собственности».

Во-вторых, такой «коммунизм» будет: уничтожать все то, чем на началах частной собственности не могут обладать все; повсюду отрицать личность человека; порождать жажду нивелирования исходя из представления о некоем минимуме.

Для подобного «коммунизма» (который он назвал «грубым» или «казарменным»), «общность» есть лишь общность труда и равенство заработной платы, выплачиваемой общиной как всеобщим капиталистом.

В разделе «Коммунизм» Экономическо-философских рукописей 1844 года К. Маркс писал: «Что такое упразднение частной собственности отнюдь не является подлинным «освоением» ее, видно как раз из абстрактного отрицания всего мира культуры и цивилизации и возврата к неестественной... простоте бедного, грубого и не имеющего потребностей человека, который не только не возвысился над уровнем частной собственности, но даже и не дорос ещё до нее»⁶². К вопросу о «казарменном коммунизме» Маркс вернулся еще раз спустя четверть века в связи с «нечаевщиной» в России.

Разбирая работу революционера-заговорщика С.Г. Нечаева, (объявившего себя последователем «Манифеста Коммунистической партии») «Главные основы будущего общественного строя», где он сформулировал один из основных своих принципов: «Производить для общества как можно более и потреблять как можно меньше», К. Маркс восклицает: «Какой прекрасный образчик казарменного коммунизма! Все тут есть: общие столовые и общие спальни, оценщики и конторы, регламентирующие воспитание, производство, потребление, словом, всю общественную деятельность, и во главе всего, в качестве высшего руководителя, безымянный и никому неизвестный «наш комитет»⁶³.

---

⁶² К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 42. С. 115.

⁶³ К.Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 18. С. 413–415.

Процесс «положительного упразднения» частной собственности Маркс видел не в том, чтобы «изъять» собственность у отдельных лиц и «передать» ее во владение коллективу или всему обществу, не в том, чтобы «разделить» предметы материальной и духовной культуры между людьми по тому или иному принципу, а действительно освоить каждым индивидом все накопленные в рамках частной собственности богатства, опредмеченные в объектах материальной и духовной культуры и в условиях частной собственности «отчуждены» от человека, превращены в господствующую над ним и враждебную ему силу.

То есть превратить частную собственность в собственность всего общества – это значит превратить все общественное богатство в индивидуальную собственность, в реальную собственность каждого члена этого сообщества. При этом каждый должен стать собственником всего общественного богатства в его полном объеме и без всякого изъятия.

Это не та обезличенная, деперсонализированная собственность, которая принадлежит всем, а значит никому, а где каждому принадлежит все, и только поэтому оно принадлежит всем. Общественная собственность, понимаемая в таком смысле, исключает саму необходимость дележа богатства между людьми.

Так случилось, что после Маркса социалистическая мысль концентрировала свое внимание на проблеме изменения субъекта собственности, т.е. поиске путей замены частного общим или коллективным. Маркс же неоднократно подчеркивал, что такое преобразование – объективный, естественноисторический процесс, который осуществляется в результате изменения характера самой частной собственности. По мере развития средств труда и форм труда, на основе науки, превращенной в главную производительную силу общества, сводящей непосредственный физический труд к минимуму, происходит изменение самого характера частной собственности.

В ходе своей эволюции частная собственность проходит через ряд промежуточных форм, каждая из которых, отрицая некоторые черты предыдущей, все в большей мере приобретает свойства общественной собственности.

Так, в индустриально развитых странах частнокапиталистическая собственность уступила место акционерной, ассоциированной частной собственности.

Еще в «Капитале» он говорит о возможности превращения акционерных обществ из частных в общественные: с увеличением числа акционеров, предприятия превращаются в общественные. Происходит таким образом. «упразднение капитала как частной собственности в рамках самого капиталистического способа производства»⁶⁴.

---

⁶⁴ К. Маркс. Капитал. Ч.1. С. 479.

Подобно тому, как становление частной собственности происходило в процессе развития разделения труда, так и ее превращение в свою противоположность – общественную собственность – будет происходить по мере преодоления прежнего разделения труда и замены физических функций работников интеллектуальной деятельностью.

«Разделение труда, – считал Маркс, – и частная собственность это – тождественные выражения: в одном случае говорится по отношению к деятельности то же самое, что в другом – по отношению к продукту деятельности»⁶⁵. Те или иные формы частной собственности, следовательно, будут сохраняться до тех пор, пока простой процесс труда не будет превращен во всеобщий научный процесс.

Всеобщность научного труда, соединение человека со знанием, как прежде с материальным орудием производства, существенно изменяет природу собственности: будучи основным средством производства научное знание образует собой и преимущественный объект общественного присвоения.

В отличие от вещественного и денежного богатства наука представляет такое общественное достояние, которое в принципе не может выступать предметом дележа и частного присвоения. И только в этом состоят предпосылки для перехода к общественной собственности. И только тогда заканчивается капиталистическая эра, и на место прежнего общества приходит ассоциация, в которой свободное развитие каждого становится условием свободного развития всех. Из данной концепции вытекает целый ряд научно-теоретических и практико-политических следствий.

В частности, вопросы о товарном производстве, рыночных отношениях, становлении бесклассовой структуры, «отмирании» государства связаны с высочайшим уровнем развития производительных сил, когда между человеком и природой формируется самовоспроизводящийся производственный процесс, в результате чего человек уже не будет непосредственным участником материального производства, а встанет рядом с ним.

То же относится и к неразрешимой в условиях частной собственности проблеме «свободы» и «равенства» – противоречие, из которого либералы ищут решение на путях теорий «социальной справедливости», в которых они пытаются соединить право и мораль, а социалисты – в уравнительном распределении.

В данном случае либерализм, признав за государством регулирующую функцию, тем самым воспринял исходный принцип уравнительного социализма. Вспомним, что либертариисты выступили против усиления этой функции именно потому, что усмотрели в этом опасную ус-

---

⁶⁵ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 3., С. 31.

тупку социализму, требования которого исходят из низов. Классические либералы требовали минимального государства для максимальной свободы экономического предпринимательства, расчищая дорогу новому строю, которому мешали пережитки абсолютизма, консерваторы – боятся социализма.

Но если исходить из нашего анализа, то и капитализм и социализм – две стороны одной и той же реальности – не изжитой, хотя во втором случае «отмененной» декретом частной собственности.

Из изложенного видно, что неправильным было бы относиться к учению Маркса только как к политической доктрине, положения которой подлежат немедленной практической реализации. Но его учение и было воспринято как социальный идеал, грандиозный политический проект, несмотря на возражения с его стороны. Так по поводу одного истолкования своей теории он констатировал: «Ясно одно, что сам я не марксист»⁶⁶.

На марксизме, как политической доктрине, сформировались два политических течения одной из мощнейших идеологий XX века – коммунистическое и социал-демократическое.

Коммунистическое движение в виде коммунистических и рабочих партий родилось на гребне революционного подъема, охватившего рабочий класс капиталистических стран под влиянием тягот, выпавших на его долю в первой мировой войне, под воздействием революции в России.

Появившиеся вскоре в различных странах революционные партии вместе с партией большевиков образовали в 1919 г. III Коммунистический Интернационал, который действовал до 1943 г.

Значительный промежуток времени в ряде стран коммунистические и рабочие партии являлись правящими, или являются и сегодня (Вьетнам, Китай).

Исходным положением идейно-политической концепции коммунистического движения являлось выдвинутое Марксом положение об особой исторической миссии рабочего класса.

В силу своего места в системе капиталистических отношений рабочий класс объективно обязан выполнить миссию замены капитализма новым обществом, свободным от эксплуатации человека человеком. Освобождая себя, он освободит от всякого угнетения все другие социальные слои. Выполнение этой задачи виделось возможным только объединенными усилиями рабочих всех стран. Социальная революция, совершаемая пролетариатом, рассматривалась как необходимое условие перехода к новому обществу. Такая революция должна явиться закономерным результатом углубления противоречий, заложенных в капиталистических общественных отношениях.

---

⁶⁶ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 35, С. 324.

Как полагали Маркс и Энгельс, она должна произойти одновременно во всех цивилизованных странах. Однако Ленин потом предположил, что она первоначально возможна в нескольких или даже «в одной отдельно взятой стране». В качестве первого акта социалистической революции рассматривалось завоевание политической власти, которая нужна как средство осуществления социалистических преобразований.

Еще одним весьма важным положением концепции являлось так называемое «учение о диктатуре пролетариата», рассчитанное на период «революционного преобразования капиталистического общества в коммунистическое», подавление сопротивления буржуазии, а также перевоспитание других слоев и, в конечном итоге, на построение бесклассового общества и формирование государства, которое, хотя и будет еще какое-то время существовать, но не будет иметь функций насилия.

Предполагалось также, что после завершения переходного периода возникшее новое общество в своем саморазвитии пройдет две фазы: низшую или социализм, отличительной чертой которого будет распределение по принципу «каждому – по труду»; высшую или собственно коммунизм, где уже будет осуществлен принцип «каждому по потребностям».

Эта была весьма упрощенная версия теорий марксизма и даже искаженная. Так как не было у Маркса и Энгельса деления на два периода, речь шла о «переходном» периоде с «родовыми пятнами капитализма» и коммунизме. Позже, в 1875 году в Германской социал-демократической партии появилось понятие «социализм», как переходная фаза.

Кроме того, оба допускали возможность мирной эволюции капитализма в условиях демократической республики, где, по словам Энгельса, «конституционным путем можно сделать все, что угодно, если только имеешь за собой большинство народа»⁶⁷. Однако из этих двух альтернатив коммунистическими идеологами был избран именно жесткий, революционный вариант, который долгое время составлял стратегию практически всех коммунистических партий.

Необходимо при этом понимать, что к такому варианту действий коммунистов подталкивали:

та же тактика буржуазии в ее борьбе с феодальной аристократией; ускоренное нарастание в конце XIX – начале XX вв. противоречий в капиталистической системе, выражением которых явились две мировые войны и мировой капиталистический кризис 30-х гг..

Все это усиливало обнищание масс и питало леворадикальные настроения у значительной части рабочего класса и отдельных слоев интеллигенции.

---

⁶⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 22. С. 236–237.

Ясно, что революционные выступления трудящихся ряда стран в начале века были исторически оправданы и результативны.

Господствующие силы капиталистического общества были вынуждены искать выход на путях модернизации общества, начавшейся с «новым курсом Рузвельта». Что остановило процесс абсолютного обнищания рабочего класса, вызвало к жизни государственное регулирование и перераспределение доходов в обществе.

Однако допущенные коммунистическими партиями, пришедшими к власти, извращения привели к утрате главного, что было в марксизме – представление о человеке, как цели, а не как средстве.

Процесс трансформации коммунистической идеологии в каждой стране имел свою специфику.

Широкое хождение в 1950 – 60-е годы получил так называемый «западный марксизм», или «еврокоммунизм», который возник в противовес неосталинской версии, советскому истмату и диамату, будучи в основном выражением настроений «леворадикальной интеллигенции».

Он характеризовался неприятием буржуазного общества и одновременным оптимизмом и верой в социальный прогресс, которая подпитывалась новым экономическим бумом и обращением к молодому К. Марксу.

Капитализм рассматривался как глобальное зло, для ликвидации которого недостаточно сил. Неомарксизм искал третий путь, не капиталистический и не социалистический. «С оговорками они все признали принципы парламентской демократии и молча согласились с реалиями социальной рыночной экономики, продолжая придерживаться коммунистической лексики с целью сохранения своей идентичности»⁶⁸. Дальше всех пошли итальянские коммунисты, они полностью встали на социал-демократические позиции, вошли в социалистический интернационал. Коммунисты Франции создали «левую коалицию» на правительственном уровне.

Как пишет Б. Орлов, сложные отношения между социал-демократами и коммунистами западной Германии были связаны с тем, что сначала КПП (партия М. Раймана), а затем ГКП (Г. Мис) действовали в плотной увязке с позицией Москвы и Восточного Берлина, что исключало возможность конфликтов вплоть до объединения Германии, после чего ГКП прекращает свое существование. Партия У. Хонеккера в Восточной Германии преобразуется в социал-демократическую, изменив название и программу.

В 70-е годы в связи с экономическим кризисом и отступлением либеральной демократии с ее идеями «индустриального государства», «государства всеобщего благоденствия», утверждением позиций не-

---

⁶⁸ Орлов Б. Левые в Европе // Международная жизнь. 1999. № 2. С. 73.

оконсерваторов, свернувших социальные программы и ограничивших права профсоюзов в производственных отношениях, происходит крах всей системы леворадикальной идеологии, воцаряются настроения социального пессимизма, неверия в социальный прогресс. В «посткапиталистическом» обществе наступает закат ортодоксального марксизма.

Марксизм из теории революционного преобразования общества превращается в «гуманистическое», «научное» течение политической мысли. В существующей типологии западного марксизма, первое выступает против диамата и истмата, как объективистско-натуралистического учения, в котором нет места человеку.

Гуманистическое направление объединяет:

1) Франкфуртскую школу и близкий к ней «фрейдомарксизм» (Маркузе, Фром), зародившийся было и в СССР в 20-х гг. (Залкинд, Рейснер, Фридман);

2) «экзистенциалистский» марксизм (Сартр, Мерло-Понти), к которому можно отнести т.н. ревизианистов (Гароди, Фишера, Косика, Шаффа);

3) «феноменологический» марксизм, представленный в Италии и США журналами «Аут-Аут» (гл. ред. Э. Паччи) и «Телос» (гл. ред. П. Виксон);

4) Будапештская школа эмигрировавших в 70-е гг. из Венгрии философов, создавших школу лукачианцев, т.е. последователей молодого Д. Лукача, и т.д.

Гуманистическое направление сосредоточивается на человеческих потребностях и свершениях, признании творческого потенциала человека, его ценности. Акцентирует внимание на рукописях молодого Маркса (включая интерес к отчуждению), признавая их менее детерминистскими, чем более поздние работы.

Второе направление, называвшее себя научным, указывало на недостаточную научность ортодоксального марксизма, считая диамат псевдообоснованием и ставя своей задачей придать строгую научную форму истмату не как философии, а как конкретной науке. Оно подразделялось на:

1) «Альтюссеризм» (структуралистская версия марксизма, модная в 70-е годы, основанная на идеях Луи Альтюссера), выступавшее с позиций антиисторизма, антиимпериализма, антиидеологизма. Это течение было распространено в Англии, где популяризированные марксистским журналом «Нью Лефт Ревью» труды Альтюссера повлияли на многих теоретиков, включая Стюарта Холла, Хайндеса и Херста.

Критикуя гуманистов, Альтюссер акцентировал внимание на «зрелом Марксе», подчеркивая «эпистемологический» (парадигмальный) разрыв между ранними философскими (идеологическими) произведениями и «Капиталом», который должен расцениваться как «научная»

теория наравне с теориями Галилея или Дарвина. Признавая сложную детерминированность крупных изменений в обществе, Альтюссер пытается уйти от вульгарного детерминизма или «экономизма» в вопросах взаимодействия базиса и надстройки, полагая, что идеологическая надстройка – не просто отражение экономики, но отчасти и условие ее существования. Идеология для него не просто «ложное сознание», а важная часть реальных социальных отношений. Подобным же образом понятие способа производства трактуется как требующее в каждом конкретном случае учитывать сложное сочленение экономической, политической и идеологической практики.

2) «Аналитический марксизм» (Англия, США) пытался возобновить марксизм на новой основе, на современных методах научного исследования.

Элстер и Ромер отвергли марксову теорию стоимости и его обоснование эксплуатации, считая, что она существует и при капитализме, и при социализме.

Сходные направления полемики наблюдались между механистами и деборинцами в 20-х гг. и Э. Ильенковым и его противниками в 60-х.

Западный марксизм отличался оторванностью теории от практики, академическим характером и уходом в проблемы методологии, эстетики.

Претерпело изменение само определение рабочего класса, в котором такие признаки, как культура, сознание, представляются более важными, чем отношение к средствам производства.

Под влиянием Хабермаса государство рассматривается, как «относительно-самостоятельное», как сфера конфликтов между классами и фракциями господствующего класса, а не как проводник интереса какого-нибудь конкретного класса.

«Австромарксизм» стоял на позициях «очищения» диалектического материализма от классово-идеологических извращений, совпадения классово-пролетарских и общечеловеческих ценностей, необходимости духовной конкуренции в социалистическом обществе.

«Новейшие левые» выступили с критикой ортодоксального марксизма в вопросах соотношения базиса и надстройки, первичности производственных отношений. Поскольку, как они отмечали, классический марксизм не обосновывает соответствия между классами как субъектами производственных отношений, занимающими определенное место в структуре общества, и классами как общественными силами в политике. А раз данная связь отсутствует, то объективных классовых интересов, «заданных» структурой общественных отношений, не существует, и поэтому партии, профсоюзы и т.д. не выражают экономических классовых интересов.

Естественно было отвергнуто марксистское обоснование миссии пролетариата. Поскольку все социальные агенты имеют лишь ограни-

ченные исторические задачи, ни один из них не может выполнить миссию освобождения человечества самостоятельно. Тем самым выдвигается тезис о множественности субъекта социально-исторических изменений.

В результате создается концепция политической борьбы на многих равных по значению фронтах, в которых не выделяется основное звено. Политическая борьба приобретает характер борьбы не класса против класса, а народа против государства за демократию и права человека, за доступ к социальным и культурным благам.

Соответственно особое значение приобретают процессы в сфере информации, досуга, системе образования и здравоохранения, охране окружающей среды, где ранее политическая борьба практически не велась.

Множественность социальных изменений означает невозможность установить в ходе борьбы «радикальную демократию» какой-либо одной общественной системы, что подразумевает «эволюционные изменения» существующих общественных отношений, а не разрыв с ними.

«Новые левые» отказываются от противопоставления таких понятий как «план» – «рынок», «прямая» – «представительная» демократия. Современная демократическая политика должна быть сложной комбинацией различных экономических и социально-политических механизмов.

Вопросы для самопроверки

1. В чем сущность социалистической идеи и ее исторические корни?
2. Марксизм: теория общественного развития и политическая практика.
3. Эволюция проблемы преобразования собственности в теории К. Маркса.
4. Идеино-политические течения в марксизме во второй половине XX века.

Тема 8. Социал-демократия

История социал-демократии самым тесным образом связана с историей рабочего движения. Она возникла как альтернатива капитализму и в этом качестве первоначально разделяла все важнейшие установки марксизма вплоть до признания некоторыми революционного пути ликвидации капитализма и перехода к социализму.

Но в реальной жизни социал-демократия в общем и целом отвергла эти установки, признала существующие общественно-политические институты и общепринятые правила игры. Партии социал-демократической ориентации институционализировались, стали парламентскими и внесли существенный вклад в интеграцию рабочего движения в господствующую систему.

С этой точки зрения, всю последующую историю социал-демократии можно рассматривать как историю постепенного отхода от марксизма. Важную роль в эволюции социал-демократии сыграла сама жизнь, которая заставляла учитывать общественно-исторические реальности, приспосабливаться к ним, находить оптимальные пути улучшения условий жизни трудящихся.

Эти реальности убедили руководителей социал-демократических партий в бесперспективности революционного перехода от старой общественной системы к новой, в необходимости трансформировать, совершенствовать эту систему, приняв многие из ее ценностей, норм и принципов.

Экономическая и политическая борьба показала, что многие требования могут быть реализованы мирными средствами, в процессе постепенных перемен.

С самого начала для большинства социал-демократии было характерно совмещение революционных лозунгов с оппортунистической, прагматической политической практикой.

Большевистская революция в России, показав гибельность пути, связанного с революционным преобразованием, окончательно повернула социал-демократию к отходу от первоначальных радикальных лозунгов к реформизму.

Социал-демократия и коммунизм, выросшие практически из одной социальной базы, из одних идейных источников, разошлись по важнейшим вопросам мироустройства, по основополагающим принципам классического марксизма, касающимся революции, непримиримой классовой борьбы, диктатуры пролетариата.

Как бы предвидя возможность появления авторитарного социализма, представители реформистского крыла социал-демократии провозгласили своей целью построение демократического социализма. Именно по этому вопросу первоначально развернулись острые споры, в которых оппоненты доказывали, что недемократический социализм невозможен.

История показала, что возможен большевистский, нацистский и другие варианты тоталитарного социализма. Как показал еще И. Ильин, социализм, понимаемый как административное обобществление, не может быть недемократическим.

Понятие «демократический социализм», как показывает К.С. Гаджиев, уже использовалось в литературе до того, как появился его исторический «родоначальник» – Эдуард Бернштейн⁶⁹. Но он первым открыто выступил с теоретическим обоснованием курса на постепенное реформирование буржуазного общества. Новым подходом Бернштейна к социалистической теории и практике стала постановка

---

⁶⁹ См.: Гаджиев К.С. Указ. соч. С. 420.

вопроса о возможности мирной трансформации капитализма в социализм, чего не предполагали в условиях своего времени К. Маркс и Ф. Энгельс.

Рассматривая социально-экономические аспекты эволюции феодального и буржуазного общества на нисходящих стадиях, Бернштейн обратил внимание на имеющееся сходство в соответствующих процессах, а не на их различие. По всем признакам, утверждал он, общественная, или коллективная, собственность разовьется не вследствие насильственного уничтожения капиталистической собственности, а наоборот, последняя исчезнет, когда первая достигнет достаточно высокой степени развития, подобно тому, как феодализм пал в условиях вполне сложившейся буржуазной собственности⁷⁰. Таким образом, Бернштейн акцентировал внимание на процессе возникновения реальных элементов нового общества в недрах старого, из чего и выводил возможность мирной трансформации капиталистического общества в социалистическое. Он продемонстрировал и иное понимание политических закономерностей перехода к социализму.

Высказывая сомнения в необходимости социалистической революции и диктатуры пролетариата, он исходил из того, что развитие демократии, распространение всеобщего избирательного права, рост социал-демократических партий и их влияния создают условия для мирного преобразования общества в социалистическом направлении.

И такая трансформация, по его мысли, скорее всего произойдет посредством расширения уже теперь имеющихся экономических и политических институтов и учреждений. «Либеральные учреждения современного общества именно тем и отличаются..., что они гибки, изменчивы и способны к развитию. А для этого необходимы соответственная организация и энергичные действия, но никак не обязательно революционная диктатура»⁷¹. Бернштейн рассматривал демократию и как цель, и как средство: она есть средство достижения социализма и форма его осуществления. «Прежде, нежели окажется возможным социализм, мы должны сперва создать нацию социал-демократов»⁷².

Вклад в разработку социал-демократических идей внесли представители английского фабианского, гильдейского социализма, французский «поссибилизм», «австромарксизм» и его идейные руководители О. Бауэр, М. Адлер, К. Реннер, активно выступавшие против большевизма и ленинизма.

---

⁷⁰ Бернштейн Э. Очерки из истории и теории социализма. СПб. 1902. С.377.

⁷¹ Бернштейн Э. Проблемы социализма и задачи социал-демократии // Антология мировой политической мысли: В 5-ти т. М., 1997. Т. II. С. 93.

⁷² Там же. С. 94.

Такие социал-демократические движения, как английский лейборизм, скандинавская социал-демократия, изначально развивались на сугубо реформистских началах, лишь незначительно испытав влияние марксизма, которое просматривается, главным образом, в декларации цели – построении справедливого общества.

Их платформа – сохранение в неприкосновенности всех либерально-демократических свобод, при ликвидации эксплуатации человека человеком. В программных документах лейбористской партии Великобритании социализм как социально-политическая система вообще не обозначен. Лишь в IV пункте устава 1918 г. говорится о том, что партия стремится обеспечить работникам физического и умственного труда полный продукт их труда и его наиболее справедливое распределение на основе общественной собственности на средства производства, распределения и обмена и наилучшей системы народного управления и контроля над каждой отраслью промышленности или сферы обслуживания.

Шведские социал-демократы еще в 20-х гг. сформулировали концепции т.н. функционального социализма и промышленной демократии, которые не предусматривали ликвидацию или огосударствление частной собственности. В отличие от коммунистического тезиса о том, что у пролетария нет отечества, социал-демократия изначально выступала в виде своих национальных отрядов и за свои национальные интересы.

Голосование немецких социал-демократов 4 августа 1914 г. в рейхстаге за принятие закона о военных кредитах представляло собой признание ими общей национальной задачи, подчинение классовых интересов национальным.

Лейбористы готовы были так же отступить от своего пацифистского интернационализма, войдя в 1916 г. в состав военного кабинета либерала Ллойд-Джорджа, взяв два министерских портфеля, а также войдя в различные правительственные комитеты.

Так и немецкие и английские социал-демократы продемонстрировали, что превратились в вполне лояльные политические силы, добивающиеся своих целей в двуедином процессе соперничества и сотрудничества с буржуазией в рамках национального государства.

После второй мировой войны наступил новый этап в судьбах демократического социализма, который окончательно разрывает с марксизмом, с которым по инерции себя связывал в большинстве случаев.

Фашизм и большевизм подтолкнули их к признанию непреходящей ценности правового государства, демократического плюрализма, самого демократического социализма.

Своеобразным историческим рубежом в идейной эволюции социал-демократии был учредительный конгресс Социалистического интернационала во Франкфурте-на-Майне в 1951 г.

С этого момента объединяющей идейной основой социал-демократии стала концепция демократического социализма, которая закреплена принятой конгрессом декларацией «цели и задачи демократического социализма».

Последняя точка в этом вопросе была поставлена сначала в Венской программе Социалистической партии Австрии» (1958), затем в Годесбергской программе СДПГ (1959), которые решительно отвергли основополагающие постулаты о диктатуре пролетариата, классовой борьбе, уничтожении частной собственности, обобществлении средств производства и т.д. Отвергнуты были даже идейные истоки – связь с марксизмом, подчеркивался плюрализм ценностей, установок, ориентаций⁷³.

Суть послевоенного социал-демократизма может быть выражена в трех лаконичных направлениях цели: **свобода, справедливость и солидарность**. Эти три пункта в той или иной форме присутствуют в программах большинства социал-демократических партий.

Центральное место занимает свобода. Она понимается как самоопределение каждого человека. Свобода, игнорирующая равные права, вырождается в произвол.

Равные права на самоопределение, на признание другими его достоинства и интересов составляют содержание справедливости.

Если не учитывать эти права, то справедливость неизбежно превращается в уравниловку, подминающую под себя действительную справедливость.

Справедливость таким образом, есть равная для всех свобода.

Свобода отдельного индивида может реализовываться только в свободном обществе. Демократический социализм предоставляет ему свободу и предписывает ответственность перед обществом за свои действия.

В отличие от либерального подхода в демократическом социализме преобладает позитивное толкование свободы как «свободы для...»

Политическая демократия означает: осуществление в полном объеме всех прав и свобод, которые предусмотрены соответствующей декларацией ООН;

народное представительство на основе всеобщих, свободных, равных выборов;

правление большинства при соблюдении прав меньшинства;

наличие более чем одной партии, в том числе и оппозиционных;

равенство всех граждан перед законом;

наличие независимой системы правозащиты и подчинение судей только закону.

---

⁷³ См. подробнее: Майер Т. Годесберг и далее: новая социал-демократия // МЭ и МО. 2000. № 6.

Словом социал-демократия является приверженцем принципов представительной демократии в ее плюралистической форме.

В экономической сфере предполагается:

признание приоритетов общества над частными интересами;
необходимость смешанной экономики, основанной на сочетании частной, государственной, коллективной и общественной форм собственности.

Они не отказываются от обобществления и государственного сектора в рамках смешанной экономики. Главное внимание уделяется демократическому контролю над экономикой. Его обязательным компонентом является реальное участие трудящихся и их объединений в управлении экономикой как на уровне производственных компаний, так и в национальном масштабе. При этом в качестве гласных рассматриваются задачи: обеспечения полной занятости населения, роста общественного производства, постоянного повышения жизненного уровня, справедливого распределения доходов, удовлетворение стремления населения к вознаграждению в соответствии с их трудовым вкладом.

В социальной сфере: наряду с торжеством принципов свободы, справедливости и солидарности – удовлетворение элементарных жизненных потребностей всех членов общества. Данная цель достигается путем реального обеспечения права граждан на труд, отдых, жилье, образование, медицинское обслуживание, обеспечение в старости и при невозможности трудиться.

Социал-демократия означает также устранение всех юридических, социальных, экономических и политических видов неравенства между мужчиной и женщиной, социальными слоями, городом и деревней, регионами и этническими общностями.

В международной сфере – устранение всякого неравенства между народами, справедливое перераспределение мирового богатства, соблюдение национального суверенитета, права на национальное самоопределение, разрешение конфликтов путем переговоров, создание систем коллективной безопасности – предпосылки для установления демократического миропорядка.

Следует сказать, что такая платформа отражает интересы большинства населения стран Европы. Оказавшись в ряде стран у руля правления или превратившись в серьезную парламентскую силу социал-демократические партии и поддерживающие их профсоюзы, стали инициаторами многих реформ и национализации ряда отраслей экономики и беспрецедентного расширения социальных программ государств, не говоря уже о сокращении рабочего дня.

Им же принадлежит большая заслуга в создании и институализации «государства благоденствия».

Отмечается большая роль демократии в достижении разрядки и международной напряженности. Конечно же, большую роль здесь сыграли выдающиеся деятели социал-демократии XX века – В. Брант, У. Пальме, Ф. Миттеран.

Возникновение так называемой шведской модели демократического социализма (под которой имеются в виду и Дания, и Норвегия, и Швеция) связывают с приходом к власти первых социал-демократических правительств в Дании – в 1929 г., Швеции и Норвегии – в 1932 г.

Социал-демократическая рабочая партия Швеции находилась у власти с начала 30-х до середины 70-х гг., когда ими были реализованы значительные успехи в осуществлении социал-демократических программ государства благосостояния.

В 1970 г. они расходовали на социальные цели 33% ВВП. Эту модель иногда называют функциональным социализмом на том основании, что демократическое государство осуществляет функции по перераспределению национального дохода в целях обеспечения большей социальной справедливости.

Государство обеспечивает всем равные стартовые условия, предоставляя всем детям доступ в детские сады и к единой государственной системе школьного обучения. Это дополнялось системой семейных пособий на детей, бесплатное школьное образование, пособий по старости, безработице, обеспечение жильем.

В последние годы все большую популярность получает положение, что государство благосостояния выполнило свою задачу и его необходимо заменить обществом благосостояния, т.е. признается необходимость децентрализации функций и прерогатив государства по реализации социальных функций и их передачу местным властям и общественным институтам.

Так, министр социал-демократического правительства Швеции Хольмберг еще в 1986 г. выступил с тезисом о необходимости взять курс на создание новой шведской модели. Главная задача – устранение мелочной государственной опеки. Государство регулирует и решает глобальные проблемы, социальные функции передаются муниципалитетам.

Экономические трудности 80-х годов, наступление консерваторов усилили в социал-демократии настроения в пользу отказа от лозунгов национализации, обобществления или социализации и др. традиционных установок демократического социализма.

В новых экономических условиях европейская социал-демократия в политике сделала весьма ощутимые шаги в сторону либерализма и неоконсерватизма («новолейбористская» модель Т. Блэра). Однако теоретическая и политическая практика последнего десятилетия демонстрирует активные поиски по созданию так называемой «идеологии

третьего пути» под лозунгом «рыночная экономика», но не «рыночное общество». Характерно, что эта тенденция прослеживается не только в лагере социал-демократов, но и социал-либералов. В своих речах Б. Клинтон несколько раз возвращался к этой формулировке, говоря о продвижении к новому устройству «общего жизненного пространства», где от правительств зависит создание условий, которые позволили бы индивидам, семьям и комьюнити реализовать в полной мере человеческий потенциал⁷⁴. Однако при видимом сходстве целей в формулировке социального либерализма американской демократии и европейской социал-демократии обращают на себя внимание существенные разногласия в методах их достижения, а также расхождения концептуального плана.

Специалисты отмечают, что даже между собой социал-демократы согласны не во всем и внутри самого течения существуют не один, а несколько «третьих путей». «Новый лейборизм» имеет преимущественно рыночную ориентацию, французский социализм – этатическую, ориентированную на существенно большую роль государства. Германская концепция получила название «общество участия», которое противопоставляется «обществу собственников», в котором все дела вершат крупные собственники – акционеры ведущих банков и корпораций. Эта концепция в последнее время получает признание в Европе.

В экономике она предполагает целенаправленную промышленную политику, цель которой – всемерное использование финансовых ресурсов страны в интересах народного хозяйства. «В области социальных отношений – ярко выраженный акцент на конструктивную роль самых различных общественных сил в развитии производства и экономики в целом, в системе выработки и принятии общественно значимых решений», а также «более целенаправленная перераспределительная политика государства в интересах наименее защищенных слоев и групп общества». То есть в германской социал-демократической концепции развития – стремление соединить коллективизм и индивидуализм, свободу и солидарность.

В идеологии англосаксонского варианта «третьего пути» решительно отвергается коллективизм, как устаревшее понятие, вместо чего говорится о новых отношениях индивида и комьюнити, под которыми подразумеваются территориальные сообщества (от «соседского» до регионального и национального). В социальной политике акцент переносится из сферы индустриальных отношений на различного рода группы самопомощи, благотворительные учреждения, объединения экологов, потребителей и др. организации «одной цели». С перераспреде-

---

⁷⁴ Перегудов С. Западная социал-демократия на рубеже веков // МЭ и МО. 2000. № 7. С. 54.

ния доходов акцент переносится на перераспределение возможностей. Но в отличие от неолиберальной идеи равенства возможностей, воплощение которой ведет, по их мнению, к «меритократии», равенство они понимают как «всеобщую включенность», которая позволит создать «общество ответственных нацеленных на риск индивидов». Государство «благосостояния» как бы перерастает в «общество благосостояния»⁷⁵.

Таким образом, социал-демократы, отвечая на вызовы новой эпохи, пытаются сохранить верность своим основным ценностям и целям – соединению свободы и справедливости, а социальную справедливость – с правами человека на частную собственность, на его право свободно распоряжаться своими трудовыми усилиями в условиях рыночных отношений. Эту проблему так или иначе решают все. Но даже социальные либералы, не говоря уже о консерваторах, считают такое соединение утопией и исходят в своей теории и политике из того факта, что усиление акцента на обеспечении социальной справедливости всегда будет вести к ограничению свободы.

При этом они выступают против монополизации рынка и за создание условий, обеспечивающих достойные человека условия труда, включая социальное страхование и участие в совладении предприятия путем приобретения акций.

Реформирование трудовых отношений, не нарушая логики рынка, – еще одна труднодостижимых целей.

Кроме того, у социал-демократов свое отношение к одной из болезненных тем современности – национализму, в котором они пытаются сочетать патриотизм с солидарностью (одним из трех провозглашенных принципов). При этом подчеркивается, что приверженность нравственным ценностям, культуре, традиции демократии своей страны позволяет им находить общий язык с представителями других стран и народов.

Вопросы для самопроверки

1. Какую роль сыграл Э. Бернштейн в формировании идейно-политических позиций социал-демократии?
2. Сформулируйте основные принципы социал-демократической идеологии.
3. Перечислите особенности социал-демократии послевоенного периода.
4. Назовите основные модели социал-демократии XX века.
5. В чем отличие демократического социализма от «реального социализма»?
6. В чем отличие социал-демократизма от либерализма и консерватизма?

---

⁷⁵ Там же.

Тема 9. Тоталитарные идеологии

В XX веке стали реальностью такие формы политического устройства и общественной организации, которые можно поставить в ряд наиболее жестоких тиранических режимов глубокого исторического прошлого, но смысл которых нельзя свести к режиму личной власти. Кроме того, от древних тираний их отличало именно наличие идеологий, ориентирующихся на определенный идейно-политический проект и апеллирующих к национальным и классовым интересам.

Проблема степени ответственности идеологий за характер человеконенавистнических режимов является дискуссионной⁷⁶. Хотя любая идеология, по убеждению всемирно известного философа и политолога Х. Арндт, содержит тоталитарные элементы, «однако последние полностью развиваются только при тоталитарных движениях, что создает обманчивое впечатление, будто только расизм и коммунизм тоталитарны по своей сути. Истина скорее в том, что действительная природа всех идеологий раскрывается только в той роли, какую данная идеология играет в механизме тоталитарного господства»⁷⁷. Тоталитарность идеологии, как таковой, согласно аргументации Арндт, состоит в ее «тотальном» притязании на объяснение всего хода исторических событий, «включая полное объяснение прошлого, полное понимание настоящего, надежное предсказание будущего». Кроме того, стремясь к такому объяснению, идеологическое мышление становится независимым от всякого опыта. Оно создает свою, «более истинную» реальность, скрывающуюся за всеми воспринимаемыми явлениями, реальность, имеющую иные измерения, иные ориентиры и критерии и подчиняет людей этой реальности. И, в-третьих, идеологическое мышление выстраивает факты, ориентируясь не на реальный опыт, а «на чисто логическую процедуру, которая начинается с аксиоматически принятой посылки, дедуцируя из нее все остальное». Мышление при этом «протекает с последовательностью не существующей в мире действительности», «самопорождается из однажды принятого и неизменного мыслительного материала», причем важна уже не первоначальная идея, а «сам логический процесс, который можно развить из нее». Эта идеологическая конструкция, обладая неумолимой логикой, превращается в руках власти в орудие подчинения сознания человека. В отличие от внешней тирании «тирания логичности» обеспечивает «внутреннее самопринуждение» каждого в отдельности и, «тоталитарный режим может чувствовать себя в безопасности, пока он способен мобилизовывать силу воли самого человека» для участия в общем процессе планового «строительства».

---

⁷⁶ См.: В поисках утраченного разума // Знание – сила. 1990. № 2.

⁷⁷ Ханна Арндт. Истоки тоталитаризма. – М., 1996. С. 610–615.

Однако последний, третий, довод автора как раз и фиксирует ту границу, за которой идеология становится *тотально* тоталитарной, соединяясь с определенной организацией власти, выходит за границы первоначального движения, захватывает и подчиняет все общество. Потенциально-тоталитарный характер должна иметь сама заложенная в ней идейно-теоретическая концепция, которую власть реализует, упрощая и сводя к одной определяющей ее сути идее.

Вряд ли идеология, основным принципом которой является индивидуальная свобода, будет ориентироваться для ее защиты на тоталитарные институты власти и репрессивно-террористические методы. Эта должна быть идеология, доктрина которой требует для своего осуществления соответствующих тоталитарных институтов.

Хотя тоталитарные государства становятся политической реальностью лишь в XX веке, история политической мысли содержит образцы подобных теоретических конструкций. «Сегодняшний так называемый тоталитаризм, – замечает один из известнейших философов XX века К. Поппер в своей книге «Открытое общество и его враги», – принадлежит традиции столь же старой или столь же юной, как и сама наша цивилизация»⁷⁸.

Термин «тоталитарный» восходит к латинскому «totalitas» – полнота, или «totalis» – весь, целый, полный. В политический лексикон впервые введен в 1925 г. идеологом фашизма, директором института фашистской культуры Джованни Джентиле, а в написанной 1932 г. в статье «Доктрина фашизма» Бенито Муссолини уже использует этот термин для характеристики фашистского движения и фашистского государства. «Фашизм тоталитарен» в силу того, что «фашистская концепция Государства – всеобъемлюща; вне его не существует ни человеческих, ни духовных ценностей, либо они имеют ценность значительно меньшую», и «принимает индивидуальное лишь настолько, насколько его интересы совпадают с интересами государства, которое олицетворяет совесть и универсальную волю человека, как исторической сущности»⁷⁹. С 1929 года, начиная с публикации в газете «Таймс», определение распространяется на режим Советского Союза». Русские зарубежные философы Г.П. Федотов и И.А. Ильин первыми глубоко осмыслили социально-политическую сущность советского социалистического тоталитаризма. Тоталитарный режим, по определению Г.П. Федотова, стремится «к полному овладению человеческой личностью, к совершенному ее использованию в интересах государства... Государство не оставляет ни одного угла в его жилище, ни единого угла в его душе вне своего контроля и своей «организации». Религия, искусство, научная работа, семья

---

⁷⁸ Поппер К. Открытое общество и его враги. – М., 1902. С. 30.

⁷⁹ Муссолини Б. Доктрина Фашизма. Антология мировой политической мысли в пяти томах. Т. 2. С. 237.

и воспитание – все становится функцией государства»⁸⁰. «Социализм в жизни, – писал Ильин, – осуществим только в форме всепроникающего и всепорабощающего тоталитарного режима, сущность которого состоит не столько в особой форме государственного устройства... сколько в объеме управления: этот объем становится всеохватывающим. Однако такое всеобъемлющее управление осуществимо только при проведении **самой последовательной диктатуры**, основанной на **единстве власти**, на **единой исключительной партии**, на **монополии работодателя**, на **всепроникающем сыске**, на **взаимодонительстве**, и на беспощадном **терроре**».

Тоталитарное государство есть всеобъемлющее государство. «Оно отпрямляется от того, что **самодетельность граждан** не нужна и вредна, а **свобода граждан** опасна и нетерпима. Имеется единый властный центр: он **призван** все знать, все предвидеть, все планировать, все предписывать. Обычное правосознание исходит от предпосылки: все незапрещенное – позволено; тоталитарный режим внушает совсем иное: **все непредписанное – запрещено**. Обычное государство говорит: у тебя есть сфера частного интереса, ты в ней свободен; тоталитарное государство заявляет: есть только государственный интерес и ты им связан»⁸¹.

Начало теоретического осмысления тоталитаризма мировым научным сообществом было положено в 1952 году на Кембриджской конференции, где тоталитарным было признано «закрытое общество, в котором все – от воспитания детей до выпуска продукции – контролируется из единого центра»⁸².

Целый ряд европейских и американских ученых, среди которых Карл Дейч, Карл Фридрих, Збигнев Бжезинский, Раймон Арон и Ханна Арендт, посвятили свои труды анализу предпосылок, классификации основных признаков, выработке критериев тоталитаризма. В ряду основных шести критериев, позволяющих говорить о наличии тоталитарной власти, первым обозначена «тотальная идеология»⁸³.

Однако нужно иметь в виду, что в науке различаются понятия «тоталитарные общества» и «тотальные общества»⁸⁴.

---

⁸⁰ Федотов Г.П. Социальный вопрос и свободы // Современные записки. 1931. № 47. С. 426

⁸¹ Ильин И.А. О тоталитарном режиме // О грядущей России: Избранные статьи. М., 1997. С. 50–51.

⁸² Мазуров И. Фашизм, как форма тоталитаризма // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 39.

⁸³ См. подробнее: Мирский Г. Ушел ли тоталитаризм вместе с двадцатым веком? // Мировая экономика и международные отношения, 2002. № 1. С. 40–51.

⁸⁴ См.: Крадин Н.Н. Тоталитаризм и российская государственность // Тоталитаризм как исторический феномен. – Владивосток, 1996. С. 42–47; Кузнецов А.М. Тоталитаризм как принцип общественной организации. Там же. С. 37–41; В поисках утраченного разума... С. 37–38.

Второе понятие используется по отношению к доиндустриальным восточным деспотиям. Тоталитарными называют государства, сформировавшиеся в XX веке. Общими для обоих являются: полное подчинение государству в лице правителя; разветвленный чиновничий аппарат; система всеобъемлющего контроля и слежки; подчинение личности коллективу; отсутствие прав личности. Однако внешняя схожесть имеет принципиально различные основания.

Восточный деспотизм отвечал экономической необходимости (системы ирригации, освоение производственных мощностей – было не под силу одному человеку). Человек там не противопоставлялся и не противостоял государству, он был «растворен», «слит» с ним, и только так он мог выжить. Он не был еще «индивидуализирован», его «коллективизм» был добровольным и естественным для него состоянием. Его «свобода» в том мире была возможна лишь в составе общества, коллектива (общины, цеха), в принадлежности к какой-то целостности, что гарантировало ему возможность существования вообще.

Тоталитаризм отвечал политической необходимости и имел дело с уже эмансипированным индивидом, в сознании которого присутствовало понятие свободы, и осознающим покушение на свои права как насилие. Феномен тоталитаризма – это целенаправленное покушение на личность, осознавшую себя личностью», тогда как человек традиционных обществ переживает свою тотальность как естественное состояние.

Разделяя обоснованность такого подхода к проблеме, нельзя не заметить, что попытки создания теоретических конструкций целенаправленного преобразования общества посредством государства прослеживаются на всех этапах развития человеческой мысли. «Идеократическое» государство Платона, как полагает К. Поппер, было первой теоретической концепцией тоталитарного по ряду важнейших параметров государства. Его основными характеристиками, описанными в работах «Государство» и особенно «Законы», являлось: безусловное подчинение индивида государству; государственная собственность на землю, дома и даже жен и детей; всеобщее насаждение единомыслия и коллективизма; государственное регламентирование законами не только общественной, но и частной жизни, определение распорядка дня и ночи; единая, обязательная для всех граждан религия; унифицированная система образования, построенная на идеологически обработанных мифах; жесткие ограничения общения с иностранцами, запрет гражданам посещать чужие страны по частным надобностям, а лицам до 40 лет вообще выезжать за пределы государства; запрещение инакомыслия, носителей которого казнили или выслали в изгнание. «Мы, – говорит Платон, – основываем это государство вовсе не имея в виду сделать как-то особенно счастливым один из слоев его населения, но, наоборот, хотим сделать таким государство в целом», «мы еще вначале, когда основывали государство,

установили, что делать это надо непременно во имя целого. Так что это целое и есть справедливость»⁸⁵.

Идея блага у Платона, как отмечает А.А. Чанышев, «несомая особым сословием философов-правителей, становится мерой справедливости, а средство «очищения» – это новая **идеократическая техника управления**, допускающая **чистку** человека, искусства, общества; в последнем случае город, общество становятся не просто больше отдельного человека, но и растворяет его без остатка; предмет заботы Платона не счастье отдельного человека или сословия, а благополучие государства как самодавяющего целого»⁸⁶.

Многие тоталитарные идеи нашли воплощение в трудах коммунистов-утопистов – Т. Мора, Т. Кампанеллы, Г. Бабефа. Не покушаясь осознано на ограничение свободы, они пытались исправить несправедливое общество, искоренив частную собственность и социальное неравенство, что последовательно приводило их к централизованному распределению и воспитанию, навязыванию человеку социальной роли, игнорированию его интересов. Отличительная черта этого направления – требование всеобщего равенства, базирующегося на обобщенной собственности и контрольно-распределительной системе. Когда ликвидируются естественные регуляторы экономических и социальных отношений в обществе, возникает необходимость в распространении властнорегулятивных и властноконтрольных механизмов на все сферы жизнедеятельности общества.

Ж.–Ж. Руссо пытался создать такую организацию общества и государства, при которой возможно осуществление «всеобщего» интереса, «всеобщей воли», которые при этом не сводились бы к сумме частных интересов и воле. Он планировал создать из отдельных несовершенных людей здание (возможно, подавляя их сопротивление) «морального и коллективного целого», «политического организма», в котором как бы растворяется отдельная человеческая личность, подчиняясь общей воле, «превращаясь в нераздельную часть целого», а «если кто-либо откажется подчиняться общей воле, то он будет к этому принужден всем Организмом, а это означает не что иное, как то, что его силою принудят быть свободным»⁸⁷. Стремление к насильственной перестройке общества на принципах коммунистических или социалистических утопий (акцентирующих внимание на коллективных интересах в ущерб интересам частным) и крайняя нетерпимость к идейным оппонентам, всякому инакомыслию – характерные для многих французских социалистов XIX века. Тоталитарные идеи получают развитие у Фихте, Гегеля, Маркса. И, на-

---

⁸⁵ Платон. Соч. в 3-х т. Т. 3. Ч. 1. М., 1971. С. 207, 224.

⁸⁶ Чанышев А.А. История политических учений. Классическая западная традиция. – М., 200 . С. 44.

⁸⁷ Жан Жак Руссо. Об общественном договоре. – М., 1998. С. 208, 211.

конец, в XX веке тоталитарная теоретическая мысль воплощается в идеологии массовых социальных движений – коммунистического и социалистического, фашистского и национал-социалистического.

Западная научная традиция в лице А. Хайека и К. Ясперса видит истоки тоталитаризма в характерной для XX века тенденции создания плановой экономики, что закономерно влечет за собой стремление подчинить себе все общественные процессы для реализации единой коллективной цели, не оставляющей места для индивидуальной автономии и свободы. Логика формирования тоталитарного строя, с их точки зрения, следующая: коллективные цели реализуются с помощью экономического и социального планирования; всеобъемлющее планирование нуждается в надежных гарантиях реализации планов – во всеильной абсолютной власти и массовой поддержке. Это обеспечивается с помощью гипертрофированного роста институтов власти, социального контроля и систематической идеологической обработки населения, насаждения единой идеологической веры, а также подавления всякого инакомыслия, которое неизбежно растет по мере практического осуществления противоестественного для общества социального эксперимента. Единая сложнейшая государственная машина не допускает индивидуальной свободы граждан-винтиков, ибо это угрожает всему целому. Ради достижения великой цели, общего блага позволительно использовать любые средства⁸⁸.

Н. Бердяев полагал, что первоисток тоталитаризма следует искать в политизации утопии. Реализация идеальных проектов «совершенного», «справедливого», «экономически эффективного» государства – всегда насилие над реально существующей природой общества и личности. «Утопия всегда тоталитарна... враждебна свободе», поскольку «как законченная теоретическая система, обрисовывающая все стороны жизни идеального общественного устройства, не оставляет места для противоречий, для утверждений и действий, опровергающих ее основополагающие постулаты»⁸⁹. Оба подхода, как отмечают политологи, не просто оправданы, являются логическим продолжением друг друга, поскольку «не подлежит сомнению, что правительству, взявшему на себя руководство экономикой, придется употребить свою власть на осуществление чьего-то идеала справедливого распределения»⁹⁰.

Стремление подчинить с помощью планирования единственно верному учению все экономические и социальные процессы – важнейшая черта тоталитарных моделей государства. Претензии на монопольное обладание абсолютной истиной в ходе политической реализации утопии

---

⁸⁸ см.: Хайек Ф.А. Дорога к рабству // Новый мир. 1991. № 7–8. Ясперс К. Цель свобода // 1990. № 6.

⁸⁹ Бердяев Н. Судьба России. – М., 1990, С. 329–331.

⁹⁰ Фридман и Хайек о свободе. – М., 1985. С.113.

обуславливают в конечном итоге историческую обреченность общества на тоталитаризм.

Любая утопия, как показывает практика, в процессе осуществления ее в условиях реального мира подвергается искажениям. Это происходит под влиянием логики политической борьбы, воздействием реальной социальной среды, корыстных интересов власти имущего слоя, «революционной целесообразности». Хотя, в отличие от естественным путем возникающих социальных систем, тоталитарный строй создается целенаправленно, в соответствии с определенными социальными ориентирами, идеями, он – в конечном счете, порождение человеческого разума, его попытка поставить под непосредственный рациональный контроль всю общественную и личную жизнь, подчинить ее определенным целям. Поэтому анализ лежащей в его основе идеологии и общественного сознания в целом является отправным пунктом при выявлении существенных черт его организации.

Различным формам тоталитарной идеологии присущи некоторые общие свойства, которые нашли отражение в научной литературе⁹¹. Прежде всего отмечается эсхатологическая и телеологическая ориентация во взглядах на общественное развитие. Тоталитарная идеология заимствует хилиастические идеи о счастливом завершении истории, достижении конечного смысла существования человека, который может выступать как коммунизм, 1000-летний Рейх и т.п. Привлекательная утопия, рисуемая сверкающий образ будущего совершенного строя, используется для оправдания огромных повседневных жертв народа.

Телеологизм тоталитарной идеологии проявляется в рассмотрении истории как закономерного движения к определенной цели, а также в ценностном приоритете целей над средствами ее достижения в соответствии с принципом «цель оправдывает средства».

Далее отмечается революционность тоталитарной идеологии. Она «обосновывает необходимость формирования нового общества и нового человека, определяет их главные черты. Все ее здание базируется на социальных мифах, например о коммунизме, о руководящей роли рабочего класса, о превосходстве арийской расы. Эти мифы не подлежат критике и имеют характер религиозных символов. Лишь на их основе возможно рациональное объяснение всех общественных явлений и событий».

Тотальная идеология проникнута патерналистским, покровительственным отношением вождей, постигших социальную истину, к недостаточно просвещенным, темным, забитым массам. Идеология как единственно верное для всех учение носит обязательный для всех характер. «В нацистской Германии даже был издан специальный закон, предусмат-

---

⁹¹ См.: Политология. Курс лекций / Под ред. В. Пугачева. М., 1992. С. 196–197.

ривающий единую для всех немцев идеологию». Создается мощная система идеологической обработки населения, манипулирования массовым сознанием. Политическая пропаганда ритуализируется, приобретая черты религиозного культа. Существует монополия власти на СМИ, крайняя нетерпимость ко всякому инакомыслию, рассмотрение идейных оппонентов как политических противников. Устраняется общественное мнение и заменяется официальными политическими оценками. Отрицаются общечеловеческие основы морали, сама мораль подчиняется политической целесообразности. Подавляется индивидуальность, оригинальность и в мыслях, и в одежде. Культивируются стадные чувства (стремление не выделяться, быть как все), уравнительность, а также низменные инстинкты (классовая или национальная ненависть, подозрительность, доноительство). В сознании людей усиленно создается образ врага, с которым не может быть примирения, поддерживаются боевые настроения, атмосфера секретности, чрезвычайного положения, не допускающая расслабления, утраты бдительности, что служит оправданием командных методов управления и репрессий.

Ядром идеологии является «тоталитарная идея», которая представляет собой полностью искусственную конструкцию, созданную на базе всей совокупности мифов Движения, и заключает в себе основной ценностный критерий организации тоталитарного общества. По сути своей «тоталитарная идея» – та оболочка, в которую завернуто конкретное общество. Именно она и отличает одну форму тоталитаризма от другой. В зависимости от основного ценностного критерия можно выделить две формы тоталитаризма. Правой форме соответствует национальный (расовый) критерий (фашистские режимы Гитлера, Муссолини и др.).левой форме – классовый (социальный) критерий (сталинизм).

Исторически первой и классической формой тоталитаризма стал коммунизм советского типа. Марксистско-ленинская идеология – результат преломления марксизма в российском большевистском движении. Положение марксистской доктрины о закономерности смены капиталистического общества обществом социального равенства трудящихся, которые возьмут дело управления промышленностью и государством в свои руки, очень быстро продемонстрировало свою утопичность, вернув все на свои места: рабочие должны работать, а управлять и править должны те, кто задумал, совершил революцию и взял власть в свои руки – партия большевиков, а точнее руководящий слой этой партии. Марксистская идея о «диктатуре пролетариата», как переходной форме, призванной уничтожить «родовые пятна капитализма», и имеющей право на насилие по отношению к тем, кто оказывал сопротивление, получила гипертрофированное развитие и, перешагнув революционный период, стала своего рода санкцией на террор по отношению к любому виду сопротивления, даже потенциальному. Декларированные в ходе

революции политические и гражданские права в отсутствие гражданского общества превратились в фикцию, коллективистская демократия, призванная защищать интересы советского народа как единого целого, по существу, защищала интересы государства, игнорируя и подавляя личные интересы. Коммунистический тоталитаризм наиболее радикален в осуществлении тотального контроля государства над обществом. Уничтожение частной собственности ликвидирует всякую автономию личности и обуславливает абсолютную власть государства, концентрирующего в своих руках все контрольно-распределительные функции, устанавливающего монополию на распоряжение всеми жизненными ресурсами и самим человеком.

Фашизм, возникший как идейно-политическое течение и государственный строй первоначально в Италии, получил достаточно широкое распространение в Германии, Австрии, Испании. Родственные фашизму диктатуры правых сил были установлены в Португалии, Венгрии и Румынии. Во Франции и Бельгии возникли сильные фашистские движения. Наиболее тщательную идеологическую разработку это течение получило в двух образцах – итальянском фашизме и германском национал-социализме.

Идейная платформа фашизма базировалась на отрицании коммунизма, либерализма, демократии. Дистанцируясь от марксизма, с которым Муссолини заигрывал в начале своей общественной деятельности, завоевывая рабочих, он отрицает экономические мотивы человеческих интересов, классовую борьбу, как форму общественных преобразований, а также концепцию «экономического счастья», которую призван осуществить «социализм, обеспечивая каждому максимум благосостояния»⁹². «После социализма фашизм обрушивается на всю систему демократической идеологии... фашизм отрицает, что большинство может направлять человеческое общество... и утверждает неизменно полезное плодотворное неравенство людей», поскольку велика опасность того, что демократия «закончится таким состоянием общества, в котором стадо дегенератов не будет иметь других забот, кроме удовлетворения низших потребностей заурядных людей»⁹³. Центральный пункт идеологии фашизма – культ государства, которое рассматривалось как выразитель духовности, нравственности нации. «Не нация создает государство... Скорее нация создается государством, оно дает народу, осознающему свое моральное единство, волю и тем самым делает его существование эффективным».

Возрождение величия Римской империи возможно только на основе твердой государственной власти, организующей общество. Фашист-

---

⁹² Муссолини Б. Доктрина фашизма // История политической мысли. С. 244.

⁹³ Там же. С. 245.

ское государство – воплощенная воля к власти и управлению, которая реализуется через совершенно новый, по словам Муссолини, институт – партию, всецело управляет нацией. «Фашистское государство» включает в себя и экономическую деятельность нации, и через созданные им корпоративные, социальные и образовательные учреждения его влияние распространяется на все сферы национальной жизни – политические, экономические и духовные.

«Фашизм – это учение, наилучшим образом приспособленное представлять стремления и надежды народа, такого как народ Италии, который поднимается вновь после многовекового унижения и внешнего порабощения. Но империя требует дисциплины, координации всех сил и глубоко осознанного чувства долга и жертвенности» и объясняет «характер режима и необходимость строгих мер, которые должны быть приняты против тех, кто будет противостоять этому спонтанному и неизбежному движению Италии в XX», «...великий эксперимент общественной и политической трансформации» и «никогда еще не была столь острой нужда нации во власти, в управлении, порядке»⁹⁴. Фашисты первыми перенесли принцип классовой борьбы на международную арену. Вслед за немецким экономистом Ф. Листом они верили в то, что высококоразвитые промышленные государства создали препятствия на пути торговли и обмена для более слабых стран, мешая им преодолеть неразвитость», поэтому только идея нации может стать опорой стабильности, а сильное государство обеспечит рост экономики.

Таким образом, фашизм претендовал не столько на радикальное преобразование общества, сколько на возрождение нации, «очищение народной души», обеспечение коллективной идентичности на культурной и этнической почве. В Италии границы фашистского тоталитаризма во многом определялись позицией наиболее влиятельных в государстве кругов: короля, аристократии, офицерского корпуса и церкви. Когда обреченность режима стала очевидной, эти круги смогли сами отстранить Муссолини от власти.

Национал-социализм возник в Германии. Он имеет родство с фашизмом, но многое заимствует у советского коммунизма и прежде всего революционные и социалистические компоненты, формы организации тоталитарной партии и государства. Хотя место класса здесь занимает нация, место классовой ненависти – национально-расовая. Агрессивность в советской идеологической системе направлена прежде всего внутрь, против собственных граждан, в национал-социалистической – вовне, против других народов.

---

⁹⁴ Муссолини Б. Доктрина фашизма. Антология мировой политической мысли... С. 251.

Официальная идеология национал-социализма была разработана Альфредом Розенбергом, последователем Ницше, расистов Чемберлена и Гобино в книге «Миф двадцатого века», вышедшей в 1930 году. Основным отличием немецкого национал-социализма от итальянского фашизма считается тот факт, что государство рассматривалось последним «производным продуктом» от расы, т.е. антропологическая раса приоритетна, она источник и нации и государства. «Быть расой, – написано в «Хрестоматии немецкой молодежи», – значит уметь мыслить определенным образом. Тот, кто обладает мужеством, верой и честью во всем, что характерно для истинного немца, принадлежит к расе которая должна господствовать в Германии... Любопытно, кто смешивается с чуждыми низшими расами, унижает кровь и душу, которые были даны ему для передачи детям. Его дети становятся нечистыми, и он совершает самое тяжкое преступление с точки зрения национал-социализма»⁹⁵.

Нация превратилась в руках Гитлера и его сообщников в тот миф, которого не доставало буржуазной и рабочей Германии и который делает страну готовой к борьбе. Нацизм провозглашает политику завоеваний, презирающую нормы международного общения и права, цель которых – обеспечение господствующих позиций арийской расы – обосновывается немецким генералом Карлом Хаусхофером с помощью новой науки – геополитики, оправдывающей агрессивный курс Германии необходимостью обеспечения «жизненного пространства» для немцев.

Культ грубой силы, заимствованный у знаменитого немецкого философа Освальда Шпенглера, автора книги «Закат Европы», называвшего чувство симпатии беззубым, а образцом высшей формы жизни считавшего человека, который был бы «хищным зверем, храбрым, хитрым и жестоким», дополненный абсолютизацией силового фактора в истории и отрицанием всякого гуманизма в сочетании с расизмом и антисемитизмом породил один из самых кровавых и человеконенавистнических режимов.

Какова бы ни была модель тоталитарного общества, все тоталитарные идеологии покоятся на ошибочных теоретических постулатах, которые превращают в догмы, не подлежащие творческому переосмыслению. Они отрицают такие достижения человеческой цивилизации, как рынок, свободная конкуренция, свобода личности, плюрализм мнений, что, в конечном счете, перекрывает все возможности развития, ведет к стагнации. Они антигуманны, аморальны, ориентированы на массовое сознание, инстинкты толпы, их воздействие разрушает личность.

Их способность к мобилизации ресурсов и общества всегда непродолжительна во времени, а ее негативные последствия всегда более глубоки и длительны, нежели результаты.

---

⁹⁵ Категории политической науки... С. 573.

Вопросы для самопроверки

1. Ханна Арендт о тоталитарности идеологии как таковой.
2. Перечислите основные принципы тоталитаризма как идейно-политической модели.
3. Назовите тоталитарные концепции в истории политической мысли.
4. И. Ильин о сущности тоталитарного государства и о тоталитарности социалистической идеи.
5. Общие черты тоталитарных идеологий.
6. Фашизм и национал-социализм – сходство и различие.

РАЗДЕЛ 3. ИДЕОЛОГИИ СОЦИАЛЬНЫХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

Тема 10. Альтернативные идеологии XX в

Новая волна всеобщего кризиса, охватившая капиталистический мир в 70–80-е годы XX столетия, обострила целый комплекс проблем, переросших классовые и национальные рамки. Системный характер кризиса делал невозможным поиски выхода в границах прежних государственных и общественных институтов (организаций, партий, профсоюзов, традиционного рабочего движения), а также социально-политических теорий.

Недовольство, исходившее от различных социальных слоев, концентрировалось вокруг узловых проблем, все больше приобретавших внешне-национальный, общечеловеческий характер: милитаристской политики государств, хищнического отношения к природным ресурсам и невозможности контроля со стороны общества за экологическими результатами экономической деятельности, наступления монополистического капитала на демократические права, недоступности образования и кризиса старых буржуазных ценностей, культуры и традиционной религии.

Возник, как полагает белорусский политолог В.А. Мельник, комплекс взаимообусловленных проблем, которые не входили в предмет анализа прежних идейно-политических концепций. В экономике – продолжение экономического роста в новых условиях или отказ от него, поиск возобновляемых источников энергии, разработка «мягких» технологий, определение оптимальных соотношений между концентрацией и децентрализацией производства. В международных отношениях – сохранение мира, отказ от ядерного оружия, преодоление разрыва в уровнях экономического развития между Севером и Югом, поиски форм сосуществования Запада и Востока. В политической сфере – дальнейшее развитие и воплощение демократических принципов, политического плюрализма, демократии участия. В социальной – достижение нового общественного консенсуса, связанного с изменениями в социальном составе населения, обеспечение равноправия женщин, выработка нового отношения к труду, ликвидация безработицы, раскрепощение личности, самореализация, социальная ответственность. В культурной – демассификация культуры, формирование контркультуры⁹⁶.

Многие из этих проблем существовали и раньше, но в 70-е годы принципиально изменились их масштабы и острота. К тому же они при-

---

⁹⁶ См.: Мельник В.А. Социально-политические идеи альтернативных движений // Политология. – Минск. С. 447.

обрели всемирный, а не локальный, как было прежде, или региональный характер. Это обстоятельство и подвело современную социально-политическую мысль к новому рубежу, к поиску ответов на возникшие проблемы вне рамок прежних идеологических концепций и постулатов.

Формой протеста стало создание многочисленных нетрадиционных организаций и движений, предлагавших свои проекты, направленные не столько на преодоление кризиса на путях усовершенствования либо разрушения капиталистического общества, сколько на уход в альтернативные капитализму формы общественного существования, изменение перспективы его развития. Социальную базу этих движений составляла молодежь, средние слои, ставшие в ходе отчаянных поисков собственной ниши носителями нового общественного сознания.

Возникнув в последней трети XX в. альтернативные концепции – это сложный идеологический феномен, выросший из идей «новых левых», которыми переболело общественное сознание XX века, с примесью некоторых элементов консервативной идеологии. Духовными отцами поколения альтернативистов стали известные представители Франкфуртской школы – М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Ю. Хабермас.

В отличие от «новых левых» идеологи альтернативизма полагали, что эпицентр конфликта в «современном буржуазном обществе» находится в стороне от противоречий, существующих между рабочим классом и буржуазией, так как, по мнению наиболее известного во Франции представителя этого течения А. Горца, «преобразующей силой в обществе выступает не рабочий класс, а сторонники и участники непролетарского протеста» – «аутсайдеры»⁹⁷.

Западногерманский идеолог К.В. Бранд выявлял три измерения или три линии социального конфликта. Первая проходит между технократической элитой в промышленности и теми, кто подвергается маргинализации, либо теми, чей статус ограничен (молодежь, женщины, этнические меньшинства и т.д.). Вторая – между ориентирующимися на материальное благополучие и отвергающими его, чаще это – молодежь. Третья – между модернизмом и антимодернизмом, иначе говоря, между техницизмом и антитехницизмом. Следовательно, главный социальный конфликт в буржуазном обществе последней трети XX столетия он видит между новыми социальными движениями, основу которых составляет молодежь и буржуазией (и близкими к ней слоями). Именно в этих новых социальных движениях он видит «единственную преобразующую силу», противопоставляя ее рабочему классу⁹⁸.

Эти идеологии таким образом объединяли уже не классы или партии и даже не социальные группы, это были объединения единомыш-

---

⁹⁷ Цит. по: Худавердян В.Ц. Современные альтернативные движения. – М., 1986. С. 46.

⁹⁸ Там же. С. 47

ленников, образующиеся на основе общей приверженности к определенным социальным ценностям. Таковыми стали: мир на Земле и выступление против любых войн; всестороннее равноправие женщин и повышение их роли в социальной и политической сферах; защита окружающей среды. Наиболее массовые идейно-политические течения, сформировавшиеся на базе этих ценностей, получили названия «**пацифизма**» (от лат. *pacis* – мир, *facio* – делаю), «**феминизма**» (от лат. *femina* – женщина), **экологизма** (экология – от греч. *oikos* – дом, местопребывание, *logos* – наука), изучающая закономерности взаимодействия общества и окружающей среды и практические проблемы ее охраны).

Увеличение числа проблем расширяло круг ценностей и, соответственно, участников. Появились движения сторонников утверждения контркультурных стилей жизни, развития альтернативных систем образования, культивирования новых религиозных систем.

Несмотря на все многообразие и пестроту, этот достаточно многоаспектный комплекс идей имел объединяющий мотив: гуманистическую ориентацию, выражавшуюся в понимании справедливости, социальной гармонии, свободы, исходным и ведущим понятием которой являлся человек. Это обусловило определенную общность мировоззренческих позиций, форм и методов социального действия.

Характерной чертой альтернативного мировоззрения стал «Анти-технизм» или «Технический пессимизм», основанный на неоспоримости выводов теоретиков «Франкфуртской школы» о том, что индустриальный тип развития неизбежно приводит к концентрации и централизации производства, сращиванию крупного производства и государства, образованию на этой базе «*мегамашины*», противостоящей индивиду, что в сочетании с углубляющимся разделением труда ведет к отчуждению сущностных сил человека. Поэтому теоретики альтернативных движений предпочитают говорить о современном обществе как о «системе», которая представляет безликую централизованную структуру, где личность не имеет возможности не только реализовать цель своего развития, но и зачастую даже осознать свои интересы. При этом социальная природа «системы» отождествляется как с капитализмом, так и с социализмом, под которым в идеологических концепциях альтернативных движений понимается административно-командная модель общественного устройства. С их позиций и то и другое – две разновидности индустриального общества, которые ориентируются на экономический рост, максимизацию потребления.

Однако являясь преемником критического подхода к государству, техническому прогрессу, отчуждению, они переставляют акценты с оптимистичной в целом идеи новых левых» о возможности (в той или иной форме) общественных перемен на идею истощенности и бесперспективности индустриального общества независимо от того, в чьих

руках находится политическая власть. Эта «система», с точки зрения альтернативистов, антигуманна и безнравственна вследствие безудержного экономического развития, превращающего человека из цели в средство своего развития. Такому подходу ближе идеи американского ученого Теодора Розака, считающего, что обожествив науку и технику, человек породил «демоническую силу», которая стала преградой между ним и природой, привела современное общество к экологическому кризису, большинство населения земли – к бедности, техническому элитизму, психологическому отчуждению, к «смерти духа»⁹⁹. Авторы этих концепций утверждают, что предотвратить экологическую катастрофу можно только затормозив технологическое развитие, отказавшись от экономического роста и выработав новые принципы социального поведения, в соответствии с которыми, например, на смену «общества потребления» должно прийти «общество воздержания», или призыв к понижению уровня жизни в развитых странах и замораживанию его в развивающихся. В наиболее радикальном варианте проблема ставилась так: «экология вместо экономики», что представляет собой установку на консервацию процессов экономического, социального развития как внутри отдельных стран, так и в мире в целом.

По отношению к данной «системе» альтернативные экономические, социально-политические и духовные установки рассматриваются в качестве антисистемной или внесистемной силы. Понимая, что невозможно бороться с «организованным обществом», невозможно стать свободным и освободить свое сознание, находясь внутри него, они предлагают «выход» за его пределы. Варианты и уровни такого «выхода» разнообразны. Отрицание таких норм и ценностей буржуазного общества, как карьера, материальное благополучие, потребление, культура и искусство, этика, проявляется как в форме поведенческого эпатажа «панков», «рокеров», наркоманов и религиозной изоляции (молодежные секты), так и на более глубоком структурном уровне – созидании новой контрэкономической модели общества – ремесленных и сельскохозяйственных коммун на основах «базисной демократии». Допускается одновременное существование «формального» – институционального и «неформального» – альтернативного секторов. Однако со временем последний должен разрастись, занять ведущее место в обществе и, в конечном итоге, «уничтожить старую систему».

Таким образом, антиэтатизм, разукрупнение и самоуправление – ключевые составляющие новой организации, позволяющие создать атмосферу солидарности и взаимопомощи и *снять отчуждение личности*, неизбежное, по мнению проводников альтернативных идей, в больших социальных системах.

---

⁹⁹ См.: Худаверядн В.Ц. Указ. раб. С. 70.

Аналогичные подходы предлагали альтернативисты и в организации деятельности людей в других областях общественной жизни. В сфере услуг – это формирование туристских бюро, осуществление проектов социальной самопомощи молодежи и безработных, создание спортивных организаций, мелких предприятий торговли. В сфере общественно-политической деятельности – функционирование различных гражданских комитетов, политических групп, «инициатив заинтересованных» и т.д. В области науки и культуры учреждались самостоятельные исследовательские институты, издательства, информационные центры, альтернативные газеты и журналы, кинотеатры, видео- и дискотеки, школы и детские сады. Все это, по расчетам альтернативистов, должно было привести к раскрепощению человека, освобождению его от жестокого давления нынешней социальной системы, установлению гармонии в его отношениях с природой и обществом.

И хотя предложенный альтернативной идеологией путь социального переустройства не может быть признан действительно разумной альтернативой существующему обществу, а попытки культивирования иных форм общественной жизни, которые были бы свободны от влияния закономерностей данного общества, а также и надежды на преобразование структурных общественных отношений путем убеждения «жить по-новому» – не что иное, как очередной вариант социальной утопии, эта идеология привнесла в сознание масс ряд позитивных элементов.

Выступая сторонниками концепции «планетарного сознания», они перенесли акценты в сферу всеобщей моральной ответственности за судьбу планеты. Говоря о проблеме выбора политического пути преобразования общества между революцией и реформой, один из ведущих идеологов-альтернативистов А. Горц в своей книге «Экология и политика» призывает помнить, что главное – спасти планету раньше, чем она станет непригодной для жизни людей.

Альтернативные движения в своем подавляющем большинстве выступали за сохранение мира, разрядку международной напряженности.

Все формы политического действия альтернативистов имели ненасильственный характер. В основе такого подхода лежало убеждение в том, что достичь высоконравственных целей переустройства современного общества можно только ненасильственными средствами. Слишком высокую цену приходится платить за революционные и насильственные действия.

Основой своей внутренней организации альтернативные социальные движения считали *«принцип базисной демократии»*, означавший прямую децентрализованную демократию, стержневой идеей которой является постоянный контроль за должностными и выборными лицами, за руководящим ядром со стороны масс и возможность сменяемости руководства любого уровня в любое время. Существенными элемента-

ми внутрипартийной базисной демократии являются принципы гласности и консенсуса»¹⁰⁰. Понятие «базисная демократия» не только как организационный принцип новых социальных движений. Этот термин понимается и как политическая организация общества, и как социально-политическая деятельность масс, и как программа ненасильственных действий по внедрению новых ценностей в сознание масс путем парламентских акций.

Хотя пик активности альтернативного движения пришелся на 70–80-е годы, социально-политические идеи, вдохновившие их, остались важным фактором политической жизни современного общества, не утратив перспективности и дав толчок новым подходам к развитию общества. Проекты альтернативного мира оказали влияние на политику, экономику, культуру во многих странах. На этой волне в новой форме возрождается социалистический идеал, получивший название «эко-социалистическое общество». Пессимистические, «алармистские» (от фр. *alarme* – тревога) настроения, порождавшие на первом этапе требование ограничить и приостановить технический прогресс, побудили к поиску проектов радикальной перестройки технологий, избавлению ее от просчетов, приведших к загрязнению окружающей среды («программа альтернативной науки и технологии», «модель замкнутых производственных циклов»), приемлемых с экологической точки зрения. Принципы экологического мышления находят свое выражение в экологической экономике, которая принимает в расчет расходы не только на освоение природы, но и на охрану и восстановление экосферы, подчеркивает важность критериев не только прибыльности и производительности, но и экологической обоснованности технических нововведений, экологического контроля над планированием развития промышленности и природопользования.

Экологическое мышление заложило мировоззренческие основы принципиально нового мышления, которое является необходимым условием решения глобальных проблем современности, определяющих возможности выживания как самого человека, так и всего живого на Земле. Признание приоритета общечеловеческих ценностей, утверждаемое новым мышлением, стало основой широкого международного сотрудничества различных социальных, политических, национальных, классовых и других сил в преодолении тех экологических опасностей, которыми чревата гонка вооружений, неконтролируемый научно-технический прогресс, многочисленные антропогенные воздействия на среду обитания человека.

---

¹⁰⁰ См.: Мельник В.А. Указ. соч. С. 452.

Вопросы для самопроверки

1. Назовите причины, вызвавшие появление «альтернативных идеологий».
2. В чем суть концепции «антитехницизма» и отличие подходов альтернативистов от критики «новых левых»?
3. Путь социальных преобразований, предложенный идеологами – альтернативистами.
4. Разновидности альтернативных движений.
5. В чем состоял утопизм концепций альтернативных идеологий?

Тема 11. Идеологические аспекты религиозных доктрин

Наличие взаимосвязи между религией и политикой очевидно. Религия никогда не сводилась лишь к вере в Бога и в потустороннюю жизнь, к совершению религиозных обрядов. Именно социальные учения позволяли монотеистическим религиям овладевать массами и тем самым влиять на расстановку сил в обществе. Религия по-своему объясняет реально существующий мир и регулирует не мнимые, а реальные отношения между людьми. Без религиозной интерпретации чисто земных отношений между людьми религия не смогла бы выполнять сложные социальные функции, в том числе и интегрирующую, потеряла бы свою привлекательность, перестала бы существовать. Сами причины возникновения новых религиозных движений, как правило, носили социально-политический характер. Такие движения появлялись в ответ на назревшие потребности общественной жизни. Фактически каждая вновь возникшая религиозная секта выступает как социально-политическая ячейка, а система ее воззрений – это новая социально-политическая доктрина, появляющаяся в религиозной форме. Такова, в сущности, история возникновения христианства, ислама, буддизма, других религий.

Христианство появилось в I веке н.э., провозгласив равенство всех людей перед Богом: Нет уже ни иудея, ни язычника; нет ни раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского. Ибо все – одно во Христе и в Иисусе. Раннее христианство выступало против рабства («не делайтесь рабами человеков»), возвысило престижность труда («если кто не хочет трудиться, тот да не ешь»), осудило богатство («не можете служить Богу и Мамоне», «удобнее верблюду пройти через игольное ушко, нежели богатому войти в царствие Божие»). Будучи религией негосударственной, оно заложило новые отношения между государством и обществом: культ впервые отходил от власти, и индивид отгораживал для себя участок, в котором считал себя свободным от государства.

Однако превращение в государственную религию сопровождалось вращением в государство и изменением отношения к власти: «Всякая

душа, да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога», посему «противоречащие властям, противоречат божьему установлению».

Ислам, возникший позже христианства, в VII веке н.э., многое заимствовал из Библии как в части догматики, так и в части социальной доктрины. Это относится, например, к идее страшного суда, представлениям о рае и аде, о сатане (шайтане), бесах (джиннах). В социальной сфере дух раннехристианского эгалитаризма также был присущ и основателю ислама пророку Мухаммеду. По крайней мере, на первых порах своей деятельности в роли пророка он активно выступал в защиту бедных, хотя в ряде социальных принципов его учения признаются имущественные различия, богатство и бедность как естественный факт, установленный Аллахом.

Самая древняя из трех мировых религий, буддизм, зародившийся в первом тысячелетии до нашей эры в Индии, возникла как своеобразный бунт против религии брахманизма, погрязшей в суевериях, обрядности и корысти высших сословий. Буддизм выступил с проповедью равенства в духовной, религиозной сфере: люди равны в силу того, что все независимо от социального положения, живут в мире страдания, и все способны к освобождению путем самосовершенствования. Буддизм призывал не к изменению общественного строя, а к отрешенности от земных страстей и интересов.

Взгляды буддизма на общественную жизнь и на задачи человека в этой жизни непосредственно вытекают из этого вероучения: всякое существование есть страдание, его причина заложена в самом человеке. Этим буддизм доводит критическую оценку того мира, в котором живет человек, до логического завершения. Все в этом мире обречено на мучение. Более того, любое человеческое чувство, страсть, желание усугубляют страдания. Поэтому для избавления от страданий человеку бесполезно обращаться к внешнему миру. Для этого человек должен, подобно Будде, заняться внутренним самосовершенствованием, отказаться от жадности жизни, стремления к наслаждениям, власти, богатству.

Буддизм не стремится преобразовать общественные отношения, чтобы улучшить их. Он не выдвигает и задачу исправления людей для того, чтобы они стали лучше в качестве членов человеческого сообщества. Буддизм пытается увести, отрешить человека от той социальной реальности, в которой он родился. В этой связи говорить о наличии социальной доктрины у буддизма, по нашему мнению, можно лишь условно. Учение буддизма имеет социальное значение лишь постольку, поскольку путь верующих-буддистов к спасению, к покою, к нирване ведет к определенным изменениям и в их реальных общественных отношениях.

Качественно новым этапом в усилении общественно-политической роли религии стало возникновение религиозной организации, высту-

пающей в качестве средства упорядочения отношений внутри религиозного объединения и его связей со светскими общностями и организациями. Заметим, что церковь как организация характеризуется всеми основными атрибутами, присущими социальному институту. Ее элементами являются: общее вероучение (идеология), религиозная деятельность (культовая и внекультовая), церковная структура (система управления жизнью, деятельностью, поведением верующих). В церкви действует определенная система регулятивных норм и правил (религиозная мораль, каноническое право и др.).

По мере развития церкви усиливались и ее политические функции. Постепенно власть церкви частично приобрела политический характер, так как она стала претендовать на роль высшего авторитета в укреплении не только семьи, но и общественной морали, в соблюдении норм и правил, в которых заинтересовано все общество. Церковь стала играть огромную роль и в укреплении авторитета государственной власти. Многие авторы, анализируя нынешнюю деятельность церкви, рассматривают ее как один из влиятельных компонентов политической системы общества. Осуществляя эту деятельность, церковь исходит из того, что людям нужны не только духовность и вера, но и религиозное обоснование их стремления к нормальному удовлетворению сугубо земных потребностей.

Выполнение указанных общественных функций, как известно, невозможно без соответствующей идеологии. Поэтому в деятельности любой церкви, особенно это характерно для католицизма, значительное место отводится разработке ее социально-политической доктрины. При этом религиозные идеологи, опираясь на священные книги и учение отцов церкви, исходят из возможности торжества социальной справедливости и гармонии уже в этой, земной, жизни. Социальное учение каждой церкви по-своему формулирует конечную «земную» цель для миллионов верующих, движение к которой становится смыслом их повседневной жизни. Тем самым обуславливается участие верующих во всех областях жизни светского общества, в том числе и в сфере политики. Боясь потерять контакт с основной массой населения, церковь корректирует содержание своих социальных доктрин, чутко реагируя на изменения, происходящие в мире. Отражением этого процесса в католицизме являются энциклики Папы Римского или послания, в которых официальное руководство католической церкви обозначает свою позицию по кругу наиболее злободневных вопросов своего времени.

В верхах католической церкви издавна боролись два течения: консервативное, выступающее против приспособления церкви к меняющейся действительности, и модернистское, обновленческое, отстаивающее необходимость считаться с реальными изменениями, происходящими в мире, учитывать как общественные сдвиги, так и процессы,

совершающиеся в сознании верующих. Документом, принятым под влиянием новых сил, свидетельствующим о пересмотре позиций, стала опубликованная в 1891 г. энциклика папы Льва XIII (1810—1903) «**Рерум новарум**» («О новых вещах»), по сей день являющаяся одним из основополагающих документов, переориентирующих католический клир с теологических проблем на проблемы общества. Следуя выдвинутому еще в энциклике «Свобода» (1888 г.) лозунгу «Идите из ризниц – в народ», в новой энциклике Лев III объявляет себя «папой рабочих». Он обращает внимание на то, что на фоне мощной индустриализации и технологических успехов, возникновения социалистических идеологий и рабочих движений положение трудящихся, незащищенность рабочих требуют справедливого решения в пользу «общего блага», «более равномерного распределения собственности», обеспечения «достаточно приличной и скромной жизни каждого».

Послание явилось идеологическим манифестом католической церкви, предлагающей свое видение социально-экономических отношений и институтов, место в них человека труда и собственника. Признавая священность частной собственности и оправдывая расширение капиталистического производства интересами государства, и, в конечном итоге общества («капитал не может обойтись без труда, а труд – без капитала), а социального неравенства – естественными законами («Как бы ни менялись формы правления в государстве, всегда останутся различие и неравенство; общество немислимо без этих различий»), Лев III призывает представителей различных и враждебных классов к социальному миру. «Как симметрия человеческого тела обусловлена расположением его частей, так и в государстве по самой природе классы эти должны жить в полном согласии, приспособляясь друг к другу и поддерживая равновесие целого»¹⁰¹.

Задача государства предупреждать столкновения классов и посредством законов. В основе государственной политики должно присутствовать понимание того, что ему «должны быть одинаково дороги и богатые и бедные», «правители должны заботиться о благе и выгодах рабочего класса, иначе будет нарушен закон справедливости, требующий того, чтобы каждому воздавали должное».

Нужно свято уважать права, чьи бы они ни были, при этом нужно особенно печься о неимущих и беспомощных: богатые могут защитить себя сами, им не нужна помощь государства, бедным же опереться не на что, кроме государственной власти.

Обращая внимание на вопросы трудового законодательства и гарантии прав рабочих (разумная продолжительность рабочего дня и

---

¹⁰¹ Рерум Новарум. Антология мировой политической мысли в пяти томах. Т. 2. Зарубежная политическая мысль XX века. – М., 1997. С. 42–56.

безопасные условия труда, отдых и заработная плата, достаточные для «приличной и скромной жизни»), Лев III осуждает стачки, приводящие к смутам, беспорядкам, нарушающим права собственности владельцев предприятий, ориентирует на мирные способы решения проблем через профсоюзы. Последним предлагается изменить роль и методы своей деятельности и вместо того, чтобы разжигать классовую ненависть, научиться достигать соглашения и заняться религиозным воспитанием рабочих.

В Послании явно просматривается негативное отношение к социализму как государственному строю, так и партийной идеологии. Энциклика ориентирует общество на законодательное совершенствование существующих отношений и нравственное совершенствование личности, что в перспективе в отличие от марксистского революционного пути уничтожения частной собственности и неравенства должно привести к увеличению класса собственников и ликвидации крайних форм бедности.

Нужно сказать, что с уходом папы Льва XIII католичество отступило на право-консервативные и порой, реакционные позиции либо сосредоточилось на сугубо своих проблемах, что обернулось резким ослаблением влияния католицизма в среде европейских рабочих. И только II Ватиканский собор во главе с Иоанном XXIII продолжил в конце 50-х годов XX столетия разработку социальной доктрины католичества. Энциклика «Матер эт магистра», учитывая перемены, происшедшие за 70 лет отказалась от прямых выпадов против социализма, характерных для предыдущих 50-ти лет, допуская усиление роли государства в управлении экономикой и в решении социальных проблем во имя общего блага, позитивно оценивала развитие системы социального обеспечения рабочих, деятельность профсоюзов, осуждала колониализм и неоколониализм, бедственное положение крестьян, особенно в экономически отсталых странах.

Второе послание Иоанна XXIII «Пацем ин терис» касается проблемы сохранения мира. Положения этого документа, осуждающие гонку вооружений, сформулированы так, как они звучат в политической лексике только через 20 с лишним лет¹⁰². Идеологическая толерантность, стремление сделать католическую церковь более либеральной и созвучной своему времени, выдвигающему на передний план проблемы мира и социального прогресса, вызвало волну нападок на Иоанна XXIII, которого реакционное католичество клеймило как «красного папу» и «прокоммуниста».

Завершая свою работу, уже при Павле VI, II Ватиканский собор принял так называемую «пастырскую конституцию «О церкви в совре-

---

¹⁰² См.: Григулевич И.Р. Папство. Век XX. – М., 1978. С. 345.

менном мире», в которой провозгласил принцип несвязанности церкви с какой-либо экономической, политической или социальной системой. При трактовке собственности конституция, учитывая настроения большей части верующих рабочих, признала в духе высказываний Иоанна XXIII законность всех видов собственности и санкционировала передачу за «справедливую компенсацию» частной собственности в руки государства.

Кроме того, впервые в официальном документе католической церкви была признана «не только необходимость диалога между верующими и неверующими, но и сотрудничества между ними в достижении более справедливых условий жизни людей»¹⁰³.

Важнейшим документом современного католицизма стала энциклика «Центесимус аннус» («Сотый год»), получившая широкий отклик в мире. В ней подведены итоги развития социальной католической мысли за 100 лет, включая то новое, что внес в католическую социальную доктрину сам папа Иоанн Павел II.

Современный мир видится им во взаимозависимости всех стран и народов, его составляющих, во всем его многообразии. Не только признается единство мира, но и делается важный вывод о необходимости международного сотрудничества, солидарности в решении глобальных проблем, стоящих перед населением Земли. Католическая социальная доктрина полагает императивом ликвидацию деления мира на военно-политические блоки, противостояния Север – Юг, ибо все это противоречит идее общечеловеческой солидарности. В этой и в энциклике «Центесимус аннус» делается принципиальный вывод о том, что мир и процветание – благо, принадлежащее всему человечеству.

Если в «Рерум новарум» мысль о том, что сохранение жизни есть священный долг всех и каждого и всякое нарушение его есть преступление, высказана в самой общей форме, то после появления оружия массового уничтожения подходы католицизма к этим проблемам становятся более конкретными. Энциклика «Центесимус аннус» выделяет следующие положения как важнейшие: подлинный мир никогда не является результатом военной победы; над миром продолжает тяготеть угроза ядерной войны, способной привести человечество к гибели, к его самоубийству, завершиться без победителей и побежденных; нужно отбросить идею о том, что борьба за уничтожение противника, конфронтация и сама война являются факторами прогресса и движения исторического процесса вперед; научно-техническая революция, которая могла бы содействовать благосостоянию человека, не должна быть превращена в орудие войны. Эти принципы, ориентирующие приверженцев католи-

---

¹⁰³ Ходоковский Л.Д. Ватикан и социальный вопрос в 80-е годы // Рабочий класс и современный мир, 1985. № 4. С. 127–128.

цизма на практическую линию поведения, легли в основу внешнеполитической деятельности государства Ватикан.

Примечательная черта католической социальной доктрины состоит в том, что ее идеологи концентрируют внимание на том, чего не должно быть. В этой связи подвергаются рассмотрению и критике основы капиталистической общественной системы. Причем за последние сто лет энциклика «Центесимус аннус», продолжая эту традицию, предельно четко констатирует, что негуманные стороны капитализма далеко еще не исчезли. Из анализа положения дел в развитых капиталистических странах в энциклике делается вывод, что следует избегать риска полагать, будто в этой системе ничего не нужно менять, ибо эта система не решила проблему качества жизни, потребления.

Какие же стороны капиталистической системы, по мнению Иоанна Павла II, подлежат улучшению? Прежде всего, это исключение опасности злоупотреблений и эгоизма собственников. Энциклика «Центесимус аннус» исходит из того, что права человека предусматривают «всеобщее предназначение земных благ» и потому обладание собственностью не является абсолютным правом в том смысле, что собственность не должна наносить какой-либо ущерб тем, кто не является ее владельцем. Далее энциклика высказывается против абсолютизации рынка, ибо одних лишь рыночных механизмов недостаточно для нормального функционирования природной и человеческой среды. Поэтому рыночный механизм должен постоянно находиться под контролем общества и государства.

Важное место в социальной доктрине католицизма занимают проблемы социальных конфликтов. В документы церкви вошло понятие «классовая борьба», причем церковь признает неизбежность возникновения социальных конфликтов и заявляет, что не намерена их осуждать. Признавая право трудящихся на забастовку, все же наиболее приемлемым методом социальной защиты трудящихся католическая доктрина считает политику реформ.

Прослеживается эволюция подхода католической церкви к проблеме человека. Если еще недавно человеку как творению Всевышнего отводилась преимущественно пассивная роль, то энциклика «Центесимус аннус» осуждает «оттеснение человека на периферию общества», а также любые формы его отчуждения. В этой связи закономерным является усиление внимания католицизма к защите прав человека. Хотя основными среди них провозглашаются религиозные свободы, тем не менее церковь высказывается в поддержку всего комплекса прав человека в том виде, как они сформулированы в соответствующих документах ООН и Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Это означает, что официальный католицизм в полном объеме признал принцип свободы совести, равноправие религий, вероисповеданий и даже атеизма.

С некоторых пор социальные документы католицизма стали выражать отношение к проблеме демократии. Раньше само понятие «демократия» в католической доктрине не употреблялось. Признание источником власти народа противоречило христианскому постулату о ее божественном происхождении. Не отказываясь от этого постулата, католицизм сумел опосредованным образом ввести в свой понятийный словарь новый для себя термин. Поэтому в «Центесимус аннус» можно найти рассуждения о том, что церковь ценит демократическую систему в той мере, в какой эта система дает гражданам право политического выбора и гарантирует им возможность избирать и контролировать правителей или, если понадобится, менять их мирным путем. В то же время, видя недостатки демократии, церковь заявляет о том, что она не станет потворствовать «образованию небольших правящих группировок, которые узурпируют государственную власть в своих интересах или в идеологических целях»¹⁰⁴. По существу, энциклика признает многовариантность путей общественного развития, возможность различных моделей организации общества. «Нельзя считать, – говорится в документе, – что с провалом так называемого «реального социализма» капитализм остается единственной моделью экономической организации»¹⁰⁵.

В русле данного положения в энциклике «Центесимус аннус» рассматривается вопрос об общественной модели, которую следует предложить странам Центральной и Восточной Европы, а также третьего мира, ищущим пути к подлинному прогрессу в экономической и социальной сферах. Вопрос этот энциклика формулирует предельно однозначно: может ли служить в качестве таковой капитализм? «Очевидно, – говорится в документе, – что ответ сложен. Если под «капитализмом» понимать экономическую систему, которая признает важнейшую и положительную роль дела, рынка, частной собственности и вытекающей из этого ответственности за средства производства, а также свободной и творческой деятельности на уровне экономики, тогда ответ, конечно, – «да», хотя лучше бы в этом случае говорить об «экономике предпринимательства» и «рыночной экономике» или просто «свободной». А вот если под «капитализмом» понимать систему, где свобода в экономической сфере не подчинена строгим нормам закона, которые ставили бы ее на службу человеку во всей его полноте и считали бы ее лишь особым аспектом человеческой свободы, основанной на нравственности и религии, ответ, конечно, будет «нет»¹⁰⁶.

В этой связи энциклика предостерегает от опасности распространения радикальной капиталистической идеологии, которая не желает за-

---

¹⁰⁴ Сто лет христианского учения. – М., 1991. С.55.

¹⁰⁵ Там же. С. 48.

¹⁰⁶ Там же. С. 53.

ниматься проблемами нищеты, эксплуатации и отчуждения, считая, что решить их заведомо невозможно, слепо перепоручая все свободным рыночным силам.

Выразителями католической социальной доктрины на политической арене в послевоенный период стали *демохристианские* партии и группировки, выступившие за умеренные демократические преобразования. Приверженность католицизму обеспечила им поддержку церковной иерархии, части религиозно ориентированных предпринимательских кругов, которые предпочитали их левым силам. За демохристиан стали голосовать крестьяне, в ряде стран традиционно находящиеся под влиянием католической церкви средние слои, опасющиеся резких социальных перемен, и значительная часть рабочих. Почти во всех странах, где распространено католическое вероисповедание, сегодня имеются профсоюзы, в той или иной степени ориентирующиеся на католическое социальное учение. Так же активно проявляют себя такие организации, как Христианская рабочая молодежь, Рабочее католическое действие, другие светские, нецерковные католические организации.

В отличие от католицизма у **православия** нет единого центра управления и оно не выступает как единая церковь. В настоящее время в православном мире 15 автокефальных (самостоятельных) церквей, среди которых наиболее крупной и влиятельной является русская православная церковь. Автокефальные церкви возглавляются патриархами или иерархами, имеющими иной высокий духовный сан. Для всех православных церквей общими являются вероучение, культ, но при этом они сохраняют каноническую самостоятельность. Константинопольский патриарх, если и считается вселенским, то это понимается как «первый среди равных», и ему не предоставлено право вмешиваться в деятельность других православных церквей. Следовательно, говорить об общей для всех православных церквей социальной доктрине, идеи которой носили бы обязательный для них характер, не приходится. Между тем социально-политические идеи различных православных церквей существенно друг от друга не отличаются. В современном православии преобладающее место занимает тенденция обновления общественно-политических воззрений. Попытаемся показать трактовку православием некоторых социально-политических проблем на примере Русской православной церкви.

У православия отсутствует строго упорядоченная система принятия и реализации социально-политических документов, как это имеет место у католицизма. Православные теологи считают, что разработка собственной социальной программы не входит в обязанности церкви, поскольку это не предусмотрено Евангелием. В то же время они полагают, что церковь может и должна в области общественной жизни осуществлять свое призвание. Поэтому православные церкви время от времени

принимают документы социально-политического характера. Позиции русской православной церкви по социально-политическим проблемам излагаются в таких материалах, как послания и обращения Святейшего патриарха и Священного синода, документы Поместных соборов и других. Сама церковь особое значение придает Посланию Святейшего патриарха и Священного синода «О войне и мире в ядерный век», таким документам Поместного собора русской православной церкви, посвященным тысячелетию крещения Руси (1988), как определения Поместного собора, обращение Поместного собора к председателю Третьей специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению, заявление Поместного собора по насущным проблемам современности.

Согласно выводам видного русского религиозного мыслителя и правоведа И.А. Ильина (1883–1954) православная церковь никогда не притязала ни на светское господство, ни на борьбу за государственную власть, подобно политическим партиям. Исконное русско-православное разрешение данного вопроса таково: церковь и государство имеют особые и различные общественные задания, но помогают друг другу в борьбе за благо; государство правит, но не повелевает церкви и не занимается принудительным миссионерством; церковь организует свое дело свободно и самостоятельно, соблюдает светскую лояльность, но судит обо всем своим христианским мерилom и подает благие советы, а может быть и обличения властителям и благое научение мирянам. Ее оружие – не меч, не партийная политика и не орденская интрига, а совесть, наставление, обличение и отлучение. Данных принципов в своих взаимоотношениях с государством православие придерживается на протяжении столетий. Имевшиеся в некоторые периоды истории отклонения от этого порядка квалифицируются И. А. Ильиным как явления нездоровые¹⁰⁷

После 1917 г. перед русской православной церковью, православными церквями ряда других стран встала проблема отношения к новому политическому режиму, к политике советского государства. Решалась эта проблема неоднозначно, взаимоотношения церкви с государством в различные периоды были разными. Имели место взаимное непонимание, даже антагонизм, ошибки и неправильные действия с обеих сторон. Наиболее трудным был период с 1917 г. до середины 20-х годов. Затем церковь провозгласила тезис о непротиворечивости социализма (коммунизма) и христианского учения, способных при взаимном уважении создать наилучшие условия жизни на земле. Постепенно русская православная церковь перешла на лояльные позиции к новому общественному и государственному строю, а затем стала поддерживать внутреннюю и внешнюю политику советского государства.

---

¹⁰⁷ См.: Ильин И. Наши задачи. В 2-х т. – М., 1992. Т. 1. С. 199–300.

Нормализация отношений между церковью и советским государством связывается с именем митрополита Сергия, который с 1925 г. являлся заместителем, с 1937 – патриаршим местоблюстителем и с сентября 1943 по май 1944 – патриархом Московским и всея Руси. Обращение Временного патриаршего синода от 29 июля 1927 г., известное под названием «Декларация митрополита Сергия», однозначно утверждало: «Нам нужно не на словах, а на деле показать, что верными гражданами Советского Союза, лояльными к советской власти могут быть не только равнодушные к православию люди, не только изменники ему, но и самые ревностные приверженцы его... Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радости и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи»¹⁰⁸.

Со вступлением страны в полосу коренных социально-экономических преобразований, демократизации всех сторон общественной жизни начался и новый период в отношениях между церковью и государством. С принятием законов о свободе совести и религиозных организациях были устранены существовавшие препоны для деятельности как православной церкви, так и других религиозных конфессий. Со своей стороны церковь с самого начала активно поддержала политику преобразования общества. В предъюбилейном послании тогдашнего патриарха Московского и всея Руси Пимена и Священного синода к 1000-летию крещения Руси (1988) говорится: «Каждый из нас, чад церковных, ныне призван своим гражданским и религиозным долгом ревностно участвовать в развитии и совершенствовании нашего общества. Нас воодушевляет процесс укрепления духовных и нравственных основ в личной, семейной и общественной жизни нашего народа, стремление нашей страны укрепить общечеловеческие нравственные нормы в международных отношениях»¹⁰⁹. Безоговорочно приветствовала русская православная церковь новую политическую ситуацию, которая первоначально возникла в стране после известных событий в августе 1991 г. Одновременно церковь предупредила об опасности, нависшей над нашими народами, угрозе разрушения исторически сложившегося единого Отечества, она выступила со страстным призывом спасти страну от хаоса и междоусобицы. В речи патриарха Московского и всея Руси Алексия II на внеочередном Съезде народных депутатов СССР 2 сентября 1991 г., в частности следующие слова: «Наша Церковь всецело поддерживает естественное стремление каждого народа к национальной самостоятельности, к созданию условий для благоприятного раскрытия своего творческого потенциала и построения жизни, максимально соот-

---

¹⁰⁸ Под патриаршим омофором. – М., 1989.

¹⁰⁹ Там же.

ветствующей национальному достоинству. Вместе с тем считаю своим долгом сказать, что, хотя существующая модель Союза дискредитировала себя, ее естественное отрицание не должно вести к разрушению реально существующей, органической общности. Народы, населяющие наше общее Отечество, многовековым трудом создали национальное достояние, которое принадлежит всем им вместе и никому из них в отдельности. Неужели мы должны еще раз претерпеть голод и братоубийственные раздоры, чтобы убедиться в общности и нераздельности нашей исторической судьбы?»¹¹⁰.

В послеавгустовский (1991 г.) период первостепенной задачей деятельности русской православной церкви в сфере политики становится содействие укреплению государственного единства страны, преодолению сепаратизма, обеспечению исторического будущего Отечества. По существу, развернутым изложением позиции церкви по основным проблемам политики государства на современном этапе является заявление, принятое благословленным церковью Первым Всемирным Русским собором, состоявшимся 26–28 мая 1993 г. в Московском Свято-Даниловом монастыре. Церковь считает, что любая государственная стратегия российской державы должна опираться на историческое и духовное наследие своего народа, с утратой которого политика превращается в эксперимент. «Никогда не возродится Россия, – говорится в указанном документе, – если не будут созданы условия для полнокровного развития присущего только нашему народу мироощущения»¹¹¹. Поэтому Церковь, как и в предыдущие периоды истории Отечества, стремится выполнять миссию хранительницы духовной самобытности народа, вдохновительницы русской жизни и гаранта ее преемственности.

В социально-экономической сфере церковь считает необходимым поддерживать созидательные усилия по подъему народного хозяйства, всех видов многоукладной экономики, созданию преимущественных условий для промышленных и сельских производителей, для развития национального предпринимательства. Причем последнее должно быть ориентировано на удовлетворение разумных потребностей, а не на погоню за любым, в том числе несправедливым, обогащением. Одновременно церковь выступает за сохранение важнейших социально справедливых завоеваний, таких как бесплатное медицинское обслуживание, образование, обеспеченность в старости, защита детей и другие. Она освящает трудовую деятельность как форму служения Богу, как нравственную ценность, как высокое предназначение для любого человека.

---

¹¹⁰ Алексей П. Выступление на внеочередном съезде народных депутатов 2 сент. 1991 // Известия, 1991. сент. С. 6.

¹¹¹ Соборный разум – спасение России // Правда, 1993, 1 июня.

Православные церкви других стран также активно способствуют решению существующих социальных проблем, гармонизации общественных отношений. Они выступают за оздоровление общества на основе его «христианизации», т.е. путем нравственного совершенствования личности. При этом они исходят из того, что усвоение всеми без исключения людьми основных требований христианской морали, согласование политических и экономических проблем современности с этическими положениями Евангелия открывают перспективу утверждения свободы и независимости, согласия и сотрудничества, словом, становления общества социальной гармонии и справедливости.

Среди социально-политической проблематики русской православной церкви проблемы войны и мира занимают одно из центральных мест. Ее позиция по этому вопросу изложена в послании Святейшего патриарха и Священного синода «О войне и мире в ядерный век». Основное его содержание сводится к тому, что ядерное оружие не должно быть применено ни при каких обстоятельствах, и все доктрины, допускающие его использование, не могут быть поддержаны. Церковь выступает за полное очищение земли от ядерного оружия и недопущение перенесения его в космос. Церковь также считает, что до появления ядерного оружия к понятию «война» можно было применять нравственные категории справедливости и несправедливости. Картина страшного и непоправимого бедствия, которое может нести ядерная катастрофа, настолько ужасна, что теперь к войне не может быть применимо понятие справедливости.

Поэтому неудивительно, что русская православная церковь всеми доступными ей средствами поддерживает процессы ядерного разоружения, укрепления международной безопасности, утверждения принципов сотрудничества между народами. В этой своей деятельности церковь исходит из положения, что вероисповедная принадлежность, равно как нерелигиозность людей доброй воли, не может быть препятствием на пути совместного служения человеческому сообществу на местном, национальном или международном уровне. Она считает своей постоянной задачей воспитание верующих людей в духе мира и справедливости, дружбы и сотрудничества между народами, ведущих от недоверия и конфронтации к братской любви, взаимному пониманию и совместному созиданию мирного будущего.

Это понятие прочно вошло в лексикон социальной доктрины православия. Предметом особой озабоченности Русской православной церкви является экологическая проблема. Позиция церкви по данному вопросу изложена в Заявлении Поместного собора (1988 г.) по насущным проблемам современности, в котором, в частности, говорится: «Мир в условиях загрязнения воздушных и водных пространств, в условиях исчезновения лесных массивов, поступательного процесса исчез-

новения множества видов животных и растений, пагубного истощения традиционных источников энергии и полезных ископаемых, общего нарушения экологического баланса в природе – такой мир далек от истинного мира как плода праведного отношения человека к среде своего обитания.

Мы считаем, что, созидая свое будущее, человечество не должно слепо полагаться на научно-технический прогресс. Только гармоничное, мудрое сочетание деятельности по материальному благоустройству с непрерывным нравственным совершенствованием личности и общества может стать надежной гарантией сохранения нашей прекрасной планеты для будущих поколений, сознательного освоения природы посредством ее познания и труда и во исполнение первого благословения Божия, данного человеку»¹¹².

В последние годы возникли новые явления в деятельности и православной церкви, которые указывают на процесс ее политизации. Высшая православная церковная иерархия хотя и не запрещает участие в политической жизни, но и не относит его к обязанностям верующих. Вместе с тем служители культа не могут не учитывать того, что верующие не безразличны к происходящим в обществе социально-политическим процессам. В этих условиях неучастие церкви в политической жизни означало бы потерю своего влияния среди больших масс людей. Поэтому служители православного культа все активнее реагируют на общественные процессы. Не ограничиваясь поддержкой официального политического курса, они нередко и критикуют его, выдвигают различные требования (например обязательного изучения религии в школах, восстановления религиозных норм семейной жизни и т.д.).

Политизация православия находит свое выражение и в появлении на политической арене христианско-демократических организаций, в работе которых участвуют как служители культа, так и простые верующие. Это, например, такие организации, как Белорусский христианско-демократический союз, Российское христианское демократическое движение, Белорусская христианско-демократическая партия. Представляя собой не культовые объединения, а светские политические организации, они выполняют функции представительства интересов верующих кругов населения, защиты христианского образа жизни. Среди их программных целей – развитие частной собственности, переход к социальной рыночной экономике, возрождение духовной жизни общества, обеспечение свободы религиозного воспитания и образования, создание института армейского духовенства и другие.

---

¹¹² Поместный собор Русской православной церкви. Троице-Сергиева лавра. 6–9 июня 1988 года: Материалы. – М., 1990.

Нельзя не отметить и стремление государственных и партийных лидеров использовать растущий авторитет церкви для укрепления своих позиций, заручиться ее поддержкой на выборах и в парламентской борьбе. Это тоже новое явление для нашего общества. Сегодня еще трудно определенно сказать, пойдет ли это на пользу государству и церкви или, напротив, добавит обществу новых проблем.

Ислам как религиозная доктрина и форма социальной организации всегда играл на мусульманском Востоке несколько иную роль, нежели христианство в Европе. Даже в наиболее теократический период средневековья в Европе существовала сфера светского, основанная на библейском принципе, – «Богу – богово, а Кесарю – кесарево». Исламу чуждо разделение на светскую и духовную власть, это одновременно и религия и государство в его и политическом, и социальном аспектах. Характерно, что термина «государство» мусульманские источники не знают, оперируя терминами «иммамат» (руководство молитвой) и «халифат» (преемство), которые позже стали использоваться для обозначения исламского государства. Наследуя принцип единовластия, современное государство в исламе не рассматривается в качестве института светской власти, так же как религия не считается чем-то относящимся к сфере духовной. Ислам является не только верой каждого отдельного человека, но и системой, затрагивающей все сферы общественной жизни, включая и жизнь каждого в отдельности и его взаимоотношения с обществом, в котором он живет.

В отличие от христианства и буддизма ислам ориентирован **не на преобразование духовной природы человека**, а на воплощение предначертаний пророка «здесь и сейчас». Мусульманство, как заметил еще русский философ Владимир Соловьев, «требует от верующего не бесконечного совершенствования, а только акта безусловном преданности Богу... и соблюдения в своей натуральной жизни всех тех внешних пределов, которые установлены божественными заповедями. Религия остается только неизменной основой и неподвижной рамкой человеческого существования, не его внутренним содержанием, смыслом и целью»¹¹³. Это не только вероисповедание, как таковое, но и особый образ жизни и мышления. Его называют «религией закона», мусульманские каноны регламентируют самые различные стороны быта, формируют психологию приверженцев ислама. Эта религия требует слепой веры в проведение: все, что совершается, неизбежно предначертано свыше и никем не может быть отклонено.

Все это обуславливает исключительную роль ислама в социально-политической жизни мусульманских стран. Здесь в наибольшей степени

---

¹¹³ Пластун В.Н. Эволюция деятельности экстремистских организаций в странах Востока. – Новосибирск, 2002. С. 172.

проявляется интегрирующая функция религии. Сила ислама не в количестве его приверженцев (число христиан или буддистов в мире вполне сопоставимо с числом мусульман), но, прежде всего, в заложенной еще Мухаммедом идейно-институциональной слитности мусульманской общины (уммы), которая теоретически объединяет всех мусульман мира независимо от их этнической и культурной принадлежности. При такой роли религии в обществе практически невозможно разграничить духовные и социально-политические функции служителей мусульманского культа – улемов. Они по-прежнему, как и сотни лет назад, влияют на духовную жизнь и играют активную роль в политике. Сегодня для многих мусульман обусловлено политическим опытом, а не верой в аллаха. Улемы определяют политику исходя из отношений внутри общества в соответствии с законом; государство – это инструмент. Благодаря которому в мусульманском обществе может править закон. Именно мусульмане, а точнее – мусульманское сообщество, представляет собой основу политического мышления; политика – это продолжение закона. Для исламистов природа общества предопределяется природой государства¹¹⁴. Более того, за последние годы это влияние заметно усилилось. А роль авторитетов ислама в определении политического курса своих стран стала еще более активной.

Основным источником социально-политических идей ислама являются священные книги мусульман – **Коран** и **Сунна**. Наряду с чисто религиозными правилами и предписаниями в них излагаются основы мусульманского права, указания по организации государственной и общественной жизни, регулированию социальных отношений, семейных и личных вопросов правоверных. Для мусульманина Коран – это своего рода энциклопедия, «книга книг», свод знаний, заповедей и инструкций чуть ли не на все случаи жизни. Из предписаний и запретов Корана образован канонический закон – **Шариат**, который и регулирует всю жизнь мусульман – общественную и личную.

Вторым, менее значимым по сравнению с Кораном источником мусульманской идеологии в социально-политической сфере является Сунна (араб. аиппа — путь, образец, пример). Вскоре после смерти Мухаммеда его современники, последователи и их потомки стали собирать устные предания (хадисы) о жизни и деятельности пророка, воспоминания о беседах с ним, о его мнениях и изречениях по тому или иному вопросу. Собранные впоследствии в шесть сборников, они как раз и составили Сунну, т. е. предание, касавшееся различных норм права, обычаев, правил поведения, эталоном которых выступал пророк. Вначале авторитет устных преданий был не слишком высок. Со временем их роль стала расти, и в конце концов хадисы Сунны оказались в руках

---

¹¹⁴ Марсден П. Талибан. Война и религия в Афганистане. – М., 2002. С. 40.

исламских богословов ценным материалом, помогающим им дополнять и толковать Коран и разрабатывать нормы мусульманского права (шариата).

Разумеется, социально-политические идеи исламского духовенства не остаются неизменными, как и сама общественная жизнь в мусульманских странах. Когда обстановка

в мире изменялась, теряла свои привычные устои и новое решительно требовало считаться с собой, исламская идеология тоже видоизменялась, трансформировалась и адаптировалась к новым условиям. Однако при всех своих модификациях положения социальной доктрины ислама обычно вписываются в заповеди Корана и нормы шариата. Это означает, что традиции ислама по-прежнему еще оказывают сильнейшее влияние на социально-политическую жизнь мусульманских стран. Традиционные исламские нормы здесь подчас искусственно реставрируются, как это можно видеть на примере некоторых стран, справедливо считающихся ныне радикальными и даже осуществляющими революцию.

Итак, основу социальной доктрины Корана составляют принципы и поучения, изложенные в Коране. Все исламские идеологи исходят из того, что социальные принципы, содержащиеся в этой священной книге, начали осуществляться в мусульманской общине пророка Мухаммеда. Главной чертой социальной жизни общины, по крайней мере, как это видно из поучений Мухаммеда, являлось стремление развивать в человеке духовное, нравственное начало, утверждать принципы равенства и братства между мусульманами. Надо отметить, что в Коране имущественные различия, богатство и бедность квалифицируются как естественный факт, установленный самим Аллахом. Частная собственность признается священной, а законы шариата, как известно, строго карают преступников (вору, например, предписывается отрубать кисть правой руки).

Однако это же учение устанавливает принцип з а к я т а (т. е. обязательную милостыню богатых в пользу бедных), запрещает ростовщичество (хотя торговая прибыль объявляется вполне законной), ограничивает размеры индивидуальных капиталов путем распространения права наследования на широкий круг родственников. Этическое учение ислама предписывает быть справедливым, милостиво относиться к своим единоверцам, воздавать за добро добром, быть щедрым, творить добрые дела, среди которых называются такие, как накормить бедных, почитать сирот. К этим требованиям причисляют хорошее отношение к родителям, особенно престарелым: «Если достигнет у тебя старости один из них или оба, то не говори им – тьфу! и не кричи на них, а говори им

слово благородное».1 Эти и другие социальные идеи используются правящими кругами мусульманских стран в целях сохранения и упрочения своей политической власти, существующих общественных порядков. Такие идеи весьма привлекательны для широких народных масс. В сущности они есть идеи социальной справедливости, достижения гармонии в обществе. Особенно сильно их влияние проявилось во второй половине XX в., когда на путь самостоятельного развития встали десятки бывших колониальных государств в Азии и Африке. Это связано, в частности, с тем, что на Востоке в силу исключительной роли ислама в жизни общества социальные и общенациональные установки просто не могут быть поняты широкими народными массами населения в иной форме, кроме религиозной.

Идеи Корана лежат в основе *исламской концепции политики*. Исходным постулатом в ней является утверждение, что вся власть принадлежит Аллаху. Из этого положения следует, что те, кому даны полномочия заниматься делами людей или сообщества, не являются их подлинными правителями. Истинным законодателем в мире ислама является Аллах, а законодательная деятельность людей, поскольку она делегирована верующим, должна осуществляться так же, как и вера в соответствии с положениями Корана и практикой пророка.

Постулатами Корана исламские теоретики обосновывают и свою *доктрину международных отношений*. Краеугольным камнем исламской концепции миропорядка является положение о делимости мира на общину мусульман – умму – и весь остальной мир. В Коране на сей счет имеются многочисленные указания. Более того, в нем подчеркивается, что мир разделен именно по воле Аллаха: «А если бы пожелал твой Господь, то Он сделал бы людей народом единым. А они не перестают разногласить». 2Положение о делимости мира, однако, не означает признания юридического равенства между исламской и неисламской его частями. Согласно исламской доктрине, государство не может претендовать на равенство, если оно не достигло определенного уровня цивилизованности. Свидетельством наличия требуемого уровня развития является признание единобожия, которое рассматривается в качестве предварительного условия мирных отношений между мусульманами и немусульманами. На практике это может означать не что иное, как требование принятия ислама немусульманскими народами.

---

1 *Коран. Перевод И.Ю. Крачковского.* - М., 199Сс. 234.

2 *Там же. С. 196.*

В связи с этим надо заметить, что принцип делимости мира по религиозному признаку не новый в практике международных отношений. Вплоть до начала текущего столетия в международном праве господствовала концепция деления народов на цивилизованные и нецивилизованные. Принципы международного права при этом применялись в отношениях между цивилизованными народами. Одним из критериев цивилизованности считалось исповедание христианства. Следовательно, зона распространения ислама не подпадала под действие международного права того периода. Теперь, оказывается, подобный принцип присутствует в исламской концепции международных отношений.

Теоретики ислама настаивают на мирном характере своей доктрины. В подтверждение этого они традиционно приводят следующие слова из священной книги мусульман: «Нет принуждения в религии. Уже ясно отличился прямой путь от заблуждения. Кто не верует в идолопоклонство и верует в Аллаха, тот ухватился за надежную опору, для которой нет сокрушения. Поистине, Аллах слышащий, знающий».³ Однако для ислама как религиозного течения характерно активное отношение к международному сообществу. Борьба в защиту и за распространение ислама (джихад) выступает в качестве неотъемлемого элемента исламского движения, является основным долгом и обязанностью каждого мусульманина. Все в зоне ислама – от мусульманина до правительства – должны стремиться к расширению этой зоны.

Нетрудно видеть, что признание существования мирового сообщества, делимости мира, в том числе его исламской части, уверения в мирной направленности доктрины и одновременно священная обязанность распространять ислам взаимно противоречат друг другу. Это подтверждается и политической практикой. Последняя дает немало примеров тому, что вооруженное насилие вошло в историю распространения ислама, в том числе и в новейшее время.

Естественно, что попытки осуществить идеи исламской концепции мирового порядка наталкиваются на противодействие со стороны немусульманских народов. На практике эта концепция оказалась неосуществимой. Столь же неосуществимой оказалась и идея создания единого исламского государства. Более того, при попытках образования поначалу только лишь блока исламских государств наблюдаются острые противоречия. Поэтому в настоящее время в мусульманском мире выделяется идея «исламской солидарности» как наиболее целесообразная для взаимоотношений между мусульманскими странами в современных условиях. Результатом движения «исламской солидарности» его теоретикам видится выход мусульманских организаций и стран из ООН и

---

3 Там же, с. 56.

образование Организации объединенных мусульманских наций со своим Советом Безопасности, создание мусульманского «общего рынка», объединенных мусульманских вооруженных сил с единым военным командованием.

Сегодня можно сказать, что концепция «исламской солидарности» стала важнейшим принципом политики стран мусульманского мира. Здесь развернулось весьма широкое движение по реализации ее целей. Практически положено начало процессу формирования Организации мусульманских объединенных наций. Важной вехой на этом пути явилось образование в 1972 г. международного объединения мусульманских государств – Организации Исламская конференция. Ныне ее членами являются фактически все мусульманские страны.

Что касается текущей политики различных мусульманских государств, то она, несмотря на общую идеологическую основу, отличается большим разнообразием. Некоторые государства имеют весьма натянутые отношения друг с другом, между отдельными существуют спорные территориальные вопросы, иные прошли через состоявшие военного конфликта (Иран и Ирак, например). Для отдельных государств характерна внутренняя политическая нестабильность, где одни мусульмане конфликтуют с другими мусульманами. Речь идет об известном споре между суннитами и шиитами о том, кому должна принадлежать власть в исламской общине.

Сунниты – люди Сунны – наиболее многочисленная группа приверженцев ислама. Ее сторонники не признают посредничества между Аллахом и людьми после смерти Мухаммеда, отрицают идею особой природы Али (четвертый пророк, двоюродный брат и зять Мухаммеда) и особого права его потомков на имамат (институт верховного руководства общиной мусульман, объединяющий духовную и светскую власть). Они выступают за участие общины мусульман в выборе своего главы халифа. Постепенно халифы превратились в мусульманских первосвященников, практически не обладающих светской властью. Они не могут также передавать свои полномочия по наследству или своей волей назначать преемника.

Шииты (араб. «ши'а») – группа приверженцев, партия), в отличие от суннитов, являются сторонниками имамата, они признают посредничество между Аллахом и людьми после смерти Мухаммеда, считают единственно законными его преемниками только Али и потомков последнего. Глава общины – имам – почитается шиитами как лицо исключительно духовное, власть его носит теократический характер. Во всех конфликтах между суннитами и шиитами за внешними религиозными разногласиями скрываются цели борьбы за политическое влияние, в ходе которой используется весь диапазон форм насилия, в том числе и вооруженное.

Исламский фундаментализм. Это словосочетание все чаще употребляется в политической лексике последних лет. Само это явление требует серьезного и глубокого изучения. Вокруг него идет острая полемика. Одни отрицают исламский фундаментализм как явление, другие видят в нем источник многочисленных опасностей для человечества. Формально исламские фундаменталисты призывают к созданию в странах, где большинство населения составляют мусульмане, обстановки, которая существовала в эпоху пророка Мухаммеда. Речь, таким образом, идет о возврате к первоначальным ценностям исламской цивилизации, о реконструкции изначального мусульманского государства. Отсюда призывы к возвращению к основам веры. На практике это означает, что исламские религиозные деятели должны полностью управлять государствами, заниматься политикой. В этом, на наш взгляд, состоит суть исламского фундаментализма.

Примером попыток реализовать на практике фундаменталистские идеи явилась деятельность мусульманского духовенства в Иране, где абсолютно господствует шиитское мировоззрение. В феврале 1979 г. здесь совершен переворот, в результате которого был смещен шахский режим. Последующий характер событий в этой стране стал определять клерикальный ислам. В этой связи принято считать, что в Иране произошла исламская революция. Это означает, что ислам здесь стал не просто знаменем, но и источником весьма своеобразных идей, которые вызвали большие надежды у широких народных масс, устремившихся за аятоллой Хомейни. Поверившие в него полагали, что постулаты Корана о справедливости и равноправии наконец восторжествуют и приведут к преобразованиям в обществе, сравнимым с революционными.

С самого начала исламской революции Хомейни и его сторонники считали, что главную беду правоверных составляет процесс отделения ислама от политики, отстранения духовных лиц от управления государством. Поэтому Хомейни «исправил» положение, объявив себя «духовным правителем» Ирана и тем самым взяв на себя всю полноту власти. Он вершил политику Исламской Республики Иран, а ее проводником стало мусульманское духовенство.

Каковы же характерные черты исламской революции в Иране и каковы ее реальные результаты? Руководители Ирана сами свои социально-экономические и политические идеи называют концепцией «исламского третьего пути развития». Составными ее элементами являются идеи «таухидной» (араб. «ат-тау-хид» – единый, объединяющий) экономики и «исламского государства».

Принципы «таухидной (объединяющей) экономики» основываются на положениях Корана: допускается как частная собственность, основанная на личном труде, так и общественная – государственная и кооперативная; средства производства используются в интересах всей об-

щины (ум-мы); распределение осуществляется по принципу «от каждого – по способностям, каждому – по благочестию». Как видно, типологически «таухидная экономика» ближе к той хозяйственной структуре, которую принято называть «смешанной экономикой».

В основе *концепции «исламского государства»* находится идея избавления мусульман от всех видов зла и создания общества социальной гармонии и справедливости. Достижение этих целей, по мысли авторов концепции, возможно только на пути всесторонней «исламизации» жизни общества. Для этого предусматривается провозглашение ислама в качестве государственной религии и введение законов, по существу, разработанных в Коране. Соответственно и роль руководящей силы в таком государстве призвано выполнять мусульманское духовенство.

Настоящей идеей фикс Хомейни было создание всемирного исламского государства. Экспорт исламской революции, причем во все страны мусульманского и даже немусульманского мира, был еще недавно всепоглощающим. Добиться создания монотеистической общины и пропаганды исламского порядка в мире стало главной задачей Исламской Республики Иран. В ее Конституции эта задача расшифровывается так: «Все мусульмане являются собой единую общину, и государство...обязано добиваться сплочения и союза исламских народов, прилагая усилия к достижению исламского мира». Задача экспорта исламской революции в другие страны и сегодня стоит в повестке дня Исламской Республики Иран. Тегеранские идеологи, в след за бывшим лидером страны аятоллой Хамейни, подчеркивают, что продолжается «победоносное шествие ислама по планете», что мусульмане должны «играть доминирующую роль в мировом развитии».

Идеи исламской революции вызвали у мусульман большие надежды, однако никаких далеко идущих экономических и социальных преобразований в Иране практически не проведено. Наоборот, назначенный Хомейни Совет экспертов, определяющий соответствие тех или иных нововведений догматам ислама, блокировал попытки провести такие преобразования.

Целый ряд факторов в последнее время обусловил значительный рост влияния ислама в ряде государств бывшего СССР. Главным из них является демократизация общественной жизни, рост национального самосознания. В республиках с преобладанием мусульман это сопровождается усилением исламской идеологии в духовной жизни и повышением роли духовенства. Вторым фактором является исламская революция в Иране, которая не могла пройти бесследно для всех мусульман. Нельзя не считаться и с событиями в Афганистане, которые оставили определенный след и в сознании правоверных бывших советских республик. Словом, исламский фактор ныне во многом определяет соци-

ально-политические процессы в ряде республик Средней Азии да и в других регионах.

Политизация ислама, как и других религиозных конфессий, находит свое выражение, с одной стороны, во все более активном участии служителей культа в управлении государственными и общественными делами, в том числе и в качестве депутатов представительных органов власти различных уровней. С другой стороны, растет политическая активность населения под лозунгами ислама. На политической арене появился ряд исламских партий. Наряду с борьбой за политическую власть в числе целей их деятельности находятся распространение исламского учения, гласная борьба за внедрение канонов шариата и другие.

Новый импульс процессу политизации ислама был дан появлением и выходом на международную арену в качестве самостоятельных государств бывших советских республик Средней Азии и Закавказья. После суверенизации в этих странах начался поиск новых приоритетов во внутренней и внешней политике. В частности, на повестку дня встали задачи развития всестороннего сотрудничества с народами мусульманского мира. Ныне здесь активно ведется работа по налаживанию контактов с мусульманскими странами на двусторонней основе, а также в рамках международных исламских организаций и учреждений, включая Организацию Исламская конференция.

В этой связи следует заметить, что сам по себе процесс развития сотрудничества мусульман бывших советских республик с другими народами исламского мира является вполне естественным. В недалеком прошлом на протяжении многих веков эти народы имели прочные исторические, культурные, экономические, религиозные и иные связи. Однако нельзя не видеть, что данный процесс сопровождается ростом влияния мусульманского духовенства и исламских политических партий во всех сферах жизни во вновь возникших государствах. В то же время здесь консолидируются силы, ориентирующиеся на демократические социально-политические ценности, на реинтеграцию республик бывшего СССР. Какая из этих двух тенденций возобладает, покажет будущее.

Вопросы для самопроверки.

Раскройте взаимосвязь политики и религии.

Как эволюционировала социально-политическая доктрина католицизма в XX веке и в каких документах это отразилось?

Политические организации католического и православного толка.

Социально-политические идеи православия.

Исламская концепция мирового порядка.

Концепция государства – общества – челка в суннитском и шиитском течениях ислама.

Политизация ислама во второй половине XX века.

Приложения.

Политическая идеология.

Программа курса.

Тема 1. Политическая идеология, проблемное поле.

Выяснение понятия. Использование понятия в обыденной и научной лексике. Различные подходы к выявлению природы явления;

Проблема специфики идеологии как пути духовного освоения действительности. Выяснение теоретико-познавательного статуса идеологии. Специфика политического сознания и место в нем идеологии. Сущностные характеристики идеологии, виды и уровни, цели, функции. Идеология и политика.

Тема 2. История появления и развития понятия и проблемы.

Возникновение и первоначальное значение термина «идеология» как «науки об идеях». Традиционная проблема западной философской мысли об «истинном» и «ложном» в человеческом познании как источник изначальной двойственности в подходе к идеологии. Учение об идолах человеческого разума Ф. Бэкона. Критика ложного идеологического мышления с позиций позитивизма и неопозитивизма (О. Конт), научной социологии (Э.Дюркгейм), социальной психологии (В. Парето), социологии знания (М. Шеллер), а так же теории социальной детерминированности группового мышления К.Мангейма.

Научно-материалистические основания негативного отношения марксизма к идеологии как «иллюзорному сознанию», выражающему господствующие идеи соответствующего эпохе правящего класса, а так же позитивном коммунистическом сознании пролетариата. Ленинское определение научности пролетарской идеологии и ее несовместимости с идеологией буржуазной как обоснование непримиримой идеологической борьбы между капитализмом и социализмом.

Тема 3. Сущность и функции идеологии с позиций научных подходов XX столетия.

Постановка проблемы в трудах представителей социологии знания позитивистской ориентации, рассматривающих идеологии как «политические религии» (Т.Парсонс), как «логически согласованные системы символов» (У. Мулинз), как системы ценностей и верований группы людей (Э.Шилз), выполняющие функции группового сплочения, ориентирования и побуждения к действию.

Критика мангеймовского положения о социальной обусловленности идеологий и мышления в целом представителями **социального позитивизма** послевоенных лет. «Критический рационалист» **Г. Альберт** о социальных теориях как человеческих фантазиях, **Т.Гейгер** о неадекватности, ввиду субъективности, человеческих представлений об

объектах внешнего мира, **Э.Топич** о компенсаторной функции идеологий.

Феноменологические концепции Идеологии. **А.Щюц, ТЛакмен, П.Бергер** об идеологии как «естественном мировоззрении», системе обыденного знания.

Иррационалистические концепции идеологии как «инвариантно-го мифа», «написанного языком философии», представленные в американском идеологоведении **Л.Фойером** и **А.Винером**.

Неомарксистские концепции идеологии. Идеология как проблема манипулирования сознанием масс. Теория «буржуазного тоталитаризма» и «одномерного человека» **Г.Маркузе**. «Технократическая идеология» **Ю.Хабермаса**. Левые радикалы о деидеологизации как специфической идеологической теории господствующей элиты.

Тема 4. Либерализм.

Понятие. Историко-философские **корни** либерального мышления. Классическая либеральная идеология: общие принципы и ценности. Переоценка ценностей в социально-политической концепции «нового» или «социального» либерализма. Политическая практика либеральных движений. Дилеммы либерализма: капитализм и демократия; свобода и равенство; экономическая эффективность и социальная справедливость; власть и порядок.

Тема 5. Консерватизм.

Происхождение термина. Различные подходы в определении феномена.

Основополагающие структурирующие ценности. Основные идеологические течения в консерватизме. **Традиционализм** как общественно-политический проект консерватизма. (**Эдмунд Берк, Лео Де Бональд, Жозе-Де Местр** о человеческой природе, человеческом разуме, традиции и эволюции и роли общества в воспитании человека).

Либертаризм – комплекс экономических, социально-философских, идейно-политических и морально-этических концепций.

установок, ориентаций. Обоснование концепции либертаризма **Фридрихом фон Хайеком**.

Политический консерватизм в лице «**неоконсерваторов**» и «**новых правых**».

Общественная и культурная система со сбалансированными отношениями либерализма и консерватизма – залог устойчивости и жизнеспособности общества.

Тема 6. Социально-политические концепции коммунистического и социал-демократического движения.

История проблемы: социалистические идеи, теории и движения. Коммунистическая концепция марксизма: теоретические и политические аспекты.

Идейно-политические течения в марксизме в XX веке: «марксизм-ленинизм» и политическая практика советского государства; «неомарксизм» или западные леворадикальные теории второй половины XX века (франкфуртская школа», «фрейдомарксизм», «экзистенциалистский марксизм», «будапештская школа» последователей Д.Лукача, «альтнессерианство», «аналитический марксизм», «австромарксизм».

Социал-демократия – теория и практика XX столетия. Идейно-теоретические истоки. Возникновение демократического социализма. Демократический социализм в послевоенный период. Новые явления в социал-демократии.

Тема 7. Социально-политические идеи альтернативных идеологий.

Понятие «альтернативных движений». Объективные основания возникновения альтернативных социальных идей: экономические; политические; социальные; культурные; моральные. Сущность альтернативного подхода к новым социальным реалиям.

Характеристика основных альтернативных идеологий: проблемы, ценности, общественно-политические ориентации, практическая деятельность.

Тема 8. Социально-политические доктрины современных религий.

Проблема соотношения политики и религии. Социально-политическая роль церкви. Отражение в христианской доктрине социально-политических проблем: отношение к человеку и государству, войне и миру, социальным конфликтам, типу политической системы, культурным и социальным ценностям.

Ислам и его роль в социальной организации общества. Политизация православия и ислама в современном обществе.

Темы рефератов.

1. «Повседневное мышление» П.Бергера.
2. «Одномерное общество» Г.Маркузе...
3. Технократическое мышление Ю.Хабермаса.
4. Концепция либертариизма Ф.Хайека по работе «Дорога к рабству».
5. Современный либерализм: И.Берлин, Р.Дворкин, Дж.Роулз, Дж.Уолдрон, У.Кимлик, М.Дж.Сэндел, Ч.Тейлор.
10. Феминизм.
6. Экологизм.
7. Социально-политические доктрины современных религий (может быть рассмотрена любая).

Контрольные вопросы.

1. Понятие, природа и общественно-политические функции идеологии.
2. История возникновения и развития понятия «идеология».
3. Сущность идеи «ложности идеологического мышления» (Ф.Бэкон, К.Маркс, К.Мангейм).
4. Ф.Бэкон об «идолах человеческого разума».
5. Концепция идеологии в трактовке М.Шеллера.
6. К.Мангейм о природе идеологического мышления.
7. «Идеология» и «утопия» в определении К. Мангейма.
8. К. Мангейм о причинах возникновения идеологии в обществе.
9. «Социальный позитивизм» об идеологии и науке (Г.Альберт, Т.Гейгер, Э.Топич).
10. Критика идеологии с позиций «франкфуртской школы» (М.Хоркхаймер, Т.В.Адорно, Г.Маркузе, Ю.Хабермас).
11. Феноменологические концепции идеологии (А.Щюц, Т-Лакмен, П.Бергер).
12. Иррационалистические концепции идеологии (Л.Фойер, А.Винер).
13. Исторические и философские корни либерализма.
14. «Классический либерализм»: идеи, принципы, ценности.
15. «Новый либерализм»: социально-экономическая доктрина.
16. Дилеммы современного либерализма.
17. Происхождение и природа консерватизма. «Традиционализм».
18. «Либертариизм»: сущность, представители.
19. «Неоконсерватизм»: течения, политическая практика.
20. Марксизм: теория, идеология.
21. Идеино-политические течения в марксизме во второй половине XX вв.
22. Социал-демократия: теория и практика XX столетия.
23. «Альтернативные» идеологии второй половины XX века.
24. Социально-политические доктрины современных религий.

Словарь необходимых терминов

Агностицизм – первоначально: позиция неведения относительно существования или несуществования Бога; в современном философском смысле – неверие в возможность познания мира, достижения объективной истины.

Алармизм – (от фр. Alarmer – бить тревогу) – современное идейное течение, объединяющее интеллектуалов и экспертов, предупреждающих о грозящих ему глобальных опасностях – ядерной, экологической, техногенной и т.д.

Аскетизм – религиозный принцип поведения, связанный с умерщвлением» плоти и воздержанием от всего потакающего личным удовольствиям и радостям.

Атомизм социальный, атомарность – картина общества, в рамках которой индивиды выступают как изолированные друг от друга атомы.

Вестернизация – распространение западных ценностей, институтов и образа жизни во всем мире частично в результате товарного и культурно-информационного обмена, частично – в результате западной гегемонии а также деятельности местных «западников».

Волонтаризм – апологетика свободной и иррациональной воли, не ограниченной ни космическим, ни нравственным законом.

Гедонизм – тип психологической или социокультурной установки на то, чтобы получать максимум удовольствий и избегать страданий любой ценой.

Гомогенный – (от греч. Homogenes – однородный) – состоящий из качественно однородных начал в отличие от понятия *гетерогенный*, состоящий из начал качественно разнородных.

Деидеологизация – требование отказа от идеологии как препятствия для рационально-прагматического поведения в политике, ориентированного на реальные интересы и проверяемые факты, а не на ценности и утопические прожекты. На самом деле концепция деидеологизации сама страдала утопизмом, ибо отказ от идеологии может быть только частично условным; чаще всего речь фактически идет об отказе одной идеологии в пользу другой, вступающей в моду.

Детерминизм – причинная обусловленность всех явлений; *индетерминизм* – отрицание причинной связи между явлениями, воля-самостоятельная, автономная, абсолютно свободная сила.

Дихотомия – деление на две части.

Европоцентризм – концепция, согласно которой западноевропейский тип культуры является образцовым для всего человечества, а Западная Европа – центром мирового развития.

Идентичность – (в социокультурном смысле) совокупность устойчивых черт, позволяющих той или иной группе (этнической или социальной) отличать себя от других.

Идеологизация – распространение в массовом сознании политических идей, представлений, и доктрин об устройстве и принципах функционирования данного общества, составляющих его идеологическую систему, и их закрепление в политической практике. Наивысшая Идеологизация это – *индокринация* (от фр. Doctrinaire – человек, слепо следующий какому-либо учению).

Имманентный – внутренне присущий, а не привнесенный или заимствованный извне.

Конформизм – установка на пассивно-приспособленческий, соглашательский тип поведения в социальной жизни и политике.

Коммуникация – (лат. Communicatio от communico – делаю общим, связываю, общаюсь) – акт общения или связь между двумя или более индивидами, основанная на взаимоотношении; передача информации от человека к человеку.

Личность – (в политической психологии) квалификация индивида, освоившего социальные функции, осознавшего свою самостоимость и неповторимость как субъекта деятельности и индивидуальности, но именно в качестве члена общества и субъекта мира политики.

Laissez – faire (фр. – буквально: позволяйте делать, кто что хочет) – доктрина восходящая к французским экономистам XVIII в. и отстаивающая принцип невмешательства государства в экономические отношения. Затем это понятие было перенесено в другие сферы жизнедеятельности.

Менталитет (лат. mens, mentis – ум, рассудок) – общий склад мышления, особенности сознания, умонастроений, психологические и нравственные предрасположенности какой-либо общности; устойчивый способ мировосприятия, объединяющий рациональные, эмоциональные, ценностные и пр. воззрения, нормы и стереотипы.

Мировоззрение – система представлений о мире и о месте в нем человека, об отношении человека к окружающей его действительности и самому себе, а также обусловленные этими представлениями основные жизненные позиции и установки людей, их убеждения, идеалы, принципы познания и деятельности, ценностные ориентации.

Парадигма – устоявшийся образец или модель, создающие осознанную или неосознанную установку мышления видеть явления в определенном свете или исследовать их в соответствующем методологическом ключе.

Патернализм – установка на отцовскую опеку (заботу), перенесенная на все общество, свобода которого ограничивается властью, выступающей как благонамеренный опекун **народа**.

Плюрализм – (от лат. pluralis – множественный) социально-философская и политическая позиция, согласно которой существует множество независимых и равноправных начал (позиций, интересов, партий, идеологий), разнообразие которых продуктивно.

Прогресс – (от лат. progressus – движение вперед, успех) направление развития с переходом от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному.

Расизм – система взглядов, обосновывающая «природное» разделение народов на «низшие» и «высшие», и политическая деятельность, опирающаяся на эту систему.

Рациональность – (лат. *rationalis* – разумная обоснованность, целесообразность; обобщенная характеристика общественной активности и поведения человека, основанная на его целенаправленной предметной деятельности выражающаяся в социально-эффективном достижении поставленных целей.

Реакционность – сопротивление общественному прогрессу, стремление к сохранению отживших общественных порядков.

Редукционизм – упрощенная трактовка тех или иных явлений и процессов, связанная со сведением высших форм к низшим, (например, духовных факторов – к экономическим, технологическим и биологическим).

Релятивизм – учение об относительности, условности и проблематичности всех законов и норм, от научных, связанных с познанием, до культурных и нравственных.

Секуляризация – освобождение общества, различных сфер социальной жизни и институтов от опеки церкви.

Синкретизм – слитность, внутренняя недифференцированность, сопутствующая ранним стадиям развития биологических и культурных явлений.

Социализация – процесс усвоения личностью в ходе взросления социальных ролей, норм и ценностей того общества, к которому она принадлежит.

Софизм – сознательная подмена тезисов в споре или при доказательстве сомнительных истин. Название ведет свое происхождение от школы софистов в Древней Греции, расшатывавших не только идеалы и достоверные объективные знания, но и многие нравственные ценности.

Сциентизм – мировоззренческая позиция, считающая научное знание высшей ценностью, а науку – центральным нормообразующим элементом общества, с рекомендациями которого все должны сверять свое поведение. Сциентизм, с одной стороны, преувеличивает социальные возможности науки и ее самостоятельность, с другой – недооценивает другие формы общественного сознания и связанные с ними институты.

Телеология – религиозно-философское учение о высших целях мироздания, которым подчинена его видимая историческая динамика.

Эгалитаризм – (от фр. *Egalite* – равенство) – утопическая общественная теория, обосновывающая необходимость равенства имущества на основании индивидуального или коллективного хозяйства, опирающаяся на всеобщую уравнительность как принцип социальной жизни.

Элитизм – (от фр. *elite* – лучшее, отборное избранное) –

Эмансипация – получение самостоятельности и равноправия каким-либо лицом или социальной группой.

Энциклика – послание папы Римского, обращенное ко всем католикам и посвященное принципиальным вопросам религиозной и обще-

ственной жизни. Энциклики называются по первым двум словам текста, составленного как правило, на латинском языке.

Этатизация – (от фр. *etat* – государство) огосударствление, процесс распространения экспансии государства на все сферы жизни общества, особенно, экономическую. Этатизм – засилье государства в экономической, социальной, культурной жизни общества, в научной и др. деятельности.

Эсхатология – религиозное учение о конечных судьбах мира и человечества, о конце света и страшном суде.

Социально-политическая парадигма – совокупность политико-социальных представлений о принципах и механизмах организации и функционирования общества, преобладающих в конкретную историческую эпоху.

Социум – (лат. *socium* – общее, совместное) – большая и устойчивая социальная общность, которой присуще определенное единство условий жизнедеятельности людей и характеристик культуры. Разновидности социума – родовые и семейно-родственные, социально-групповые, этнические, территориальные общности; высшая форма – общество как цельная социальная система. *Социетальный* – прилагательное, производное от социума для определения явлений и процессов, касающихся общества в целом.

Стереотип (греч. *stereos* – твердый, *typos* – отпечаток) – схематический стандартный образ какого-либо явления или объекта, обычно эмоциональный и очень устойчивый; он выражает привычное отношение человека к кому(чему) –либо, сложившееся под влиянием политических или социальных условий предшествующего опыта.

Структура – (лат. *Structura* – строение) – 1) взаиморасположение и связь составных частей чего-либо; 2) в теории систем – сеть упорядоченных и устойчивых связей между элементами, обусловленная многообразием функций элементов, особенно их ролью в поддержании стабильности системы. Структура – важнейшее свойство системы, поскольку показывает способ организации и функциональное соотношение ее элементов

Традиция – (от лат. *Traditio* – передача) – форма закрепления, сохранения и селективного (т.е. после проведенного отбора) переход значимого опыта от предыдущих поколений к последующим, обеспечивающая преемственность в социально-культурных процессах. Составляющие традиции – нормы, ценности, идеи, навыки, ритуалы, символы, модели поведения и т.п. – поддерживающие коллективную идентичность, объединяющие социум.

Ценности – нормативные представления, выражающие положительную или отрицательную значимость явлений, идей установок жизнедеятельности с точки зрения их соответствия потребностям, интере-

сам и целям общества, социальной группы, отдельной личности. Это глубинные внутренние представления человека, а в более узком смысле – нравственные и эстетические императивы (требования), выработанные общечеловеческой культурой. В политологии ценности рассматриваются в качестве регуляторов (либо руководящих принципов) политической жизни и поведения людей.

Ценностные ориентации – в политике – воспринимаемые человеком ценности, являющиеся целями его политических действий и основных средств их достижения, являются регулятором индивидуального политического поведения.

Эгалитаризм (фр. *egalitarisme* – равенство) – идея устранения социальных различий и социального неравенства путем всеобщей уравнительности, а также стремление к практическому ее осуществлению.

Список литературы.

Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С.. Социологический словарь. Казань, 1977.

Алексеева Т. Либерализм как политическая идеология. – Полития, 2000. – N 1.

Алексеева Т. Современные политические теории. – М., 2000.

Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм? – Полис, 1994. – N 4.

Вятр Е. Социология политического сознания. – Социология политических отношений. М., 1970.

Гаджиев К. Политическая идеология: концептуальный аспект. – Вопросы философии, 1998. – N 12.

Гарбузов В.Н. Консерватизм: понятие и типология (историографический обзор), – Полис, 1995. – N 4

Гелнер Э. Условия свободы. М., 1995.

Демидов А. Идеология как инструмент политической коммуникации. – Власть, 1998. – N 8 – 9.

Дьюи – Нибур: профили нового либерализма. – Полис, 1994. – N 3.

Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. – М., 2000.

Категории политической науки. М., 2002.

Коваленко В.И., Костин А.И. Политические идеологии: история и современность. – Вестник Московского университета, сер. 12. 1997. – N 2.

Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития (материалы круглого стола). – 1995. N 4.

Косолапов А.И. Интегративная идеология для России: интеллектуальный и политический вызов. / Вопросы философии, 1994, N 1, с. 3-24.

Костюк К. Русская православная церковь в гражданском обществе. – Социально-политический журнал. – 1998. N 2.

Мальшева Д. Исламский фундаменталистский проект в реалиях современного мира. – МЭ и МО,, 1999. N7.

Мангейм К. Идеология и утопия. – Мангейм К. Диагноз нашего времени. – М., 1994.

Мангейм К. Консервативная мысль. – Мангейм К. Диагноз нашего времени. – М., 1994.

Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества. – М., 1994.

Мац У. Идеология как детерминанта политики в эпоху модерна. – Полис, 1992. – N 1 – 2.

Мизес Л. Либерализм. – М., 2001.

Мирский Г.И. Ислам и нация: Ближний Восток и Центральная Азия. – Полис, 1998. N 2.

Ойзерман Т. Марксизм как идеология. – Свободная мысль, 1995. N 5.

Орлов Б. Левые в Европе. – Международная жизнь, 1999, N 2.

Санистебан С. Политика и идеология. – Диалог, 1993. – N 1 – 2.

Сокольская И.Б. Консерватизм: идея или метод? – Полис, 1998. N 5.

Сирота А. Неомарксизм: попытка реформации. – Вопросы философии, 1998. N 8.

Современный либерализм: Дж. Роулз, И. Берлин, Р.Дворкин... М., 1998.

Соловьев А. Политическая идеология: логика исторической эволюции – Полис 2001. N 2.

П.Сорокин Голод и идеология общества. Квитессенция. Философский альманах. – М.

Федорова М. Французский либерализм: Русо – Костан. – Полис, 1993. – N 6.

Федорова М. Традиционализм как антимодернизм. – Полис, 1996. N 2.

Хаданович В.Н. Современные Американские концепции идеологии. – Харьков, 1991.

Хайек Ф. Дорога к рабству – Вопросы философии, 1990. – N 10 – 12.

Шамшурин В. Учение Э. Берка о человеке, обществе и государстве и их познании с помощью пруденции – рассудительности. – Вестник Московского университета, серия 12, 1997. – N 3.

Яковлев М. Идеология. М., 1979.

Шинковская Н.В. Политическая идеология. Учебное пособие. Владивосток, 2003.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 1

РАЗДЕЛ 1. Политическая идеология: исторические и теоретические аспекты проблемы.....	8
Тема 1. Предмет политической идеологии. Проблемное поле	8
Вопросы для самопроверки	16
Тема 2. История возникновения понятия и проблемы	16
Вопросы для самопроверки	30
Тема 3. Постановка проблемы идеологии в XX веке	30
Вопросы для самопроверки	40
Тема 4. Неомарксистские и леворадикальные концепции идеологии	41
Вопросы для самопроверки	54
Раздел 2. «Классические» идеологии Западной Европы XIX – XX век.....	55
Тема 5. Либерализм	55
Вопросы для самопроверки	69
Тема 6. Консерватизм	69
Вопросы для самопроверки	90
Тема 7. Социализм	91
Вопросы для самопроверки	102
Тема 8. Социал-демократия	102
Вопросы для самопроверки	110
Тема 9. Тоталитарные идеологии	111
Вопросы для самопроверки	122
Раздел 3. Идеологии социальных и религиозных движений последней трети XX века.....	123
Тема 10. Альтернативные идеологии XX в	123
Вопросы для самопроверки	129
Тема 11. Идеологические аспекты религиозных доктрин.....	129